МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Марийский государственный университет»

На правах рукописи

Корякин Владимир Николаевич

Образ России на страницах американской периодической печати: по материалам «New-York Times», 1860-1864 гг.

5.6.2 Всеобщая история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
к.и.н., доц. Ярыгин Андрей Андреевич
(уч. степень / звание, Ф.И.О. руководителя)

Йошкар-Ола
2026

Содержание

Введение 3
Глава I. Восприятие России газетой «New York Times» на рубеже 1850-х и 1860-х гг.: модернизирующаяся страна и «восточная автократия» 61
1.1. Общественно-политическая эволюция США и газета «New York Times» накануне войны Севера и Юга 61
1.2 «Прогресс цивилизации»: крестьянская реформа Александра II в отображении «New York Times» 78
1.3 «Удручающее влияние иностранного правления»: «New York Times» о польском национальном вопросе начала 1860-х гг. 112
Выводы к главе I 139
Глава II. Газета «New York Times» о государственной политике Российской империи в 1863–1864 гг. 143
2.1. «Анналы турецкого деспотизма» на территории Европы: польское восстание и меры российских властей по его усмирению в публикациях «New York Times» периода зимы-лета 1863 г. 143
2.2. «Наши русские гости»: выпуски «New York Times» об атлантической эскадре русского флота 179
Выводы к главе II 203
Заключение 208
Список использованных источников и литературы 223
Источники 223
Литература 227

Введение

Современная международная обстановка характеризуется глобальными политическими сдвигами. В рамках мирового дипломатического пространства Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки являются одними из ключевых и, одновременно, конкурирующих фигур на планете. Это стороны, позиционирующие себя как центры силы на международной арене. Внешнеполитические события последних лет привели к новому витку кризисов в отношениях между нашей страной и многими западными государствами.

В условиях современной мировой обостренности, когда диалог между Россией и Западом переживает один из наиболее сложных периодов за последние десятилетия, взаимные образы все чаще сводятся к упрощенным клише наподобие «агрессора», «оккупанта», «угнетателя», «другого», «чужого» и т. д. При такой обстановке обращение к историческим корням конструирования национальных идентичностей через восприятие «других» и «чужих» становится не только академической, но и социально-политической необходимостью.

Одной из важных тем современной отечественной американистики можно назвать вопрос об истории российско-американских отношений и взаимовосприятия. Характеризуя проблему становления общественного мнения США о России, мы неизбежно затронем период первой половины 1860-х гг., когда обе страны переживали близкие процессы социально-экономического и государственного развития: отмена крепостного права и начало «Великих реформ» в России, с одной стороны, борьба за отмену рабства в США – с другой. Восприятие других стран и народов на протяжении большей части истории занимали видное место в формировании самосознания американского общества. Большое значение в данном процессе отводилось представлениям об «иных», «других» и «чужих».

Именно фактор схожести во внутриполитическом положении станет главным толчком для резкого возрастания интереса к России на рубеже 1850-х и 1860-х гг.

со стороны целой плеяды американских авторов в лице путешественников, дипломатов, общественных деятелей, публицистов, а также журналистов и редакторов периодических изданий. Роль прессы в процессе конструирования образа «другого» можно назвать одной из определяющих.

Вслед за книгами, сборниками и отдельными статьями тема России, ее состояния и политического курса со временем попадает и в номера периодических изданий, которые по праву можно назвать рупором общественного мнения США периода Нового времени. Редакторы журналов и газет не могли держаться в стороне от тех императивов политического процесса, что к середине XIX в. стали распространяться по европейскому континенту. Соответственно, Россия, как крупнейшая континентальная страна, начинает также фигурировать на страницах американской прессы. Одной из газет США, проявивших наибольший интерес к царской империи, являлась «New York Times».

В современных условиях обострения внешнеполитических отношений между Россией и западными странами рассмотрение исторического опыта формирования восприятия государств приобретает особую значимость. Способы формирования образов государств имеют устойчивые паттерны. Медиатизация политики, начавшаяся в период Нового времени, заложила основы будущих информационных процессов, где СМИ стали ключевым инструментом формирования общественного мнения. Репутационные войны, которые велись в прессе той эпохи, дают понять, как через публикации формировались устойчивые стереотипы, влияющие на межгосударственные отношения. Изучение этих механизмов позволяет лучше понять современную информационную политику и ее влияние на международную арену.

Двойственность восприятия Российской империи, характерная для публикаций того времени, сохранялась вплоть до революционных событий 1917 г. В представлениях о государстве царей прослеживалось, с одной стороны, восхищение военной мощью и культурным наследием, с другой – критика политического строя и внешнеполитических решений. Как отмечает

А.В. Павловская, Россия предоставляла больше возможностей для самореализации, особенно в государственном устройстве и условиях жизни, чем страны Западной Европы. Американские авторы сравнивали русскую жизнь с американской, чтобы показать преимущества своего образа жизни через личный анализ, литературное мастерство и фантазию. В связи с этим основной упор делался на государственную структуру, социальную систему, бытовые условия, культуру, религию[1].

Этот феномен восприятия свидетельствует о том, что стереотипы, однажды укоренившиеся в общественном сознании, могут сохраняться на протяжении длительного времени, адаптируясь к новым условиям.

Становление образа Российской империи в американской прессе, таким образом, является не только серьезным академическим вопросом, но и важным инструментом понимания истоков международных представлений и стереотипов. Оно позволяет глубже осмыслить, как исторические события и политические интересы влияют на отношение в общественном сознании к другим странам, проследить развитие этого отношении на определенном этапе времени. Анализ публикаций газеты «New York Times» второй половины XIX в. открывает возможность провести ряд значимых параллелей с современной внешнеполитической обстановкой. Обе эпохи характеризуются схожими механизмами формирования образов государств, которые часто сводятся к дихотомии «свой» / «чужой». Международные события осмысляются и трактуются через призму текущих политических интересов, что приводит к упрощению и порой искажению реальности.

Темой данного диссертационного исследования является процесс формирования образа Российской империи в американской прессе на примере газеты «New York Times». Актуальность исследования обусловлена

[1] Павловская А.В. Формирование образа России, 1850-1880-е годы: Проблемы взаимодействия культур: дис. д-ра ист. наук. – М., 1999

необходимостью переосмысления исторических корней современных медийных репрезентаций России в западном информационном пространстве. Период первой половины 1860-х гг. представляет особый интерес как время формирования ключевых нарративов о Российской империи, совпавшее с переломными событиями мировой истории: отменой крепостного права в России (1861 г.), войной Севера и Юга в США (1861-1865 гг.), польским восстанием (1863-1864 гг.), тихоокеанской и атлантической экспедициями русского флота (1863-1864 гг.) и др. Изучение механизмов конструирования политического образа России через призму американской прессы позволяет не только восполнить лакуны в истории российско-американских отношений, но и выявить устойчивые тенденции восприятия, сохранившие актуальность в контексте будущих информационных войн.

На основе обозначенной темы был определен следующий круг источников, позволяющих рассмотреть разные вопросы данного исследования.

Источниковая база

Основу диссертационного исследования составил комплекс разнородных источников, объединенных с целью реконструкции механизмов формирования политического образа Российской империи в американской прессе 1860-х гг. Использованные в работе источники были классифицированы нами следующим образом:

1. *Корпус 352 публикаций газеты «New York Times» за период с января 1860 по июль 1864 гг.*

Данный тип источника составил основу диссертационного исследования. В условиях индустриальной революции, способствовавшей семимильному развитию техники печати и выпуска периодических изданий, пресса на промышленном севере превратилась в «новую власть». Именно газеты и журналы играли ключевую роль в становлении общественного мнения в северных штатах.

Необходимо отметить, что постоянных корреспондентов в России у издания на тот момент не было. Для получения информации о событиях в далекой стране с

целью их исследования, анализа и освещения на страницах выпусков, редакторы нью-йоркских изданий использовали разные группы источников:

- Информационное телеграфное агентство «New York Associated Press».

Еще в период американо-мексиканской войны остро встал вопрос о необходимости эффективной и быстрой передачи информации с полей сражений при помощи телеграфа. Для решения этой проблемы, в 1846 г. второй издатель газеты «The Sun» М.И. Бич, организовал создание объединенного кооператива с участием еще четырех нью-йоркских изданий – «New York Herald», «New York Courierand Enquirer», «The Journal of Commerce» и «New York Evening Express». Объединение получило название «Harbour News Association» (HNA) и позже, после своего основания в 1851 г., к нему также присоединилась «New-York Daily Times».

Вскоре после окончания войны с Мексикой агентство решило добавить в круг своих интересов также международные новости, главным образом, с европейского континента. Прежде газеты особо рьяно конкурировали между собой в этом плане: издания отправляли на весельных лодках своих репортеров, дабы те встречали корабли, прибывавшие в гавани с новостями из Европы. Редакции осознали, что оплачивают одинаковую информацию и, в связи с этим, очевидным стал резон от наличия единого агентства, которое бы концентрировало, оплачивало и поставляло новости из-за границы при помощи телеграфа. В 1849 г. HNA открыла свое первое информационное бюро за пределами США – в городе Галифаксе английской колониальной провинции Новой Шотландии (в наши дни – территория Канады). Здесь служащие агентства встречали суда, прибывавшие из Европы до того, как они пришвартовывались в нью-йоркской гавани.

Новости и сообщения, доставлявшиеся на кораблях, стали одним из важных каналов получения информации для HNA, хоть и менее оперативным, чем газетные обмены с европейскими изданиями и соглашения с зарубежными информационными агентствами, прежде всего, с английским «Reuters». Через данные каналы поступали сведения и о России, которые «Harbour News

Association» (с 1856 г. – «New York Associated Press») распространяла среди газет – своих членов, включая «New York Times».

- Западноевропейская пресса.

Данный круг источников можно охарактеризовать как наиболее часто используемый и основополагающий в плане получения газетой сведений о внутриполитическом развитии России в 1850-1860-х гг. При этом редакторы обращались, главным образом, к английской и французской периодике (лондонской «Times», парижской «Le Moniteur» и др.). Реже издатели использовали сообщения из немецких изданий революционной и младогерманской направленности («Allgemeine Zeitung» и т.д.).

Важно помнить, что редакторы большинства подобных газет были негативно настроены к российскому руководству и его политическому курсу: с одной стороны, в периодике Великобритании и Франции Россия воспринималась как соперник на международной арене. Особенно явно это прослеживалось на примере английской прессы: в условиях противостояния британской короны с царской империей, развернувшегося в центральноазиатском регионе и вошедшего в историю под названием «Большой игры», Россия воспринималась как проблема для дипломатических интересов Англии. Во многом такое отношение подпитывалось устоявшимися, традиционными представлениями о «русской угрозе» и «русском варварстве». С другой стороны, европейские революционные издания видели в царской империи оплот социально-политического ультраконсерватизма, враждебный освободительным движениями на континенте.

- Газета «Санкт-Петербургские ведомости».

Данное издание считается старейшей из регулярных газет России, будучи основано еще в первой половине XVIII в. «Санкт-Петербургские ведомости» позиционировали себя как «литературно-политическая газета» и освещали широкий круг вопросов в области экономики, государственного управления, дипломатии, культуры и т.д.

В то же время, число ссылок на собственно российские издания в номерах «New York Times» было ограничено и сильно уступало по частотности количеству ссылок на упомянутые выше газеты Западной Европы.

- Сообщения, письма и отчеты дипломатов и торгово-экономических представителей.

На рубеже 1850-х и 1860-х гг., как было отмечено выше, началась новая страница в истории российско-американских отношений и взаимовосприятия. В условиях укрепления экономических и политических связей двух стран Россия становится объектом интереса и для американских дипломатов. В обоих государствах еще не было сформировано постоянных дипломатических представительств России или США, в связи с чем ключевую роль в плане подержания контактов играли посланники.

Дипломаты регулярно отправляли отчеты о политической и военной ситуации в империи, составляя у американского правительства представление о положении дел в далекой стране. Главный редактор «New York Times» Г.Дж. Рэймонд на протяжении всей войны Севера и Юга поддерживал связи и диалог с президентом А. Линкольном, имел личные связи с высшими политических кругами, а в 1864 г. и вовсе занял пост председателя Национального комитета Республиканской партии. Будучи одним из лидеров республиканцев как правящей партии, Г. Рэймонд входил в круг лиц, имевших возможность одними из первых получать важную информацию из-за рубежа[2].

В первые годы царствования Александра II еще больше расширяется сотрудничество с фирмами США в технологической и военно-технической областях. Заключаются договоры непосредственно с крупным оружейным производителем С. Кольтом на поставку в Россию фирменных ружей и начало производства револьверов с использованием чертежей, станков и другого

[2] New York Times: Complete Civil War, 1861-1865 / edited by Holzer H. & Symonds C., foreword by Clinton B. – New-York: Black Dog & Leventhal Publishers, 2010. P. 7-42

оборудования из США[3]. Наличие у русской армии образцов американского вооружения в дальнейшем будет особо подмечаться газетой «New York Times» и станет одним из ключевых аспектов формирования положительной стороны образа империи на страницах издания.

За два года до начала войны Севера и Юга, в 1859 г., другая фирма США, представленная «I. M. Singer& Co» (с 1865 г. – «Singer Manufacturing Company»), продаст в Россию образцы новых швейных машинок. Вскоре машинки «Зингер» будут широко разрекламированы и распространятся по всему государству[4].

Экономические операции, обеспечивавшие связь между Россией и американскими компаниями, осуществлялись как через посредников, так и через собственно директоров фирм, как в случае с «Кольтом». Российско-американские торговые отношения обеспечивали дополнительный канал получения информации о социально-экономической ситуации в империи.

Таким образом, нью-йоркские издания формировали картину России, используя материалы как собственно американского происхождения, так и зарубежного. Несмотря на данное обстоятельство, преобладающим источником были британские, французские, немецкие и прочие издания. Во многом эта особенность нью-йоркской прессы была обусловлена формирование многих изданий города по образцу газет Англии. Так, рассматриваемая нами «New York Times» создавалась по примеру лондонской «Times». Формируя представления о России, газета часто опиралась на опыт и наработки журналистов из Европы, перенимая их представления о далекой и малопонятной стране.

Эта особенность влияла на характер, глубину и объективность освещения, так как информация часто поступала через фильтр критически, а порой и явно враждебно настроенных корреспондентов из Европы. Опора на косвенные каналы нередко приводила к искажениям или упрощенной трактовке событий.

---

[3] Савойский А.Г. Россия – США: 200 лет экономической дипломатии (1807–2007): Монография. 2-е изд. с доп. – М.–Пятигорск: РИА-КМВ, 2011. С. 91-92

[4] Там же. С. 92

Выбор газеты в качестве ключевой базы исследования обусловлен ее особым, в сравнении с другими американскими изданиями, интересом к международным новостям, а также влиятельным статусом: к началу 1860-х гг. «New York Times» стала одной из крупнейших ежедневных газет США, формировавших общественное мнение на Восточном побережье. В связи с данными обстоятельствами, уместно рассмотреть историю складывания образа России в одном из ведущих республиканских изданий периода войны Севера и Юга.

Особенностью источника является его плюрализм оценок: с одной стороны, «New York Times» подчеркивала «варварство» и «деспотичность» царизма, с другой – восхищалась экзотической мощью и «величием» империи (военно-техническое оснащение Русского императорского флота, дисциплина русских моряков), с третьей – позитивно характеризовала реформаторскую деятельность императора Александра II как способ модернизации государства по западному образцу.

Ограничения источника включают ангажированность, тенденциозность некоторых оценок (параллели между крепостничеством и рабством, трактовка польского мятежа 1863 года как общенародного восстания и т.д.), зависимость от перепечаток из европейских газет, часто искажавших информацию. Благодаря этому публикации «New York Times» остаются ценным источником для изучения генезиса представлений о России, так как именно в 1860-е гг. закладывались образы, многие из которых оставались актуальными в последующие десятилетия.

2. Следующую группу источников составили *официальные законодательные акты*.

Внешняя политика является прямым продолжением политики внутренней. Анализ образа России в американской прессе требует учета ключевых законодательных инициатив обеих стран, которые формировали политический контекст эпохи и влияли на медийные установки. Юридические документы первой половины 1860-х гг., функционировавшие или принятые в США и Российской империи, занимают важное место в источниковой базе исследования, выполняя

роль связующего звена между политико-правовой реальностью и ее медийной репрезентацией.

Материалы данной группы представлены рядом источников: Декларацией независимости 1776 г.[5], Конституцией Соединенных Штатов Америки 1787 г. и Биллем о правах 1791 г.[6], Гомстед-актом 1862 г.[7], двумя указами «Прокламации об освобождении рабов» 1862 и 1863 гг.[8], Сводом законов Российской империи[9], манифестом Александра II об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 г.[10], манифестом императора о прощении сложивших оружие польских повстанцев от 31 марта 1863 г.[11]

Юридические документы становились «точками сборки» для американских журналистов, интерпретировавших российские реформы с позиции собственных ценностей. Например, сравнение положения крепостных крестьянам с чернокожими рабами не только отражало стремление журналистов найти параллели между двумя странами, но и закрепляло облик США как «образца свободы». Значение этих документов выходит за рамки исторической реконструкции. Они становятся инструментом для деконструкции медийных мифов: сопоставление текстов законов с их преломлением в прессе вскрывает

---

[5] Declaration of Independence // История США: материалы к курсу [Электронный ресурс] URL: https://ushistory.ru

[6] The Constitution of the United States // Soul of America. Documenting Our Past / by Baron R.C. Vol. I: 1492-1870. Golden: North American Press. 1994. P. 87-98.

[7] Homestead Act // Wikisource [Электронный ресурс] URL: https://en.wikisource.org/wiki/Homestead_Act

[8] Emancipation Proclamation Text [Электронный ресурс] // University of Michigan Library Digital Collection. – URL: https://clements.umich.edu/exhibit/proclaiming-emancipation/ дата обращения: 5.12.2022

[9] Свод законов Российской империи. Тома I-XV. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857.

[10] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XXXVI. Отделение 1. №36650 – СПБ.: Типография Второго отделения Собственной Его императорского Величества Канцелярии, 1861. С. 129-134

[11] Манифест Александра II о прощении мятежников, сложивших оружие и явившихся с повинной // Польша против Российской империи: история противостояния / сост. Н. Н. Малишевский. – Минск: Букмастер, 2012. – С. 507-509

механизмы формирования национальных стереотипов. Кроме того, анализ законов углубляет понимание самоидентификации обеих стран. Для США противопоставление своей «американской демократии» «восточной автократии» Романовых стало частью мифа об исключительности, тогда как для России реформы 1860-х были попыткой модернизации без отказа от традиционных устоев. Эти различия, зафиксированные в законодательстве, стали основой для долгосрочных медийных клише, которые, трансформируясь, продолжали влиять на восприятие России в информационном пространстве Запада.

Законодательные акты – не просто исторический фон, а ключевой элемент, позволяющий раскрыть, как политические решения превращались в инструменты информационного влияния. Их изучение необходимо не только для академической реконструкции прошлого, но и для критического осмысления современных медийных практик, где правовые инициативы по-прежнему становятся поводом для конструирования образов «своих», «других» и «чужих».

Ограничением юридических источников является проблема реализации. Закон или международный договор фиксирует предписание, декларацию о намерениях, но не отражает того, как эта норма исполнялась на практике, с какими отклонениями и интерпретациями. Законодательные акты, особенно в их публичной части, часто носят идеализированный и декларативный характер. Поэтому анализ законодательства в отрыве от документов исполнительной власти (дипломатической переписки, отчетности, инструкций и т.д.) дает искаженную, излишне формализованную картину.

3. *Тексты международных договоров.*

Дипломатические и торгово-экономические соглашения, регулировавшие связи между США и Российской империей, также стали важным дополнением к публикациям из периодической печати. Группа включает двусторонние и международные соглашения, участниками которых были Россия и США в рассматриваемый период (например, связанные с нейтралитетом, морским правом,

торговлей). Это формализованные документы, имеющие аутентичные тексты на языках договаривающихся сторон и хранящиеся в национальных архивах.

К данной группе источников относится Русско-американский договор о торговле и мореплавании от 1832 г., сохранявший юридическую силу до 1911 г., то есть и в рассматриваемый период, а также Конвенция о морском нейтралитете от 1854 г. Эти соглашения хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и были оцифрованы в рамках электронного проекта «Русская Америка. История, культура, дипломатия»[12]. Текст Конвенции о морском нейтралитете также был опубликован. Их положения, включая режим наибольшего благоприятствования, создавали правовую основу для экономического взаимодействия, однако в номерах «New York Times» тема торговли почти не фигурировала – газета предпочитала акцентировать внимание на политические аспекты, такие как дипломатическая поддержка Россией Севера в Гражданской войне.

Ограничения этой группы источников связаны с недоступностью для общественности в свое время части документов (например, секретных меморандумов) и формальностью дипломатической риторики, контрастирующей с эмоциональностью прессы. Тем не менее, договоры, переписка и протоколы конференций остаются незаменимыми для анализа трансформации правовых реалий в медийные клише, где факты переплетались с мифами, а стратегические

[12] Договор между Россией и США о торговле и мореплавании (13 статей и 1 отдельная статья). С.-Петербург. 6/18 декабря 1832 г.// Интернет-сайт «Русская Америка. История, культура, дипломатия» [Электронный ресурс] URL: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-123-1 дата обращения 5.12.2022; Американская ратификационная грамота договора между Россией и США о торговле и мореплавании от 6/18 декабря 1832 г. [Электронный ресурс] URL: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-124 дата обращения 5.12.2022; Конвенция о морском нейтралитете (4 статьи). Вашингтон.10/22 июля 1854 г. [Электронный ресурс] URL: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-125-1 дата обращения: 5.12.2022

интересы – с идеологическими штампами о «деспотичном Востоке» и «демократичном Западе».

4. Отдельную группу источников составляют *отчеты, докладные записки и военные инструкции морского министерства Российской империи в 1863-1864 гг.*

Эти документы хранятся в государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ) и частично опубликованы в номерах журналов «Морской сборник» за октябрь 1914 г., «Историк-марксист» и «Красный архив» за 1930, 1936 и 1939 гг. соответственно[13]. Данные источники раскрывают стратегические цели операции: избежание блокады флота в случае войны с Великобританией и Францией, а также демонстрацию угрозы для их морских путей с целью сдерживания европейского вмешательства в польский вопрос. Секретные предписания контр-адмиралам С.С. Лесовскому и А.А. Попову, например, предписывали: «действовать всеми возможными и доступными вам средствами против наших противников»[14]. Также они содержат информацию о тактических задачах, логистике и оценках обстановки, связанных с пребыванием русских эскадр в американских водах

Эти инструкции, сопоставленные с публикациями «New York Times», выявляют контраст между реальными военно-политическими задачами экспедиции и ее медийной репрезентацией. Если официальные документы подчеркивали прагматизм – защиту балтийской группировки флота и угрозу

[13] Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия // Красный архив. – 1930. – 1(38). – С. 148-163; Посылка двух русских эскадр в Северную Америку // Историк-марксист. – 1936. – 3(055). – С. 101-115 [Электронный ресурс] URL: https://america-xix.ru/library/efimov-squadron/ дата обращения: 12.04.2024 Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия // Красный архив. – 1930. Т. 1(38). – С. 148–163; К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США // Красный архив : исторический журнал. - 1939, Т. 3 (94) – С. 97-153

[14] Инструкция морского министерства контр-адмиралу Лесовскому 14 июля 1863 г. № 120 / Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия // Красный архив. – 1930. – 1(38). – С. 148-163

британским коммуникациям – то газета подавала визит эскадр как «символ русско-американской дружбы», замалчивая стратегический контекст.

Ограничения источника связаны с фрагментарной сохранностью документов: часть инструкций, особенно касающихся взаимодействия с США, остается в закрытых фондах. Тем не менее, даже доступные материалы позволяют реконструировать логику принятия решений и вскрыть механизмы формирования «дружественного» образа России в американской прессе, который зачастую противоречил реальным военно-дипломатическим расчетам.

5. Особую роль играют *дипломатическое инструкции, депеши, донесения и отчеты американской и российской сторон.*

Эти документы включают депеши министра иностранных дел А.М. Горчакова российскому посланнику в Вашингтоне Э.А. Стеклю и обратные донесения посланника России главе МИДа, опубликованные в сборнике 1998 г. «Князь А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения»[15] и оцифрованные в рамках упомянутого выше проекта «Русская Америка»[16], а также донесения американских

[15] Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения: сб. док. – М.: Международные отношения, 1998. – 406 с.

[16] Депеша министра иностранных дел А.М.Горчакова российскому посланнику в США Э.А.Стеклю о позиции России по вопросу гражданской войны в США. 28 июня/10 июля 1861 г. [Электронный ресурс] URL: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-126-1 дата обращения: 5.12.2022; Депеша министра иностранных дел А.М.Горчакова временному поверенному в делах России во Франции П.П.Убри о предложении французского правительства России и Англии осуществить коллективное посредничество в войне между Севером и Югом. 27 октября / 8 ноября 1862 г. [Электронный ресурс] URL: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-127-1дата обращения: 5.12.2022; Донесение посланника России в США Э.А. Стекля министру иностранных дел А.М. Горчакову об отказе США поддержать вмешательство европейских держав в польский вопрос. 29 апреля / 11 мая 1863 г. [Электронный ресурс] URL: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-128-1 дата обращения: 5.12.2022; Донесение посланника России в США Э.А. Стекля министру иностранных дел А.М. Горчакову. 24 июня/6 июля 1863 г. [Электронный ресурс] URL: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-129-1 дата обращения: 5.12.2022; Депеша министра иностранных дел А.М. Горчакова посланнику России в США Э.А.Стеклю. 14 ноября 1863 г. [Электронный ресурс] URL: https://rus-

дипломатов из Санкт-Петербурга, раскрывают механизмы формирования внешнеполитического курса. Также в данную группу входят инструкции и рассылки государственного секретаря У.Г. Сьюарда посланнику США в Петербурге К.М. Клею и отчеты последнего госсекретарю. Эти документы, вместе с остальными дипломатическими донесениями и поручениями, печатались в составе ежегодных посланий президента США обеим палатам Конгресса, в разделе «Международные отношения Соединенных Штатов». Полный текстовый архив «Международных отношений» представлен на интернет-сайте «Office of the historian»[17].

Данная группа источников представляет собой «закулисный» слой информации, отражающий реальные мотивы и расчеты сторон. Отчеты российского МИД о реакции европейских держав на Гражданскую войну, отчеты К.М. Клея со сведениями об отмене крепостного права в России, телеграммы Э.А. Стеклю, касающиеся визита русских эскадр, позволяют реконструировать реальные интересы и позиции государств.

Ограничения группы источников связаны с фрагментарностью архивных данных (часть документов утрачена или остается засекреченной), а также с дипломатической риторикой, маскирующей реальные намерения.

6. В качестве важного элемента источниковой базы выступает *личная переписка Авраама Линкольна с основателем и главным редактором «New York Times» Генри Джарвисом Реймондом*.

Письма подобного рода являются важным источником данных для воссоздания взаимоотношений между властью и прессой. Они отражают неформальные контакты между политической и медийной элитой, содержат конфиденциальные оценки и дискуссии о стратегии влияния на общественное

---

amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-130-1 дата обращения: 5.12.2022

[17] Office of the historian [Электронный ресурс] URL: https://history.state.gov/historicaldocuments дата обращения: 5.12.2022

мнение. Например, письмо Линкольна от 28 ноября 1864 г. с благодарностью за «верное отражение политики Союза» показывает, как администрация влияла на редакционную линию газеты, включая освещение международных событий.

Переписка А. Линкольна с Г.Д. Реймондом, как и с другими государственными и общественными деятелями, опубликована и оцифрована на интернет-сайте Библиотеки Конгресса в рамках собрания «Abraham Lincoln Papers at the Library of Congress»[18].

Для данного типа источников характерны те же ограничения, что и для материалов из пятой и шестой групп. Необходимо осознавать, что личные отношения между фигурами подобного масштаба – это фактор, от которого во многом зависят судьбы целых государств и политических фракций. В письмах, направляемых друг другу такими лицами, содержится обсуждение не только и не столько личных или бытовых вопросов, сколько государственных. Поэтому, несмотря на всю непредвзятость и независимость Реймонда, в его переписке с президентом США также прослеживается официоз и ограниченность нормами официального обращения.

7. Важным дополнением к источниковой базе стали *путевые заметки* и *мемуарная литература*.

Использованы субъективные повествования очевидцев событий – дипломатов, журналистов, моряков, путешественников, посещавших Россию или контактировавших с русской эскадрой в США. Эти источники дают информацию о бытовых и культурных аспектах, личных впечатлениях и неофициальных оценках, отсутствующую в документах официального делопроизводства.

Важным источником, отображающим восприятие американцами середины XIX века царской империи, является книга Бейарда Тейлора «Путешествие в

[18]Abraham Lincoln Papers at the Library of Congress: Series 1. General Correspondence. 1833 to 1916: Henry J. Raymond to Abraham Lincoln. (Suggests Lincoln make a public statement). [Электронный ресурс]. URL: https://www.loc.gov/resource/mal.0449700/?sp=1&st=image&r=-1.503,-0.086,4.005,1.712,0 (дата обращения: 29.11.2024)

Грецию и Россию, а также поездка на Крит» (1859), опубликованное в Нью-Йорке и доступное в цифровом архиве «Internet Archive»[19]. Данное сочинение объединяет жанры путевых заметок, политического анализа и литературного эссе. Текст, основанный на путешествии 1858–1859 гг., содержит детальные наблюдения о жизни Российской империи на начальном этапе Великих реформ. Время публикации сочинения и описываемые в нем события несколько выходят за хронологические рамки нашего исследования. Однако переданные автором наблюдения и впечатления о посещенной стране позволяют зафиксировать мнение об огромной империи накануне бурных событий начала 1860-х гг. со стороны очевидца из США.

Тейлор, будучи не просто писателем, но и увлекающимся политикой гражданином своего государства, совмещал этнографические зарисовки (описание крестьянского быта, традиционных костюмов, архитектуры зданий, православных обрядов) с анализом политики Александра II. Его работы стали одним из ключевых источников восприятия других стран для американской общественности, включая редакторов нью-йоркских изданий. Так, сведения об этом знаменитом на всю Америку той эпохи путешественнике активно фигурировали в «New York Times» со второй половины 1850-х гг.[20] В год выхода вышеупомянутого сочинения о России за авторством Тейлора он был охарактеризован в газете как «величайший путешественник в известном мире»[21].

В главах о царской империи, частично переведенных на русский язык в номере 6 журнала «Иностранная литература» за 2006 г.[22], автор подчеркивает

[19] Taylor B. Travels in Greece & Russia with an excursion into Crete. – New-York: G.P. Putnam, 1893. – 426 p. [Электронный ресурс] URL: https://archive.org/details/travelsingreecer00tayl/page/n9/mode/2up дата обращения: 24.01.2023

[20] New York Daily Times. February 5, 1856, P. 8; New York Daily Times. January 21, 1857, P. 3

[21] New York Times. April 20, 1859, P. 8

[22] Тейлор Б. Путешествие в Грецию и Россию, а также поездка на Крит: фрагменты книги / Б. Тейлор; пер. с англ. и вступ. Лапиной Г. // Иностранная литература: ежемесячный литературно-художественный журнал. – 2006. – №6. – С. 229-264 [Электронный ресурс] URL:

контраст между «архаичным укладом» провинции и модернизационными проектами в столичных городах. При этом Тейлор фиксирует и критические аспекты: цензуру, казнокрадство, коррупцию со стороны чиновников, что позволяет выявить селективность редакционной политики той же «New York Times», зачастую замалчивавшей подобные детали при описании внутреннего состояния страны[23].

Сопоставление книги с более поздними публикациями «New York Times» 1860–1864 гг. показывает, как путевые заметки зачастую трансформировались в медийные клише: при освещении событий крестьянской реформы и атлантической экспедиции российского флота газета акцентировала внимание на «дружелюбии русских», «социальный прогресс» и «технические чудеса» их государства. Таким образом, работа Тейлора служит не только источником фактов, но и маркером редакционной интерпретации, раскрывающим механизмы конструирования восприятия России.

Ограничения источника связаны с двойными воззрениями Тейлора: как противник рабства он восхвалял начавшуюся в России реформу по освобождению крестьян, а как писатель – удовлетворял запрос американской аудитории на экзотизацию империи. Россия предстает на страницах его сочинения как азиатская, восточная страна, а одежда, обычаи и традиции ее народов – как диковинные, причудливые.

Полезным материалом для сопоставления мнения нью-йоркской прессы о России с отечественными реалиями стали «Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина 1860-1862», опубликованные в 1999 г. по материалам РГВИА, фонд 169[24]. Данный источник охватывает ключевые события эпохи

---

https://magazines.gorky.media/inostran/2006/6/puteshestvie-v-grecziyu-i-rossiyu-a-takzhe-poezdka-na-krit.html дата обращения: 27.01.2023

[23] Там же

[24] Милютин Д.А. Воспоминания генерала-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862 / Под ред. и с пред. д.и.н., проф. Захаровой Л.Г. – М.: Студия ТРИТЭ, РИО «Российский Архив», 1999

Великих реформ. Милютин, занимавший тогда пост военного министра и участвовавший в разработке крестьянской и военной реформ, детально фиксирует механизмы государственной политики, включая взаимодействие Александра II с европейскими державами и реакцию на первые крупные волнения в Польше начала 1860-х гг. В мемуарах раскрывается официальная риторика российского правительства, которая транслировалась за рубеж в виде депеш, телеграмм и выпусков отечественной периодики («Санкт-Петербургские ведомости» и др.).

Ограничения источника связаны с позицией автора как представителя власти: Милютин минимизирует репрессивные меры в Польше, главный упор делая на примирительную позицию правительства. Кроме того, его оценки международных событий носят апологетический характер, что контрастирует с критикой в европейской прессе. Однако даже эти умолчания служат ключом к деконструкции представлений и мифов со страниц газеты: сопоставление мемуаров с публикациями «New York Times» выявляет, как американская пресса цитировала или трактовала официальные тезисы Петербурга.

В контексте анализа образа России в рамках ее военно-морской политики ценным источником стали мемуары Николая Андреевича Римского-Корсакова «Летопись моей музыкальной жизни» (1909)[25], содержащие свидетельства о пребывании русской эскадры в США в 1863–1864 гг. Композитор, служивший в те годы гардемарином на клипере «Алмаз», описывает быт моряков, дипломатические миссии и восприятие России американской публикой, что во многом дополняет газетные репортажи «New York Times». Текст доступен в электронном виде на сайте «Литература и жизнь».

Автор мемуаров фиксирует двойственность целей экспедиции: официальная задача – «учебное плавание», но реально эскадра под командованием С.С. Лесовского создать угрозу морским путям Англии и Франции в ответ на угрозу их

[25] Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. – СПб.: Типография Глазунова, 1909

военного вмешательства в польский кризис 1863-1864 гг. Его наблюдения о восторженном приеме в Нью-Йорке коррелируют с риторикой «New York Times», представлявшей визит как символ дружественных отношений. Однако, в отличие от газеты, мемуарист отмечает скрытое напряжение: слухи о возможной войне с Британией, строгий запрет на обсуждение польской темы в переписке.

Сопоставление мемуаров с публикациями «New York Times» позволяет понять, как личные впечатления участника экспедиции соотносились или разнились с медийными клише: газета исключила упоминания о военно-стратегических целях, создав картину своеобразного романтического путешествия. Таким образом, сочинение Римского-Корсакова служит коррективом к информационной мифологии, раскрывая разрыв между реальными задачами эскадры и ее репрезентацией в американской прессе.

Ограничения источника связаны с жанровой спецификой: композитор акцентирует личные впечатления (например, описание штормов или посещения оперы в Нью-Йорке) и почти не производит попытку глубинного анализа политической обстановки.

Для раскрытия западноевропейских оценок политики России, часто перенимавшихся «New York Times», мы использовали работы английского писателя, путешественника и журналиста Генри Сазерленда Эдвардса, который неоднократно посещал империю в период второй половины 1850-х – первой половины 1860-х г. Позже, в начале XX в., выдержки из его сочинений и корреспонденций были включены в отдельный сборник воспоминаний[26]. Хотя основное внимание в работе уделено Балканам и Восточному вопросу, переписка и комментарии Г.С. Эдвардса содержат ценные наблюдения о статусе России на международной арене 1860-х годов. Автор акцентировал внимание на

[26] Edwards S. H. Sir William White. For six years ambassador at Constantinople. His life and correspondence. – London: J. Murray, 1902

противоречиях имперской политики: с одной стороны, реформы Александра II, с другой – жестокое подавление польского национального движения.

Главным образом, работа Генри Эдвардса полезна как труд современника и очевидца описываемых им событий. Обращение к такому труду полезно для сопоставление его данных со сведениями из «New York Times», зачастую черпавшей информацию из европейских источников.

Ограничения источника связаны с проанглийской позицией автора: как журналист, симпатизировавший британской внешней политике, он преувеличивал «экспансионизм» России, игнорируя ее компромиссы. Тем не менее, даже субъективные оценки Г. Эдвардса помогают реконструировать международную обстановку, в контексте которой «New York Times» рисовала облик России.

Ограничения источника связаны с политической ангажированностью: как сторонник польской независимости, он минимизировал роль радикальных повстанцев (например, «красных»), акцентируя внимание на «благородстве» аристократической элиты. Кроме того, его работы, написанные после высылки из России, содержат преувеличения, как, например, в случаях с численностью сил мятежников и правительственных войск, масштабов репрессий в Польше и Литве. Тем не менее, даже тенденциозные оценки Эдвардса служат индикатором западных суждений о российской политике, которые «New York Times» либо транслировала, либо адаптировала, к примеру, смягчая критику России в пользу утверждений о «русско-американском союзе».

Как общее для всех источников данной группы ограничение, помимо типичной субъективности авторов подобных материалов, также можно выделить сроки их появления: большинство из них, кроме работы Б. Тейлора, были созданы уже через несколько десятилетий после описываемых событий, что влияло на точность деталей.

Степень изученности проблемы

При написании работы использовалась различная научные труды, в которых затрагиваются главные аспекты, рассмотренные в диссертации. В процессе

систематизации научной литературы возникли определенные трудности ввиду тесного переплетения большого числа тем. Так, к примеру, работы, в которых затрагивалась проблема восприятия России периодической печатью США, неразрывно связаны с темами истории американской прессы и общественного мнения в целом. Вопрос о российско-американских отношениях периода первой половины 1860-х гг. неизбежно касаются как политических, так и экономических, военно-технических, культурных и прочих связей.

Степень научно проработки темы характеризуется значительным количеством работ, посвященных как отдельным аспектам российско-американских отношений XIX века, так и истории зарубежной журналистики. Однако комплексные исследования, сочетающие анализ медийного пространства и эволюции двусторонней дипломатии обеих стран, на данный момент практически отсутствуют. Существующие труды по истории российско-американских взаимосвязей преимущественно фокусируются на дипломатической переписке и официальных документах. Особую нишу занимают работы, посвященные визиту русских эскадр в США 1863-1864 гг., однако они часто носят описательный характер, не рассматривая это событие в контексте долгосрочных процессов имиджевого позиционирования России.

Анализ *зарубежной историографии* российско-американских отношений и взаимовосприятия в XIX веке демонстрирует значительный интерес исследователей к данной проблематике. Использованная зарубежная литература была разделена нами на несколько групп, разделение которых обусловлено задачами исследования. В первой группе мы объединили общие труды по истории российско-американских отношений, классические дипломатические исследования. Несмотря на то обстоятельство, что тема взаимоотношений между США и Российской империей в первой половине 1860-х гг. не является предметом исследования данной диссертации, мы использовали монографии и статьи по истории российской-американской дипломатии, так как в их текстах чаще всего затрагиваются вопросы взаимных представлений двух стран. Вторую группу

составили труды тех авторов, что подходили к изучению вопроса с очки зрения культуры и цивилизационных различий между двумя государствами. Работы третьей группы представляют собой исследования истории становления и развития периодических изданий США.

В иностранной исторической науке можно выделить несколько ключевых направлений:

1. **Работы по истории международной дипломатии.**

Проблемы внешней политики представляет собой одно из фундаментальных направлений историографии США.

Классические исследования российско-американских отношений, как сочинения Дж. Каллахана[27], Ф. Голдера[28], Ф. Даллеса[29], Т. Бейли[30], А.Г. Тарсаидзе[31], У. Уильямса[32], А. Уолдмена[33], Г. Кушнера[34], Дж. Стессингера[35], П. Томпкинса[36] фокусируются на официальных договорах, переписке политических деятелей и экономических аспектах взаимодействия.

[27] Callahan J.V. Rosso-American Relations During the American Civil War. – Morgentown: Department of History and Political Science, West Virginia University, 1908.

[28] Golder F.A. The Russian Fleet and the Civil War // The American Historical Review. – 1915. – Vol. 20, № 4. – P. 801-812; Guide to Materials for American History in Russian Archives. – N.-Y.: Carnegie Institution, 1917; The American Civil War Through the Eyes of A Russian Diploma // The American Historical Review. – 1921. – Vol. 26, № 3. – P. 454-463

[29] Dulles F. R. The Road to Teheran. The story of Russia and America, 1781–1943. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1944

[30] Bailey T.A. America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Day. – Ithaca: Cornell University Press, 1950

[31] Тарсаидзе А.Г. Цари и президенты: история забытой дружбы. – М.: Международные отношения, 2025

[32] Williams W.A. American-Russian Relations, 1781–1947. – N.Y.: Rinehart, 1952

[33] Woldman A.A. Lincoln and the Russians. – Cleveland, N.Y.: The World Publishing Company, 1952

[34] Kushner H.I. The Russian Fleet and the American Civil War: Another View // The Historian. – 1972. August. Vol. 34, № 4 – P. 633-649

[35] Stoessinger J.G. Nations in Darkness: China, Russia, and America. 3rd ed. – N.Y.: Random House, 1981

[36] Tompkins P. American-Russian Relations in the Far East. – N.Y.: Harper Collins, 1982

Работа одного из крупнейших англоязычных исследователей русско-американских отношений Н.Э. Сола «Далекие друзья: Соединенные Штаты и Россия, 1763-1867»[37] остается эталонным трудом, детально реконструирующим этапы сотрудничества двух стран от установления дипломатических отношений до продажи Аляски. Исследователь также рассматривает проблему взаимных представлений американцев и русских в первой половине и середине XIX в.[38]

Одновременно указанные авторы часто затрагивают в своих трудах проблемы влияния экономических, дипломатических и военных факторов на представления американского общества разных периодов о России, что делает их сочинения особо ценным материалом в рамках темы нашего исследования.

2. Труды по имагологии.

Большое значение в исследованиях американских авторов со второй половины XX в. приобрели вопросы **взаимных представлений США и России**.

М. Лазерсон раскрывает историю общественного мнения Америки периода XVIII – начала XX вв. о внутренней политике царской империи[39]. Дж. Арчер сравнивает географическое положение обеих стран, их социально-экономическое, политическое и культурное развитие, а также влияние сходств и отличий между двумя государствами на их восприятие в Европе[40].

Среди трудов XXI века необходимо отметить сочинения Дж. Фоглесонга и А.П. Цыганкова и Д. Энгермана.

Д. Фоглесонг, анализируя вековую традицию американского мессианизма выявил парадокс: образ царской империи как «темного двойника» США служил одновременно инструментом консолидации национальной идентичности и

[37] Saul N.E. Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867. – Lawrence: University Press of Kansas, 1991

[38] Сол Н.Э. Представления русских об Америке (1820-1860) // Американский ежегодник. – М.: Наука, 1991 – С. 166-190

[39] Laserson M.M. The American impact on Russia. Diplomatic and Ideological. 1784–1917. – N.Y.: The Macmillan Co., 1950

[40] Archer J. The Russians and the Americans. – N.Y.: Hawthorn Books. 1975

проекций внутренних страхов общества[41]. Его работы, однако, охватывают период с конца XIX в. и фактически не затрагивают информационное поле 1860-х гг.

А.П. Цыганков совмещает раскрытие экономических, внешнеполитических, культурных и имагологических аспектов российско-американской дипломатии периода XVIII-XXI вв.[42]

Д. Энгерман подробно осветил влияние экономических и технических аспектов на рост интереса к России со стороны американской общественности в разные эпохи[43].

Также большую ценность имеют работы, посвященные **истории ориенталистских клише о России и русофобских взглядов**.

Для более широкого освещения темы мы также обращались к вопросам исторического восприятия России в других западных странах, сложившееся мнение которых, как мы отмечали выше, часто транслировала американская пресса. Так, статьи К.А. Фитфогеля[44] и Н.В. Рязановского[45], опубликованные в номере «Slavic Review» за 1963 г., содержат подробный анализ истории восприятия России на Западе в контексте ее географического положения на Востоке Европы, а также взаимодействия с азиатскими народами и государствами. Их работы во многом предвосхитили изучение представлений о России с позиций теории

[41] Foglesong D.S. The American Mission and the «Evil Empire». The Crusade for a «Free Russia» since 1881. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007; The Perils of Prophecy: American Predictions About Russia's Future Since 1881 // Russia and The United States: perceiving each other. – St. Petersburg: Nestor-History, 2015. – P. 282-298; Фоглесонг Д. Истоки первого американского крестового похода за «Свободную Россию»: торжество «миссионерского» мышления над русофилией, 1885–1905 гг. // Россия XXI. – 2002. № 5. – С. 100-133

[42] Tsygankov A.P. Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012 – 317 p.; Цыганков А.П. Русофобия: антироссийское лобби в США. – М.: Эксмо, 2015

[43] Энгерман Д. Модернизация с того берега. Американские интеллектуалы и романтика российского развития / Пер. Петренко М. – М.: Библиороссика, 2023

[44] Wittfogel K.A. Russia and the East: A Comparison and Contrast // Slavic Review. – Vol. 22, No. 4 (Dec., 1963). – P. 627-643

[45] Riasanovsky N.V. «Oriental Despotism» and Russia // Slavic Review. – Vol. 22, No. 4 (Dec., 1963). – P. 644-649

ориентализма Эдварда Вади Саида (1978). Такой методологический ход спустя почти семьдесят лет будет применен в диссертации Г. Белоусовой, защищенной в 2022 г. в Дюкском университете (США)[46]. На основе характеристики иностранных сочинений о царской империи автор вводит понятие «евро-ориентализма», включающее мнение Запада о восточноевропейском регионе как о Другом в пределах собственно Европы.

Не менее ценной является и работа швейцарского автора Г. Меттана[47], освещающей историю славянофобских и русофобских настроений в западных странах с эпохи Средневековья до Новейшего времени.

3. Труды по истории американской периодической печати.

Примером исследований, посвященных истории становления и развития прессы, являются работы Э. Дэвиса[48], М. Бергера[49], Ф. Брауна[50], Д. Фермера[51], Д. Данлапа[52]. Перечисленные авторы предлагают ценные методологические модели для анализа тем, поднимавшихся в газетах XIX века. В то же время, их работы не фокусируются на теме отображения российских событий в публикациях американской периодики.

Отечественная историография российско-американских отношений, связей и взаимных представлений прошла сложную эволюцию, отражающую изменения идеологического и политического контекста. В работах дореволюционных,

[46] Bielousova G. The Making of Savage Europe: Religious Difference and The Idea of Eastern Europe: Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate Program in Religion in the Graduate School of Duke University. – 2022

[47] Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война: история русофобии от Карла Великого до украинского кризиса / пер. с фр Аннинской М.Л, Булгаковой С. – М: Паулсен, 2016

[48] Davis E.H. History of New York Times. 1851-1921. – N.Y.: New York Times, 1921

[49] Berger M. The Story of New York Times. – New York: Simon and Schuster, 1951

[50] Brown F. Raymond of the Times. – N.Y.: W. W. Norton & Company, 1951

[51] Fermer D.G James Gordon Bennet and «The New York Herald». A study of Editorial Opnion in the Civil War Era, 1854-1867. – N.Y., 1986

[52] Dunlap D.W. 150th Anniversary: 1851-2000: Six Buildings That Share One Story // New York Times. November 14, 2001, P. 55 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2001/11/14/news/150th-anniversary-1851-2001-six-buildings-that-share-one-story.html (дата обращения: 1.11.2024)

советских и современных российских авторов выделяется несколько ключевых тем, на основе которых мы разделили труды отечественных исследователей на несколько групп. В первую группу входят работы, затрагивающие вопросы истории США и России середины и второй половины XIX в., а также проблемы российско-американских отношений 1860-х гг. Ко второй группе относятся исследования, посвященные теме восприятия разных стран, регионов и народов мира в западных государствах, в первую очередь, в США. В третью группу вошли труды, затрагивающие вопросы эволюции американской прессы в период Нового времени.

1. **Общие труды по истории США и России. Труды по истории царской дипломатии.**

Проблемы российско-американских отношений и взаимного восприятия периода 1860-х гг. исследуются в отечественной историографии уже давно.

Вопросы русско-американских отношений периода 1861-1865 гг. хоть и не привлекали профессиональных историков дореволюционного времени, тем не менее, были обстоятельно изучены в работах дипломатов и морских офицеров – П. Мордовина[53], С. Татищева[54], В. Каллистова[55], В. Гончарова[56] и А. Конкевича (А. Беломора)[57].

В советскую эпоху множество документальных материалов по истории российско-американской дипломатии периода войны Севера и Юга было

[53] Мордовин П.А. Русское военное судостроение в течение последних 25-ти лет, 1855-1880 гг. – СПб., 1881; Исторические соприкосновения России и Северной Америки по военно-морским вопросам. – СПб., 1885

[54] Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Том I. – СПб.: Издание Суворина А.С., 1903

[55] Каллистов Н.Д. Американская экспедиция русского флота в 1863-64 гг. // Военная энциклопедия / Под ред. Ген. штаба полк. Новицкого В.Ф., воен. инж. подполк. Шварца А.В. фон [и др.]. [Т. 2]. – С. 384-388

[56] Гончаров В. Американская экспедиция русского флота в 1863–1865 гг.: (К пяти десятилетней годовщине) // Морской сборник. 1913. Август. № 8. С. 25-57

[57] Беломор А. Вторая Тихоокеанская эскадра // Морской сборник, 1914. № 8. – С. 35-52

опубликовано изданием «Красный архив»[58]. Марксистко-ленинская трактовка истории Гражданской войны в США нашла свое отображение в сочинениях Д.И. Заславского[59], А.В. Ефимова[60] и М.М. Малкина[61]. Появляется традиция составления коллективных и обобщающих изданий, таких как «История дипломатии» под редакцией В.П. Потемкина[62].

В период 1950-1980-х гг. в научное поле приходят такие корифеи советской американистики, как И.Я. Левитас[63], Г.П. Куропятник[64], Р.Ф. Иванов[65], С.Н. Бурин[66] и др. Появляется традиция издания коллективных сборников и монографий[67].

---

[58] Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия // Красный архив. – 1930. Т. 1(38). – С. 148–163; К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США // Красный архив: исторический журнал. - 1939, Т. 3 (94) – С. 97-153

[59] Заславский Д.И. Гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки (1861-1865). – Л.: Прибой, 1926

[6060] Ефимов А.В. К истории капитализма в США. – М.: Соцэкгиз, 1934; Новая книга о русско-американских отношениях // Историк-марксист. 1936. № 3. С. 144–159

[61] Малкин М.М. Гражданская война в США и царская Россия / Под ред. и с пред. акад. Тарле Е.В. М.-Л.: Соцэкгиз, 1939; К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США // Красный архив: исторический журнал. – 1939, Т. 3 (94) – С. 97-153; Чернышевский и Заатлантическая республика (США) // Н.Г. Чернышевский: (1889-1939): [Сб. ст.]: Тр. науч. сессии к 50-летию со дня смерти / ЛГУ; Отв. ред. Евгсньев-Максимов В.Е., Вознесенский А.А., Ганелин Ш.И. – Л., 1941 – С. 319-337

[62] История дипломатии. Том первый / Под ред. Потемкина В.П. – М.: Соцэкгиз, 1941

[63] Левитас И.Я. Дело «Трента» и русская общественная мысль // Ученые записки Горьковского государственного университета. – 1959. – Вып. 51. – С. 81-96; Гражданская война в США и русские революционные демократы // Преподавание истории в школе. - 1962. - № 6. - С. 26-32; Русские эскадры в Америке // История СССР. – 1968. – № 5. – С. 135-141

[64] Куропятник Г.П. Вторая американская революция. – М.: Учпедгиз, 1961. – 260 с.

[65] Иванов Р.Ф. Проблемы истории гражданской войны в США 1861-1865 гг. в трудах советских историков // От Аляски до Огненной Земли: история и этнография стран Америки. – М.: Наука, 1967. – С. 169-178; Дипломатия Авраама Линкольна. – М.: Международные отношения, 1987; Иванов Р.Ф., Левитас И.Я. Н.Г. Чернышевский о рабстве негров в США и проблеме гражданских свобод / Р. Ф. Иванов, И. Я. Левитас // Американский ежегодник. 1980 / Отв. ред. Севостьянов Г.Н. – М.: Наука, 1980. - С. 118-138

[66] Бурин С.Н. На полях сражений гражданской войны в США. – М.: Изд-во «Наука», 1988

[67] История дипломатии в пяти томах. Том. I. / под ред. Зорина В.А. и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Госполитиздат, 1959; К столетию гражданской войны в США: Сб. ст. / Под ред. Ефимова А.В., Зубока Л.И. – М.: Соцэкгиз, 1961; Восточный вопрос во внешней политике

Особое направление в отечественной американистике, связанное с изучением истории США, международных отношений и русско-американских связей было разработано Н.Н. Болховитиновым. В его трудах рассматривались вопросы политического развития США в XIX столетии[68], анализировались основные течения и школы американской и советской историографии[69]. Однако ключевым направлением деятельности ученого стала история взаимоотношений между США и Россией. Так, докторская диссертация Н.Н. Болховитинова, впоследствии опубликованная как отдельная монография, была посвящена вопросу становления русско-американской дипломатии в период второй четверти XVIII – начала XIX вв.[70] Впоследствии он также принял участие в составлении обширного сборника документов «Россия и США: становление отношений, 1765–1815»[71]. Одной из важнейших заслуг работ исследователя можно назвать опровержение тезиса о

России. Конец XVIII – начало XX в. / Георгиев В.А., отв. ред. Киняпина Н.С. и др. – М.: «Наука», 1978; История США: В 4-х т. Т. 1: История США, 1607-1877 гг. / редкол.: Болховитинов Н.Н. и др. – М.: Наука, 1983; История внешней политики и дипломатии США. 1775-1877 // под ред. Болховитинова Н.Н. М., 1994; История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / Под ред. Игнатьевой А.В., Киняпиой Н.С., Субботиной Ю.Ф., Хевролиной В.М. – М.: Международные отношения, 1999

[68] Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро: происхождение и характер. – М.: ИМО, 1959

[69] Болховитинов Н.Н. Война США за независимость и современная американская историография // Вопросы истории. – 1969. – № 12 – С. 73-88; Современная американская историография: новые течения и проблемы // Новая и новейшая история. – 1969. № 6. С. 116–129; О механизме действия «предохранительного клапана» в истории США // Новая и новейшая история. – 1970. – № 4. – С. 23–35; Некоторые проблемы генезиса американского капитализма (XVII в. – первая половина XIX в.) // Проблемы генезиса капитализма. К международному конгрессу экономической истории в Ленинграде в 1970 г. – М., 1970. – С. 128-199; США: проблемы истории и современная историография. – М.: Наука, 1980; Россия и США: архивные документы и исторические исследования. – М.: Наука, 1984; Объяснимый парадокс: Гражданская война и Реконструкция в американской и русской историографии // Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию программы Фонда Фулбрайта, состоявшейся на историческом факультете МГУ им. Ломоносова. г. Москва. 31 января – 3 февраля 1994 года. – М.: Ладомир, 1994. – С. 170-179

[70] Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений (1775–1815). – М.: Наука, 1966

[71] Россия и США: становление отношений 1765 - 1815. Сост. Башкина Н.Н., Болховитинов Н.Н., Браун Дж.Х. и др. – М.: Наука, 1980

якобы извечной и неотвратимой враждебности двух стран, укоренившегося в американской историографии еще в середине XX в. Его статьи и монографии являются наиболее детальными трудами в плане освещения взаимоотношений США и России[72]. Будучи ответственным редактором советского периодического издания «Ежегодные исследования Америки» («Американский ежегодник») в 1988-2008 гг., Н.Н. Болховитинов обеспечил становление его как самого серьезного и престижного серийного издания по истории США и Канады в Европе.

Главной чертой основанной Н.Н. Болховитиновым научной школы стало внимание к историческим источникам, выявление и обработка новых неизвестных документов. Его ученики (Т.В. Алентьева, И.И. Курилла, А.Ю. Петров и др.) стали известными в России и за рубежом историками-американистами. Научные заслуги Н.Н. Болховитинова впоследствии были по достоинству оценены на высшем уровне: в 1997 г. он стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации за цикл монографий о становлении и развитии отношений России и США[73].

Отдельное внимание нужно уделить Т.В. Алентьевой, в трудах которой были проработаны многие новые направления отечественной американистики:

[72] Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834-1867. – М.: Наука, 1990; Историки в поисках истины: визит русского флота в США в 1863–1864 гг. // Американский ежегодник. 1994. – М. 1995. – С. 194-207; Россия и начало Гражданской войны в США. По архивным материалам // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 30–42; Миссия Клея в Россию, 1861-1862 // Американский ежегодник, 1995. – М. 1996. – С. 130-146; Русские эскадры в США в 1863-1864 гг. // Новая и новейшая история. 1996. №5; Становление и развитие русско-американских отношений, 1732-1867 гг. (некоторые итоги) // Americana: Сборник статей по истории и культуре стран Американского континента. Вып. 2. Материалы международной научной конференции «Россия и страны Америки: Опыт исторического взаимодействия». – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998 – С. 7-30

[73] Петров А.Ю. Академик РАН Болховитинов // Вестник МГИО Университета. – 2014. – № 2(35). – С. 317-324

история американской периодической печати[74], общественное мнение США[75], имагология[76] и постколониальные исследования[77].

[74] Алентьева Т.В. Из истории идейно-политической борьбы в США в 40–50-е гг. XIX века. (Газета «Нью-Йорк Дейли Трибюн» и ее редакционный штаб). – Курск: КГПИ, 1986; Проблемы протекционизма в освещении газеты «Нью-Йорк Трибюн» (50-е годы XIX в.) // Из истории политических движений и общественной мысли. Межвузовский сборник научных статей / отв. ред. Дубовицкий Г.А. – Самара: Изд-во Самарского госуниверситета, 1991. – С. 21–43; Гражданская война в Канзасе в освещении «Нью-Йорк Дейли Трибюн» Курск: КГПИ, 1992; «Живая история» в США // Метаморфозы истории. Альманах. Вып. 1 / отв. ред. В.Н. Гарбузов. Вена-СПб.-Псков, 1997. С. 246–256; Из истории американской журналистики. Феномен «New York Tribune» и общественное мнение в США (1841-1861 гг.). – М.: ИНФРА-М, 2021; Золотой век американской журналистики. – М.: ИНФРА-М, 2023; «New York Times» – новое явление среди дешевой прессы Нью-Йорка XIX столетия // Медийная регионалистика: история и современность. Материалы первой региональной научно-практической конференции и круглого стола, посвященного журналистскому и научному наследию профессора А.В. Осташевского. – Краснодар: Краснодарский ЦНТИ, 2023. – С. 22–25

[75] Алентьева Т.В. Сецессия Юга как отражение менталитета южан // США: становление и развитие национальной традиции и национального характера. Материалы VI научной конференции ассоциации изучения США. Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, 27-28 января 1999 г. / Под ред. А.С. Маныкина, Ю.Н. Рогулева, Е.Ф. Язькова. М., 1999. – С. 298-311; Сецессия Юга и общественное мнение на Севере: от иллюзий консенсуса к гражданской войне // Americana: Сборник статей по истории и культуре стран Американского континента. Вып. 6. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2002; «Политические игры» или манипулирование общественным мнением во время президентских кампаний в США в XIX веке // Феномен игры в культуре и образовании: Материалы Четвертой региональной зимней культурно – антропологической школы молодых ученых «Культура – Образование – Человек» / под ред. Е.А. Репринцевой. – Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2003; Образ Линкольна на Юге // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 12 / под ред. С.Ф. Блуменау. – Брянск: Изд-во БГУ, 2003; США накануне Гражданской войны: время и люди. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2003; Надвигающийся кризис Союза и борьба мнений в США в 1859–1861 гг. – Курск: Изд-во РОСИ, 2004.; Общественное мнение и назревание «неотвратимого конфликта» в США в отражении «New York Tribune» (1841–1861 гг.). – Курск: Изд-во РОСИ, 2005.; Из истории американской прессы. «Daily National Intelligencer» и ее редакторы // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3: к юбилею Т.В. Алентьевой / под ред. Белевцевой С.Н., Филимоновой М.А. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2011. – С. 86-102; Общественное мнение в США в преддверии Гражданской войны (1850-1861 гг.). – М.: ИНФРА-М, 2020; Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке. – СПб.: Алетейя, 2021; Реформаторы, нонконформисты, диссиденты в США (XVII - XIX вв.). – М.: ИНФРА-М, 2025.

Появление в 1980-1990-е гг. новой научной школы американистики в Горьком стало возможным благодаря работам О.А. Колобова[78] и его учеников А.А. Корнилова, А.С. Макарычева и А.А. Сергунина[79]. Тема взаимосвязи международной дипломатии США с идеологией, партийной системой и политической культурой страны в историческом и современном контекстах с 1990-х гг. по наши дни активно разрабатывается в трудах М.И. Рыхтика[80].

---

[76] Русско-американские отношения и продажа Аляски в отображении американских карикатуристов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. №3(67). 2023. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4966; Образ России в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в американском еженедельнике «Харперс Викли» // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. №2(66). 2023. С. 61-72

[77] Алентьева Т.В. Имагология культуры индейцев Северной Америки в творчестве Джорджа Кэтлина // Rолониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: pro et contra. – М.: РГГУ, 2023. – С. 113-126

[78] Колобов О.А. Механизм формирования политики США по отношению к Израилю и арабским странам в 1945–1985 гг.: дис. д-ра ист. наук. – Киев: Киевский государственный университет им. Тараса Шевченко, 1987; Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1993; Политика США по отношению к Израилю и арабским странам на рубеже 80-х – 90-х годов XX века. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1995

[79] Сергунин А.А. США. Аппарат президента по связи с конгрессом и внешняя политика. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1990; Колобов О.А., Корнилов А.А., Макарычев А.С., Сергунин А.А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль и стран Западной Европы. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1992; Колобов О.А., Сергунин А.А. Суперлобби. (Невыдуманная история Комитета по американо-израильским общественным отношениям). – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1993; Макарычев А.С. Идеи для политики. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1996

[80] Рыхтик М.И. Американская культура и национальная стратегия // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского: История, социология, политология. Нижний Новгород. – 1996. – С. 61-68.; Концептуальное осмысление национальной безопасности США: республиканский подход и его воздействие на процесс государственной внешнеполитической стратегии (исторические аспекты проблемы) // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: история. – 2003. – Вып. 1. – С. 70-83; Внешнеполитическая традиция республиканской партии США: Исторические аспекты // Российская внешняя политика и международные отношения в XIX-XX вв. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 290-300; Безопасность Соединенных Штатов Америки: история, теория и политическая практика: монография. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2004; Безопасность Соединенных Штатов Америки: история, теория и политическая практика. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2004; Партийный фактор во внешней политике США // Американский ежегодник. – 2022. – С. 102-116

Для постсоветской российской историографии было свойственно возвращение интереса к биографическому жанру и вопросу о роли личности в истории. В связи со сменой исследовательских парадигм выходят труды, посвященные в отдельности российским дипломатам, их политической деятельности, вкладу в защиту национальных интересов Отечества, жизненному и карьерному пути[81]. В частности, публикуются работы, посвященные биографии главы российского МИДа в 1856-1882 гг., последнего канцлера Российской империи, князя А.М. Горчакова[82].

В конце XX – начале XXI вв. образуются научные центры и лаборатории американистики в Волгограде (Центр американских исследований “Americana” ВолГУ), Благовещенске (Центр американских исследований БГПУ).

Работы И.И. Куриллы[83] открыли новую страницу в истории отечественной американистики: были разработаны новые подходы к изучению проблем российско-американских отношений и взаимовосприятия[84].

---

[81] Российская дипломатия в портретах / Герасимова Г.И., Санин Г.А., Шапкина А.Н. и др.; ред. А. В. Игнатьев. – М.: Международные отношения, 1992; Манько А.В. Выдающиеся дипломаты России XVI–XIX веков. – М.: Аграф, 2005; Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. – М.: Молодая гвардия, 2010

[82] Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. – М.: Международные отношения, 1998; Лопатников В.А. Горчаков. Время и служение канцлера Горчакова. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2015; Авлиев В.Н. Историография деятельности А.М. Горчакова // Science Time. – 2015. № 10(22) – С. 8-22

[83] Признан минюстом РФ иностранным агентом.

[84] Курилла И.И. США и Крымская война: уроки для России // Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. МГИМО МИД России (23-24 мая 2000 г.) – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 452-456; Американские дипломаты 1840-х годов о Российской империи // США. Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – № 3. – С. 72-86; Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005; Образ России в США в 1840-1850-е гг. // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование / Под ред. Чубарьяна А.О. и Рубла Б.А. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2007. – С. 22-36; Рабство, крепостное право и взаимные образы России и США // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 6 (142). – С. 425-440; Заклятые друзья: История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М.: Новое литературное обозрение, 2018; Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США. – М.: Альпина Паблишер, 2024

Усилиями Т.В Алентьевой при Курском государственном университете (КГУ) в 2008 г. стало выпускаться новое издание – «Американистика: актуальные подходы и современные исследования»[85]. Сборник объединил специалистов из разных городов России, Беларуси и США. В следующем году в Курске также был образован один из крупнейших региональных центров американистики – «Центр изучения США».

В это же время осуществлял активную деятельность Российско-американский центр (РАЦ) при Марийском государственном университете (г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл), созданный при поддержке ректора МарГУ В.П. Ившина и по инициативе проректора этого же ВУЗа по международному сотрудничеству А.А. Ярыгина[86]. Результатами деятельности центра стали новые курсы по истории США на историко-филологическом факультете Марийского государственного университета и ряд научных публикаций, опубликованных в сборниках МарГУ и ЧувГУ[87].

---

[85] Американистика: актуальные подходы и современные исследования: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1 / редколлегия: Алентьева Т.В. (ответственный редактор), Белевцева С.Н., Филимонова М.А; Министерство образования и науки Российской Федерации, Курский государственный университет, Центр изучения США. – Курск: Изд-во Курского госуниверситета, 2008

[86] Ярыгин А.А. Первые академические обмены Марийского государственного университета в 1994-1997 годах // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. – 2013. – С. 61-70

[87] Катлер В., Ярыгин А.А. Политика вето президентов Джексона, Полка и Джонсона и джексоновская концепция развития экономики США. // Политика и культура стран Европы и Америки. Ч. 2. – Йошкар-Ола, 1996. – С. 15-29; Д. Роуни. Политический центр и периферия: взгляд на государственное управление в России в историческом контексте / Пер. и ред. Ярыгина А.А. // Политика и культура стран Европы и Америки. Ч. 2. – Йошкар-Ола, 1996. С. 97-113; Yarigin A.A. The Russian-American Center at Mari State University. // Alrtacts. Western Social Sciense Association. 39 Annual Conference. April 23-26, 1997. – Altuguergue, 1997. – P. 132-135; Ярыгин А.А. Роль и значение международных обменов // Российско-американское сотрудничество. Образование и перспективы развития. Материалы I Российско-американской региональной конференции 9-11 декабря 1997. – Йошкар-Ола, 1997. – С. 3-7; Актуальные проблемы «джексоновской» демократии в США в первой половине XIX века // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе. I Арсентьевские чтения. – Чебоксары, 2008. – С. 428–436; Образ России в преподавании истории в американских

Вопросы дипломатии царской империи середины и второй половины XIX в. продолжили изучаться в труды В.Н. Пономарева[88], А.Г. Бесова[89], В.Я. Гросула[90], В.И. Журавлевой[91], Д.В. Дорофеевой[92] и др.

В первой половине 2010-х гг. выходят работы А.Г. Савойского[93], раскрывающие проблемы истории экономического, технического и культурного сотрудничества США и России.

Уникальная концепция американской истории была разработана в трудах В.В. Согрина, где к изучению истории США впервые был комплексно применен цивилизационный подход[94].

университетах. // Полиэтничность России контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. III Арсентьевские чтения. – Чебоксары, 2010. – С. 20–29.

[88] Пономарев В.Н. Крымская война и русско-американские отношения – М.: ИРИ РАН, 1993

[89] Бесов А.Г. О причинах и итогах Крымской войны 1853-1856 гг. // Восточный архив. – №14-15. – 2006 – С. 5-10

[90] Гросул В.Я. Парижский конгресс 1856 г. и формирование новой юго-западной границы России // Русин. – 2006. № 2 (4) – С. 95-104

[91] Журавлевой В.И. История взаимоотношений США с Российской империей / СССР / постсоветской Россией как академический проект XXI в. // Американский ежегодник. – 2021 – С. 195-219

[92] Дорофеев Д.В. Генезис внешней политики США: тема в трудах российских исследователей XIX – начала XX веков / Д. В. Дорофеев // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 1. – С. 311-329; Генезис внешней политики США: советская историография 1930-х – начала 1940-х годов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – Том 9 (75). – № 1. – 2023. – С. 12-28

[93] Савойский А.Г. Россия – США: 200 лет экономической дипломатии (1807–2007): Монография. 2-е изд. с доп. – М.–Пятигорск: РИА-КМВ, 2011; Эволюция экономической дипломатии в российско-американских отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2012. № 4. – С. 28-39; Моделирование российско-американских отношений возможно // Вестник МГИМО Университета – 2013 – № 2(29). – С. 238-245; О позитивном взаимовлиянии России и США в мировой истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2013 – № 3 – С. 41-51

[94] Согрин В.В. Гражданская война и Реконструкция в США. Современное прочтение // Новая и новейшая история. – 2010. – № 1 – С. 21-42; Историческая роль Демократической партии США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2010. № 1 – С. 103-113; Исторический опыт США. – М.: Наука, 2010. – 581 с.; Понять Россию. Понять Америку // Знание – сила. – 2010. – № 3 – С. 73-81; Демократия в США: от колониальной эры до XXI в. – М.: Весь Мир, 2011. – 368 с.; Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США // Новая и новейшая история. – 2012. – № 1 – С. 25-43; Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США //

Проблемы социально-экономического и социально-политического развития США в середине XIX вв. продолжают рассматриваться в трудах А.В. Тайгильдина[95].

Также на современном этапе отечественной историографии тема внешней политики царской России, включая американское направление дипломатии

Новая и новейшая история. 2012. № 1 – С. 25-43; Равенство возможностей как фактор американской цивилизации // США и Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2012. – № 1 – С. 3-18; Прошлое, настоящее и будущее американской демократии // США и Канада. Экономика. Политика. Культура. 2012. № 8 – С. 3-22; Центральные проблемы истории США. – М.: Весь Мир, 2013. – 352 с.; Состояние и перспективы российской американистики // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3 – С. 156-176; США как либерально-демократическая империя // США и Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2015. – № 1 – С. 3-20; Американская империя как исторический и современный феномен // Новая и новейшая история. – 2016. – № 3 – С. 91-109; Английское влияние на американскую цивилизацию // Новая и новейшая история. – 2019. – № 1 – С. 3-24; Социальные конфликты в США. Участники и этапы // Новая и новейшая история. – 2019. – № 4 – С. 5-26; Американская цивилизация. – М.: Весь Мир, 2020; Права человека в США. Эволюция. Этапы. Современность // Новая и новейшая история. – 2022 – №1 – С. 206-226; Американская двухпартийность. От Джорджа Вашингтона до Джо Байдена. – М.: Весь Мир, 2022; Американская империя. Происхождение. Этапы. Современность. – М., Международные отношения. 2022; Американские идеологии XVII–XXI веков. – М.: Издательство «Весь Мир», 2024

[95] Тайгильдин А.В. Изучение вопроса о рабстве накануне Гражданской войны в США в отечественной историографии // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2018. – Т. 4. № 2. – С. 52-62; Промышленный переворот в США и его влияние на взаимоотношения Севера и Юга // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 6. – С. 86-98; Нэшвильский конвент 1850 года как этап развития южного сецессионизма накануне Гражданской войны в США // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. – Т. 6. № 1. – С. 52-58; Национализм и вопрос о нации на Юге США (первая половина XIX в. – 1861 г.) // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. – 2022. – С. 95-112

империи, раскрывается в работах О.Р. Айрапетова[96], В.Е. Воронина[97] и В.С. Дудаерва[98]. Поддерживается традиция написания коллективных многотомников[99].

При рассмотрении польского направления российской политики мы обращались к современны работам А.И. Максимова[100], К.А. Черевыка[101], О.О.

[96] Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи 1801–1914 гг. М.: Европа, 2006; Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. Айрапетов О.Р., Мирослав Йованович, Колеров М.А., Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том XV. – М.: Модест Колеров, 2013. – С. 7-138; История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 томах. – Т. 3. Внешняя политика императора Александра II и Александра III. 1855–1894. М.: Кучково поле, 2018; Поляки или студенты? Пожары весны и лета 1862 года // Польское восстание 1863–1864 годов в общественно-политической и конфессиональной мысли славянских народов – 2023. – С. 26-39; Польша в 1861–1862 годах: несостоявшийся Ausgleich. На пути к войнам и революциям // Русский сборник. Исследования по истории России. – 2023. – Т. 30 – С. 4-33; Польское восстание 1863-1864 гг. в политике Империи. Предпосылки, ход, последствия. – М.: Издательский дом «Тион», 2026

[97] Воронин В.Е. Первые манифесты эпохи реформ: окончание Крымской войны и преобразовательные замыслы Александра II (1856) // Власть. – 2025. – С. 279-282

[98] Дударев В.С. Стала ли Венская система международных отношений системой? // Преподаватель XXI век. – 2024. – № 4. Часть 2. – С. 355-357

[99] История внешней политики России: В 5 т. Том IV. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / отв. ред. Сахаров А.Н. – М.: Академический проект; Парадигма, 2018

[100] Максимов А.И. Трансформация политики Российской империи в отношении Царства польского и Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. №7 (6). – С. 111-114

[101] Черевык К.А. Вмешательство великих держав в польское восстание 1863 г. и позиция России // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2019. – Том 12. Выпуск 6. – С. 84-89

Завьяловой[102], А.А. Комзоловой[103], А.Р. Дюкова[104], Е.В Стариковой[105], Ю.А. Борисенка[106], В.А. Кретова[107], Е.Д. Неверовой и О.В. Ягудиной[108].

Отдельные вопросы государственной, правовой и социально-экономической истории 1860-х годов (крестьянская реформа, национальная политика), затрагивавшиеся в нашем исследовании, рассматриваются в работах

[102] Завьялова О.О. «Революция по всех сердцах: развитие кризиса в русско-польских отношениях накануне польского восстания 1863-1864 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 4 (24) – С. 31-38; «Усмирить подвластный нам край»: взгляды И. А. Арсеньева на польский вопрос в начале 1860-х годов в контексте национальной политики Российской империи // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2019. Т. 19, вып. 4 – С. 417-423

[103] Комзолова А.А. История правительственной политики в Северо-Западном крае в XIX - начале XX в. (Анализ новых публикаций архивных источников) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2021. – № 4. С. 27-43; Польское восстание 1863-1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 68-74

[104] Дюков А.Р. «Кто против польского правительства, тому огонь и виселица». Повстанческий террор 1863-1864 гг. в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи // Белорусский исторический обзор. – 2021, № 2(5). – С. 19-38

[105] Старикова Е.В. Польское восстание 1863-1864 гг. и повстанцы глазами русских военных и чиновников // Исторический журнал. – 2023. – №2. – С. 154-168

[106] Борисенок Ю.А. Польское Январское восстание 1863–1864 гг. на литовско-белорусских землях: самосознание повстанческих верхов в свете новых архивных поисков // Славянский альманах. – 2024. № 3-4. – С. 482-499

[107] Кретов В.А. Польский вопрос в Российской империи в последних изданиях серии Historia Rossica // Славянский альманах. 2024. № 1-2. С. 427-453

[108] Неверова Е.Д., Ягудина О.В. Восстания в Царстве Польском в XIX веке // Шаг в науку. – 2025. – № 2. – С. 66-70

Е.Е. Степановой[109], Д.Э. Летнякова[110], В.Т. Рязанова[111], К.И. Шнейдера[112], А.П. Копировского[113], П.В. Крашенинникова[114], Н.П. Селиверстовой[115].

2. Сочинения по имагологии.

Снятие идеологических ограничений и доступ к архивам позволили переосмыслить прежние подходы. В отечественную историческую науку внедряются новые подходы и направления (цивилизационные теории, историко-эволюционный подход, мир-системный анализ и т.д.). В связи с влиянием имагологического и культурологического подходов у многих исследователей с 1990-х гг. начинает проявляться особый интерес к проблемам формирования образа России заграницей.

Вопросам сравнения американской и русской ментальностей, взаимовосприятия двух стран в конкретно-историческом контексте посвящены

[109] Степанова Е.Е. Историко-правовое значение управления российским государством северо-западными территориями Северной Америки // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 3 (98) – 2021 – С. 41-49

[110] Летняков Д.Э. Дворянство в Российской империи: между престолом и оппозицией // Знание. Понимание. Умение – 2011. № 3 – С. 128-133

[111] Рязанов В.Т. Реформа 1861 года в России: причины и исторические уроки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Сер. 5. – Вып. 2, 2011. – С. 3-17

[112] Шнейдер К.И. «Либерал во дворянстве»: аристократическое начало в раннем русском либерализме // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 43. – 2011 № 1 (216) – С. 33-38; Шнейдер К.И. Политическая программа русских либералов середины XIX в. / К.И. Шнейдер // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2011. № 2 (16). – С. 33-38

[113] Копировский А.М. Дореволюционные трезвеннические общества и братства в России. Три парадокса // Вестник Свято-Филаретовского института. Основные направления деятельности православных братств. – 2017 – С. 67-75

[114] Крашенинников П.В. Время Великих реформ. Золотой век российского государства и права. – М.: «Эксмо», 2023. – 352 с.

[115] Селиверстова Н.П. Политический язык консервативного дворянства // Общество: философия, история, культура – 2024. № 6. – С. 221-226

работы А.В. Павловской[116], О.Ю. Казаковой[117], М.М. Сиротинской[118], И.В. Журавлевой[119], С.А. Спартака[120].

Накопление отечественными авторами богатого опыта в имагологических исследованиях привели к зарождению традиций издания коллективных монографий в данной отрасли. Так, значимым событием в истории развития отечественной имагологии стал выход в 2019 г. коллективной монографии «“Свой” / “Чужой” в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России»[121], главы

---

[116] Павловская А.В. Формирование образа России в США, 1850-1880-е годы: Проблемы взаимодействия культур: дис. д-ра ист. наук. – М., 1999. – 483 с.

[117] Казакова О.Ю. Американская демократия и гражданская война: взгляд из России: (По материалам русской прессы 1861-1865 гг.) // Демократия и общественные движения: история и общественная мысль. – Волгоград, 1998. - С. 57-61; «Русские американцы» – литературные персонажи эпохи великих реформ (1860-е гг.) // Американский ежегодник. 2002 – С. 209-226; Американская тема в газетной периодике пореформенной России (1850-1860-е гг.): от информации к образу // Americana. № 8. Волгоград, 2008. С. 58–95; Американская тема на страницах провинциальных прессы России эпохи Великих реформ // Американистика: актуальные подходы и современные исследования: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / Редколлегия: Алентьева Т.В., Белевцева С.Н., Филимонова М.А. – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2008. С. 47-65

[118] Сиротинская М.М. «Дело Кошты может быть текстовым полем, в котором… державы намереваются осуществлять взаимодействие»: капитан Инграхем, “Молодая Америка”, пресса США и российский посланник в Вашингтоне Александр Бодиско // Американский ежегодник. – 2012. – С. 105–121; Россия в восприятии «Молодой Америки», 1851-1852 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / Отв. ред. Голубев А.В. – Вып. 6 (I). – М.: ИРИ РАН, 2012. – С. 98-104

[119] Журавлева В.И. Русский «Другой» в американской политической карикатуристике: от века XIX к веку XXI // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2012. – С. 67-96; Русистика/советология в США, американистика в России: опыт взаимных репрезентаций // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – № 7 (87). – С. 287-297; Мифы о России в американской политической карикатуристике: история и современность // СССР и США в XX веке: восприятие «Другого» / Под ред. Физелер Б, Магнусдоттир Р. – М.: РОСПЭН, 2017. – С. 187-213; Русский революционный «Другой» в американской русистике // Революции и революционный дискурс в США: сборник статей. – М.: Издательство РГГУ. – 2017 – С. 158-176; Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика – 2024 – № 15(1) – С. 20-45

[120] Спартак С.А. Исторические корни политического образа России в США – М.: Проспект, 2022. – 192 с.

[121] «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях Запада и России. – СПб.: Алетейя, 2019

которой посвящены различным аспектам восприятия других народов и стран в культурном пространстве государств на разных исторических этапах. Схожие вопросы рассматриваются также в других совместных трудах, публикованных издательством «Алетейя»: «“Свои” и “Другие”. Взаимодействие и восприятие культур Запада и России» (2020)[122], «“Свои” / “Другие” / “Чужие”. Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России» (2021)[123], «Запад и Россия: история противостояния» (2023)[124] и т.д.

Облик России конкретно на страницах исследуемой нами газеты в общем историческом контексте раскрывается в статьях Л.Б. Пойгиной[125], К.Б. Беляевой и С.О. Буранка[126].

Среди сочинений зарубежных коллег, с которыми познакомились российские исследователи в 1990-2000-е гг., была и переведенная на русский язык теоретическая работа Эдварда Саида «Ориентализм» (1978). Саидовская концепция раскрывает западную репрезентацию «Востока» с пониманием данного термина как искусственного культурного конструкта. В целом теория ориентализма оказала большое влияние на социально-гуманитарную область[127].

---

[122] «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. – СПб.: Алетейя, 2020

[123] «Свои» / «Другие» /«Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. – СПб.: Алетейя, 2021

[124] Запад и Россия: история противостояния – СПб.: Алетейя, 2023

[125] Пойгина Л.Б. Образ России на страницах "Нью-Йорк Таймс в исторической ретроспективе и современности // // Коммуникология. – 2015. – Т. 3. № 2. – С. 135-148

[126] Беляева К.Б., Буранок С.О. «Демонический образ» России в публикациях «New York Times» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – Т. 22, № 71. – 2020. – С. 53-57

[127] Рашковский Е.Б. «Постколониальный дискурс»: глобальные контексты // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. № 9, ч. 2. – С. 176-189; Чисталев М. С. Переосмысление «Ориентализма» Э. Сайда в современном западном и отечественном научном дискурсе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 27, № 5. С. 1352-1364

В новейших статьях М.М. Сиротинской[128] и М.А Филимоновой[129] был применен мощный методологический прием: постколониальный подход внедрен в исследование американских взглядов и политики по отношению к коренному населению Западного полушария. В дополнение в работах В.И. Журавлевой[130], Л.В. Клепиковой[131], Н.П. Мониной[132] и А.В. Гладышева[133] изучена история восприятия России в западных странах XV-XIX вв., включая США, что позволяет вскрыть внутренние культурные коды.

3. Работы по истории периодической печати

Новой для всего отечественного гуманитарного пространства стала теории медиатизации, которая характеризует СМИ как один из важнейших инструментов политики, напрямую формирующий общественное мнение и служащий средством политической коммуникации, связывающий социум с политикой[134]. Для изучения

[128] Сиротинская М.М. Взаимодействие США с неевропейским Другим в репрезентации американцев середины XIX столетия в контексте постколониального подхода // Колониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: pro et contra. – М.: РГГУ, 2023. – С. 150-160

[129] Филимонова М.А. Колониальный и антиколониальный дискурс в повседневности Массачусетса (1765–1775) // Колониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: pro et contra. – М.: РГГУ, 2023. – С. 101-112

[130] Журавлева В.И. Образы России в американском ориенталистском дискурсе // Колониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: pro et contra». – М.: РГГУ, 2023. – С. 175-196

[131] Клепикова Л.В. Понятие «европейский Восток» в философско-историческом дискурсе: истоки и интерпретации // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 127-139

[132] Монина Н.П. Зарождение ориенталистского дискурса русофобии / Н.П. Монина // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право – 2024. Т. 49, №2. – С. 348-356; Россия как другой: историко-культурологические основания ориенталистского дискурса польской русофобии (XV-XIX вв.) / Н.П. Монина // KANT: Social science & Humanities – 2024. №1(17). – С. 19–26; Формирование базовых концептов идеологии сарматизма в контексте отношений Свой – Чужой: истоки польской русофобии/ Н.П. Монина // Журнал «Гуманитарий Юга России». – 2024. –С. 189-198

[133] Гладышев А.В. Пришедшие с холода: восприятие «казака» населением Франции по время кампании 1814 года // История и историческая память. – 2023. – С. 28-55

[134] Губанова М.И. Медиатизация реальности: теоретический аспект // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 2 – № 2(35) – С. 84-91; Гуреева А. Н., Кузнецова

общественного мнения США в XIX в. одним из главных требований можно назвать анализ американской периодической печати того времени. Характеристике возникновения и развития периодических изданий США в российской исторической науке посвящены труды Ю.В. Маркиной[135], М.М. Сиротинской[136], М.А. Филимоновой[137]. В статье А.И. Новгородовой также раскрывается история газеты «New York Times»[138].

Проблемное поле современных отечественных исследований определяется тем обстоятельством, что большинство работ справедливо рассматривают 1860-е гг. как «золотой век» российско-американских отношений, но при этом не учитывают амбивалентность медийных утверждений, в рамках которых риторика о дружбе и союзе соседствовала с устоявшимися негативными клише. Настоящее исследование восполняет эти пробелы, системно анализируя, как газетные тексты становились полем конкуренции между внешнеполитической прагматикой и культурными стереотипами.

Современная историография уделяет особое внимание анализу стереотипов и образов, формировавшихся в американской прессе при освещении российских реформ. Исследователи показывают, как в медиапространстве переплетались

В. С. (2021) «Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы» // «Вопросы теории и практики журналистики». – Т. 10. – № 1 – С. 191-205

[135] Маркина Ю.В. Газета «New York Times»: эволюция типа издания: дисс. канд. фил. наук. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет. – 2004.

[136] Сиротинская М.М. Женское движение в США, 1840-1850-е гг. (по материалам американских периодических изданий) // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII-XX вв. М.: ИВИ РАН, 2008. – Т. 1. – С. 137-188; «Молодая Америка» и доктрина «вмешательства» в оценке прессы США начала 1850-х гг. // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII-XX вв. – Том II: «Молодая Америка» и доктрина вмешательства в оценке прессы США, начало 1850-х годов. – 2009. Т. 2. – 92-151; «Вы хотите встать под защиту американского флага? Тогда вы получите ее!»: «Дело Кошты» в освещении газеты «New York Times» // Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. Регионоведение. – 2012. № 7 (87) – С. 97-107

[137] Филимонова М.А. Пресса становится властью. Политические дискуссии на страницах периодической печати США в конце XVIII века. – М.: ИНФРА-М, 2021

[138] Новгородова А.И. New York Times: уникальный опыт семейного бизнеса // Меди@льманах. 2020. №2-3. – С. 92–104

прагматические интересы и культурные клише, создавая сложный образ реформирующейся России.

Таким образом, отечественная историография сформировала солидную базу для изучения восприятия в США отмены крепостного права в России, однако многие аспекты этой темы требуют дальнейшего исследования, особенно в контексте анализа медийных репрезентаций и формирования общественного мнения.

На основании круга источников и литературы нами выделены следующие объект, предмет, хронологические рамки, цель, задачи, методология и методы исследования.

Объектом исследования выступает газета «New York Times», а **предметом** – механизмы конструирования политического образа Российской империи в контексте ключевых событий исследуемого периода. Выбор источника обусловлен особой ролью издания как одного из рупоров республиканской партии, чья позиция в Гражданской войне оказала значительное влияние на формирование внешнеполитического курса США.

Хронологические рамки исследования охватывают временной промежуток с 1860 по 1864 гг. и тесно связаны с определенными этапами исследования тесно связаны с определенными этапами в истории России и США.

Нижняя граница исследования, 1860 год, обусловлена резкими поворотами во внутриполитической жизни обеих стран: в Российской империи этого времени начинается новый рост активности польского движения, проходят первые крупные акции протеста в Варшаве (август); в Америке же проходит очередная президентская компания, приведшая к победе на выборах главы государства республиканца Авраама Линкольна (ноябрь) и старту процесса сецессии южных штатов (декабрь). Однако даже в условиях обостренной политической борьбы, общественность США проявляла интерес к Росси и тому, что происходит в далеком государстве. В большинстве своем именно редакторы периодических изданий удовлетворяли этот интерес: параллельно с развитием событий в Америке шло

активное освещение тех бурных процессов, что протекали в царской империи. Верхняя граница, 1864 год, определена окончанием американской экспедиции русского военного флота. Данные события активно освещались газетой «New York Times», время выхода последних публикаций издания, посвященных им, совпало со своеобразным пиком отображения образа России в периодике США 1860-х гг.

Цель работы заключается в выявлении стратегий репрезентации России в американской прессе 1860-х гг. на примере «New York Times». Для ее достижения решаются следующие **исследовательские задачи**:

1. Рассмотрение истории развития «New York Times» в период 1851-1861 гг., ее авторитета и влияния на общественное мнение США до Гражданской войны в США;
2. Выявление основных вопросов крестьянской реформы, освещавшихся газетой «New York Times» в начале 1860-х гг.;
3. Раскрытие характера освещения редакцией «New York Times» польского национального вопроса накануне «январского» восстания;
4. Прослеживание эволюции отображения «New York Times» событий польского восстания;
5. Исследование восприятия «New York Times» атлантической эскадры русского флота в 1863-1864 гг.

Методология и методы исследования

Тема исследования затрагивает широкий круг исторических вопросов: история периодической печати, социально-экономическое и социально-политическое развитие США и Российской империи в период 1860-х гг., американская и русская культура в третьей четверти XIX в., война Севера и Юга 1861-1865 гг., внешняя политика США и России во второй половине XIXв., история российско-американских отношений.

Полный архив номеров «New York Times», начиная с 1851 г., представлен на официальном интернет-сайте газеты[139] и Библиотеки Конгресса США[140], а также электронной библиотеки «Internet Archive»[141]. Также в 2010 г. был подготовлен сборник выдержек из «New York Times» за период от основания газеты в 1851 г. до окончания эпохи Реконструкции Юга в 1877 г., составленный Г. Хольцером и К. Симондсом[142]. Центральное место в нашем диссертационном исследовании занимает корпус из 352 публикаций «New York Times» (колонки и статьи), охватывающих период с 1860 по 1864 гг.

Публикации «New York Times» были выявлены через цифровые архивы газеты при помощи использования следующих 15 ключевых понятий: «Russia» («Россия»), «Russians» («русские»), «czar» («царь»), «Alexander II» («Александр II), «liberation» («освобождение»), «emancipation» («освобождение» / «эмансипация»), «serfs» («крепостные»), «serfdom» («крепостное право») «Poland» («Польша»), «Poles» («поляки»), «Polish question» («Польский вопрос»), «Polish uprising» («польский бунт» / «польское восстание»), «Polish revolution» («польская революция»), «Russian guests» («русские гости»), «Russian visitors» («русские гости» / «русские посетители» / «русские визитеры»).

Методологической основой исследования явились **принцип историзма**, требующий рассмотрения события в его развитии; **принцип объективности**, требующий рассмотрения взаимосвязей различных аспектов исторического события или явления и их зависимости от действия широкого круга факторов; **принцип научности**, подразумевающий использование научных методов познания и научного стиля изложения и доказательность выводов.

---

[139] New York Times Article Archive. [Электронный ресурс] URL: https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/ref/membercenter/nytarchive.html

[140] Library of Congress. [Электронный ресурс]. URL: https://www.loc.gov/

[141] Internet Archive. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/

[142] New York Times: Complete Civil War, 1861-1865 / edited by Holzer H. & Symonds C., foreword by Clinton B. – New-York: Black Dog & Leventhal Publishers, 2010 – 512 p.

Методологическая основа исследования сочетает **общенаучные и традиционные исторические методы** с инструментарием **ориенталистской концепции.**

Использованные в работе **общенаучные методы дедукции**, **индукции**, **анализа**, **синтеза**, **сравнения** и **обобщения** являются обязательным условием комплексного последовательного характера освоения и изложения материала.

Специально-исторические методы, использованные в исследовании:

– Историко-генетический метод, который дает возможность определить причинно-следственные связи развития российско-американских дипломатических и экономических отношений, эволюции периодической печати США и оформления политического образа Росси в американской прессе, а также позволяет выявить закономерность данных процессов и выстроить структуру повествования исследования;

– Историко-сравнительный (компаративный) метод в рамках диссертационного исследования был применен для выявления противоречий между публичными медийной картиной, формируемой в «New York Times», и реальными мотивами, зафиксированными в закрытых документах эпохи. Этот подход позволил провести критический анализ механизмов конструирования мифов, сопоставляя риторику газетных статей с данными дипломатической переписки, служебных инструкций, дневниковых записей и мемуаров ключевых участников событий. Так, одним из основных моментов для сравнения стали публикации газеты 1863–1864 гг., активно тиражировавшие тезисы о «братской поддержке» России, и архивные источники, раскрывающие подлинные цели сторон.

– Историко-типологический метод был применен в исследовании для выявления устойчивых моделей и архетипов, формировавших образ России в публикациях «New York Times» в период 1860–1864 гг. Его использование позволило систематизировать разнородные сюжеты – от освещения отмены крепостного права до интерпретации польского восстания 1863 г. – выделив

повторяющиеся нарративные схемы, идеологические клише и риторические приемы, характерные для американской прессы эпохи Гражданской войны. Выбор метода обусловлен необходимостью вычленить из множества разрозненных публикаций базовые типологические конструкции, сквозь призму которых газета интерпретировала события в России. Например, анализ публикаций об отмене крепостного права выявил доминирующий образ – «догоняющая модернизация под руководством просвещенного монарха» – который позже трансформировался в контексте польских событий в схему «восточного деспотизма». Историко-типологический подход помог установить, что эти модели не всегда были оригинальными, часто воспроизводя устоявшиеся стереотипы, адаптированные под идеологические нужды Севера.

– Проблемно-хронологический метод был применен для анализа динамики освещения в «New York Times» ключевых событий российской истории периода 1860–1864 гг., взаимосвязанных в контексте российско-американских отношений. Этот подход позволил выстроить последовательный анализ эволюции поднимавшихся проблем, выделив этапы формирования, трансформации и взаимодействия таких тем, как отмена крепостного права в 1861 г., польский вопрос в промежуток 1860–1862 гг., Январское восстание в Польше 1863 г., экспедиция русского флота в 1863–1864 гг. и ориенталистские стереотипы в описании России. Кроме того, метод позволил выявить причинно-следственные связи между отдельными сюжетами, например, показать, как восторженные репортажи об отмене крепостного права контрастировали со стереотипами о «деспотичном правлении» в Польше, или как критика репрессивных мер во время подавления восстания со временем была оттенена сообщениями о русском флоте в нью-йоркской гавани.

Интерпретация результатов изучения публикаций «New York Times» осуществлялась с учетом их исторического публикаций, внутриполитической ситуации в США периода войны Севра и Юга, идеологических и социально-

политических установок американского общества и прессы во второй половине XIX в., а также международной обстановки в 1860-1864 гг.

Учитывалась редакционная политика: поддержка Республиканской партии и курса президента А. Линкольна влияла на трактовку российских событий через призму аболиционизма. Для верификации данные сопоставлялись с законодательными актами, дипломатическими документами, частной перепиской и мемуарами политических деятелей.

Анализ законодательных актов, как и международных договоров, в качестве источников требует **междисциплинарного подхода**, сочетающего **исторический** и **юридический анализ**. Применяются методы толкования юридических и дипломатических документов: **семантический** (анализ используемой терминологии), **логический** (сопоставление статей внутри документа), **систематический** (сравнение с другими договорными актами) и **исторический** (исследование условий и обстоятельств заключения). **Историко-генетический метод** позволяет изучить переговорный процесс и эволюцию формулировок.

Главным при работе с военно-административной документацией также был **историко-генетический метод**, позволяющий реконструировать цепочку принятия решений и их мотивацию. **Исторический-сравнительный метод** в данном случае используется для сопоставления данных документов с информацией из газетных публикаций и дипломатической переписки.

В процессе изучения дипломатических инструкций, депеш и донесений ключевым стал **историко-сравнительный метод**, позволяющий сопоставлять конфиденциальные оценки дипломатов с публичными заявлениями правительств и трактовками в прессе. **Историко-генетический метод** здесь используется для реконструкции процесса выработки внешнеполитической линии.

Методология работы с эго-документами (переписка, мемуары, путевые заметки) строится на критике источников личного происхождения. Первостепенное значение имеет установление авторства, датировки написания текста относительно описываемых событий и мотивации создания (апология,

самооправдание, назидание). Используется **метод исторической реконструкции** для отделения достоверных фактов от субъективных интерпретаций, ретроспективных оценок и возможных искажений памяти. **Историко-сравнительный метод** применяется для сопоставления свидетельств разных авторов об одних и тех же событиях. Анализ осуществляется с учетом культурно-исторической специфики эпохи и социального положения автора. Эти источники особенно ценны для реконструкции культурных стереотипов и бытовых деталей, формировавших общий контекст взаимного восприятия США и России.

В плане характеристики репрезентации России в прессе США наиболее подходящей теорией мы считаем **концепцию ориентализма Э.В. Саида**, согласно которой в западных странах выработан отдельный стиль мышления, базирующийся на «онтологическом и эпистемологическом отличии, сделанным между “Востоком” (*the Orient*) и (в большинстве случаев) “Западом” (*the Occident*)»[143]. Фундаментальный труд данной теории «Ориентализм» (1978) представляет не просто анализ западного востоковедения, но предлагает целостную теорию о способах производства знания и репрезентации «Другого», связанных с практиками власти, господства и культурной гегемонии.

Сущность саидовского ориентализма коренится в понимании его как специфического типа мышления. Опираясь на методологию французского философа, историка и теоретика культуры Мишеля Фуко, Саид рассматривает ориентализм не как беспристрастное академическое знание, а как систему высказываний, правил и институтов, производящую определенную «истину» о Востоке. Этот риторический прием служит инструментом интеллектуальной и политической доминации, создавая «Восток» не в качестве географической или культурной реальности, а как артефакт, удобный для западного восприятия и манипуляции. Ключевым в этой системе является принцип понимания «Другого»,

[143] Саид Э.В. Ориентализм / науч. ред. Исханов А.Р. / Э.В. Саид. – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. С. 20

который вытесняет реальный объект, подменяя его набором стереотипов, штампов, идеологических конструкций. Таким образом, «Восток» в ориенталистском понимании лишается права голоса, нуждаясь в том, чтобы за него говорили и его интерпретировали западные ученые, литераторы, путешественники, политики и журналисты.

Фундаментальной опорой данного положения, как было отмечено выше, выступает жесткая бинарная оппозиция «Запад-Восток», где Запад наделяется атрибутами активности, рациональности, прогресса, цивилизованности и мужественности, а Восток конструируется как его радикально иной антипод: пассивный, иррациональный, отсталый, деспотичный и женственный. Конструирование такого «Другого» служит важнейшей цели – укреплению и обоснованию собственной идентичности Запада через отрицание и противопоставление. Как подчеркивал Саид, эта оппозиция была не просто описательной, а глубоко идеологической, оправдывающей колониальную экспансию и имперское доминирование, превращая их в «бремя белого человека» по «просвещению» и управлению отсталыми народами. При этом ориентализм носит институциональный характер, воспроизводясь и транслируясь не только через академические труды и художественную литературу, но и через такие каналы, как пресса, которая в XIX в. становилась все более влиятельным агентом формирования общественного мнения и коллективных представлений.

В рамках данной концепции, таким образом, выявлена роль производства знания в практике подчинения «Других», в том числе, духовного, идеологического и культурного.

Применение данной теоретической рамки к анализу средств массовой информации, в частности периодической печати, представляется крайне уместным. Газеты, подобно академическим текстам, являются активными участниками дискурсивного производства, тиражируя и закрепляя определенные схемы восприятия мира, «своих» и «чужих». Газета «New York Times» 1860-х годов, будучи влиятельным и быстро растущим изданием, ориентированным на

политическую и деловую элиту Севера США, выступает в данном исследовании в роли такого ключевого института, текстуальный уровень которого необходимо подвергнуть тщательному исследованию.

Работы Саида были сосредоточены, главным образом, на проблеме представлений о Ближнем Востоке в западноевропейской литературе и науке. Мы же в данном исследовании сделаем попытку проанализировать ориенталистскую риторику в периодической печати США, сместив внимание на территорию Российской империи как объект интереса для американской прессы.

Обоснование применения теории Саида именно к проблеме восприятия России в американской прессе первой половины 1860-х гг. требует учета уникального цивилизационного статуса государства в воображении западных читателей. Необходимо учитывать, что к началу царствования Александра II восприятие его империи на Западе было основано на общих представлениях, сформированных стереотипах и откровенных мифах о «восточной угрозе».

Образ России в культурном пространстве западных государств базировался на целом комплексе ее отличий от стран Европы и Америки: 1. географических – расположение России на восточной окраине Европы, крупная континентальная территория; 2. экономических – феодально-крепостническое хозяйство взамен капиталистической системы Англии, Франции и северных штатов США в первой половине XIX в.; 3. политических – российский абсолютизм в противовес конституционным монархиям и республикам Западной Европы и Америки; 4. этноязыковых – господство славянского языка как признак отличия от германо-романского мира; 5. культурно-религиозных – православное христианство в качестве главенствующей религии в противовес католическому и протестантскому Западу, кириллическая письменность взамен латиницы.

В условиях настолько большого количества бинарных позиций Россия воспринималась не просто как отдельная страна или регион, но и как часть другой культуры, цивилизации, отличающейся от западной. Географическое расположение империи и приверженность большинства ее населения, включая

правящую элиту, к восточному христианству предопределили понимание ее «как части восточной ойкумены, варварского мира». Н.П. Монина отмечает: «Последствием исключения России из единого европейского христианского мира и отнесение ее к Востоку становится трансформации ее восприятия»[144].

В то же время, исторически Россия занимала амбивалентное, «пограничное» положение в воображаемой географии «Восток–Запад», что позволяло западным наблюдателям, включая американских, конструировать ее образ в рамках своеобразного «полуориентализма». на не воспринималась как классический «Восток» в саидовском смысле (подобно Ближнему или Дальнему), но и никогда не признавалась полноценной, равной частью «Запада». Ее политический образ в XIX в. представлял собой гибридную конструкцию, сочетавшую признаки европейской державы (военная мощь, участие в европейской политике) с устойчивыми маркерами «восточности». Этот смешанный облик делает Россию особенно релевантным объектом для анализа через расширенное понимание саидовской теории, демонстрируя, как механизмы ориенталистской риторики работают за пределами классических колониальных контекстов, в пространстве конкурирующих империй.

Исследуемый период (1860-1864 гг.) является ключевым моментом кристаллизации такого представления в американском медийном поле. Он совпадает с двумя эпохальными событиями, приковавшими к России внимание западного мира: Великими реформами, начавшимися с отмены крепостного права и подавлением восстания в Польше. Американская пресса, переживавшая в те же годы собственный глубокий кризис – войну Севера и Юга, интерпретировала российские события через призму своих внутренних конфликтов, ценностей и политического опыта. Теория ориентализма предоставляет инструментарий для того, чтобы показать, как репортажи и комментарии в «New York Times» не просто

[144] Монина Н.П. Зарождение ориенталистского дискурса русофобии / Н.П. Монина // NOMTHETIKA: Философия. Социология. Право. – Т. 49. № 2. – 2024. С. 348

информировали аудиторию, но активно конструировали образ России, маневрируя между двумя полюсами: «модернизирующейся европейской страной», способной на прогрессивные реформы, и «реакционной восточной автократией», жестоко подавляющей стремление к свободе. Этот анализ позволяет выявить проекцию внутренних американских дилемм (проблема единства нации, вопросы свободы и прав штатов, будущее демократии) на внешнеполитический объект, а также связь медийных репрезентаций с принципами «Realpolitik» и культурно-идеологическими установками, на тот момент близкой к республиканской партии.

Таким образом, интеграция теории ориентализма Эдварда Саида в методологическую основу настоящего диссертационного исследования представляется глубоко обоснованной и эвристически ценной. Она позволяет осуществить не поверхностный обзор тематики статей, а комплексный критический анализ информационных стратегий, с помощью которых в одном из крупнейших американских изданий формировался многогранный и во многом противоречивый образ России. Этот подход дает возможность реконструировать не реальную ситуацию в стране, а каким образом события в ней осмыслялись, перерабатывались и преподносились американской аудитории, какие смыслы и оценки при этом преобладали. Использование данной теоретической парадигмы позволяет интерпретировать медийные репрезентации России как часть процесса конструирования «Другого», необходимого для утверждения собственной идентичности молодого американского государства.

Таким образом применение концепции ориентализма, с учетом ее адаптации к историческому контексту и специфике объекта, способствует достижению основной цели работы.

Научная новизна диссертации

Диссертационная работа предлагает комплексный анализ формирования образа Российской империи в одном из ведущих изданий США периода войны Севера и Юга через призму нескольких аспектов: идеологии, пропаганды, цивилизационных особенностей, исторической обстановки 1860-х гг. и

внешнеполитического прагматизма. Несмотря на значительный интерес большого числа авторов к теме российско-американских отношений во второй половине XIXстолетия, имеющиеся на данный момент исследования фокусировались преимущественно на дипломатических аспектах, оставляя за рамками анализ медийных механизмов конструирования образов. При этом ключевой период 1860-1864 годов, совпавший с трансформацией американской идентичности в условиях Гражданской войны, оставался недостаточно изученным в контексте восприятия России. Настоящее исследование восполняет данный пробел при помощи реконструкции сложного и многогранного процесса формирования образа «Другого» в условиях информационных войн.

Научная новизна исследования проявляется на нескольких взаимосвязанных уровнях, каждый из которых вносит вклад в переосмысление роли медиа в истории международных отношений:

1. **Введение в научный оборот нового корпуса источников.** Впервые систематизирован и проанализирован массив из 352 публикаций «New York Times» периода 1860-1864 гг., посвященных теме политического развития Российской империи (колонки и статьи).
2. **Расширение географических и культурно-цивилизационных рамок теории ориентализма Э.В. Саида.** Исследование развивает концепцию ориентализма, предложенную Эдвардом Саидом для анализа колониальных представлений о Ближнем Востоке, перенося ее в принципиально новый контекст – восприятие России в американской прессе 1860-х гг. Если Э. Саид фокусировался на британских и французских репрезентациях мусульманского мира как «статичного», «иррационального» и «нецивилизованного», то настоящая работа впервые применяет его методологию к медийному конструированию России как «пограничной» цивилизации, сочетающей черты Востока и Запада. Таким образом, исследование расширяет географические и хронологические границы теории Саида, демонстрируя, что ориентализм как система репрезентаций

действовал не только в классических колониальных контекстах, но и в пространстве «конкурирующих империй», формируя основу для идеологических конфликтов XX века.

3. **Отображение селективности отображения явлений и событий в СМИ**. Исследование раскрыло, как «New York Times» формировала упрощенный образ России, игнорируя ее внутренние противоречия и разносторонность процессов, протекавших в сферах экономики, общества и политики: реформа подавались как «дар царя», а не результат социального кризиса; дворянство выставлялось как однородная масса, архаичная и не желавшая социальных перемен, при этом умалчивались различия отдельных дворянских группировок, по-разному относившихся к идее освобождения крестьян; военные преступления во время польского восстания со стороны повстанцев замалчивались, тогда как жестокость правительственных войск гиперболизировалась.
4. **Выявление дуализма медийного нарратива.** Впервые доказано, что даже в годы наибольших симпатий к России со стороны прессы, как, например, во время осуществления крестьянской реформы, газета сохраняла ориенталистские клише, используя их как «резервную риторику». Историко-типологический метод позволил вычленить три устойчивых архетипа, чье взаимодействие определялось текущими задачами пропаганды – «реформатор-просветитель», «восточный деспот», «тактический союзник». Эта амбивалентность, как показано в работе, отражала фундаментальное противоречие между прагматизмом военной дипломатии и идеологическим неприятием самодержавия.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. **Формирование образа России на страницах «New-York Times» первой половины 1860-х гг. стало результатом сложного взаимодействия разных факторов: идеологических, медийных, цивилизационных и политических.** Восприятие империи в номерах издания складывалось под

влиянием одновременно культурных стереотипов о стране и стратегических интересов федерального правительства в условиях Гражданской войны.

2. **Начало регулярного и систематического освещения новостей из империи в «New-York Times» на рубеже 1850-х и 1860-х гг. было обусловлено схожестью развития двух стран – США и России.** Первый президентский срок А. Линкольна был ознаменован волнениями южных штатов, началом Гражданской войны и борьбой с рабством. В настолько сложных для своей страны условиях редакция «New-York Times» стала обращаться к международным примерам, что обусловило ее интерес к России, где в это время проходила крестьянская реформа и резко активизировалось польское национальное движение.
3. **Характеристика России в номерах «New-York Times» являлась двойной, амбивалентной.** Представления об империи на страницах газеты совмещали восхищение проводимой в государстве модернизацией и ориенталистские штампы о «восточной автократии». Позитивная сторона облика России обеспечивалась романтизацией осуществлявшихся в ней преобразований, негативная – описанием национальной политики, разгонов митингов и демонстраций в Варшаве, репрессий на окраинах (аресты, тюремные заключения, ссылки, казни).
4. **Медийные репрезентации России в номерах «New-York Times» носили ситуативный характер.** Так, во время польского восстания 1863 года риторика о «деспотичной Московии» усиливалась, тогда как в период визита русской эскадры осенью того же года доминировал миф о «братстве демократий». Это различие в оценках отражало, опять же, не столько реальность российской политики, сколько текущие политические и стратегические потребности северных штатов, как, например, нужда в символическом союзника против Англии и Франции.

5. **Повествование о событиях в России на страницах «New-York Times» было функциональным.** Информирование читателей издания о ситуации в обширной империи часто сопровождалось проведением прямых и косвенных аналогий с происходящим в США, что могло служить для, с одной стороны, легитимации политики федерального правительства, с другой – консолидации общества северных штатов на фоне общих американских ценностей, с третьей – доказательства превосходства собственной политической системы.

Теоретическая значимость работы заключается в пересмотре роли медиа в дипломатии XIX века: доказано, что даже в эпоху до «нового журнализма» пресса не просто отражала, но конструировала реальность, используя исторические мифы как оружие пропаганды.

Практическая ценность исследования связана с возможностью применения его выводов для анализа современных медийных штампов о России, выявления их генетической связи со стереотипами XIX столетия. Результаты работы могут быть использованы в образовательных курсах по истории международных отношений, медиаисследованиям и имагологии.

Методологическая ценность исследования заключается в возможности проследить механизмы формирования общественного мнения посредством периодики, выявить устойчивые паттерны репрезентации России и определить ключевые факторы, влияющие на восприятие страны в американском обществе того периода.

Таким образом, диссертация вносит вклад в изучение американо-российских отношений, истории медиа и механизмов формирования образов «Другого», предлагая новую оптику для анализа взаимодействия между журналистскими установками, политикой и коллективной идентичностью. Выводы исследования открывают перспективы для дальнейшего изучения «долгого XIX века» как лаборатории современных информационных технологий, где кризисы и войны становились катализаторами медийных мифов, переживших свои эпохи.

Глава I. Восприятие России газетой «New York Times» на рубеже 1850-х и 1860-х гг.: модернизирующаяся страна и «восточная автократия»

1.1. Общественно-политическая эволюция США и газета «New York Times» накануне войны Севера и Юга

В первой половине и середине XIX в. многие стороны социально-экономического, политического и культурного развития США претерпевали изменения. Провозглашенные президентом Дж. Монро в 1823 г. принципы внешней политики, названные впоследствии «доктриной Монро», постепенно привели к становлению экспансионизма Соединенных Штатов[145]. Увеличение влияния США на материке стало одной из причин оформления идеи о «предопределении судьбы», согласно которой территория государства должна была занять пространство до Тихого океана.

В эпоху Нового времени развитие западных государств также претерпевало модернизацию, связанную с научно-техническим прогрессом. Многие страны начали вступать в качественно новую стадию технологического и экономического развития. Стартовавшие перемены впоследствии приведут к комплексным переменам в хозяйственно-экономическом районировании регионов мира, а также к коренному изменению внутренней социальной структуры государств[146].

Для Севера США технологический прогресс также стал одной из важных предпосылок идеологической революции, которая, по версии В.В. Согрина, развернулась в предшествовавший войне Севера и Юга период 1850-х гг.[147]

---

[145] Исэров А.А. Доктрина Монро, или Власть слова // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 6 (124). С. 37–45

[146] Муравьева Л.А. Варианты финансово-экономического развития промышленного капитализма в Европе // Финансы и кредит». – 2012. – №40. – С. 71

[147] Согрин В.В. Гражданская война и Реконструкция в США. Современное прочтение // Новая и новейшая история. – 2010. – № 1. – С. 21-42

Данный аспект индустриальной революции со временем внедрился и в область печати. Еще в начале 1830-х гг. философ, изобретатель и социальный мыслитель Джосайа Уоррен разработал новое устройство для печатных станков. Взамен прежнего использования плоского рельефного механизма, отвечавшего за перенос информации на листы, американский изобретатель предложил систему, при которой за подачу самих листов и нанесение на них текста отвечали постоянно вращающиеся цилиндры. Таким образом на свет появилась новая, ротационная печатная машина, впервые представленная в Нью-Йорке в 1832 г. Впоследствии, массовое производство данного приспособления в 1840-х гг. наладил американский предприниматель-промышленник Ричард Марч Хоу, чья компания «R. Hoe& Company» запатентовала изобретение Джосайи Уоррена[148].

Уже первые образцы новых машин позволяли производить около 14 тыс. экземпляров газет в час или 4 газеты в секунду. Высокая результативность штамповки новых выпусков обеспечила периодическим изданиям большую массовость. Так, если в 1830 г. в США печаталось 65 ежедневных, а также 650 еженедельных газет[149], то уже через 20 лет, в 1850 г., в стране выходило уже 254 ежедневных изданий, еженедельных – 1902[150]. Стартовала новая эпоха в истории периодической печати США – «газетная революция».

Ю.В. Маркина отмечает, что процесс «газетной революции» не случайно зародился именно в городе Нью-Йорке как в «крупнейшем экономическом, финансовом и культурном центре страны»[151]. Так, если в 1833 г. в городе

---

[148] Josiah Warren (1798-1874): reformer, inventor, musician, writer. [Электронный ресурс] URL: https://faculty.evansville.edu/ck6/bstud/warren.html дата обращения: 12.01.2023

[149] Алентьева Т.В. Золотой век американской журналистики: монография. – М.: ИНФРА-М, 2023. С. 7

[150] Алентьева Т.В. Наследие просвещения, свобода печати и феномен «penny press» в США // Вопросы литературы и журналистики в контексте сохранения гуманистических ценностей / Под ред. Загидуллиной М.В., Симаковой С.И. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2019. – С. 118

[151] Маркина Ю.В. Газета «New York Times»: эволюция типа издания: дисс. канд. фил. наук. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет. – 2004.

выпускалось 12 газет с общим тиражом в 29,29 тыс. экз., то спустя 27 лет, в 1860 г., здесь издавалось уже 18 газет, общий тираж которых составил 300 тыс. экз.

Необходимо отметить, что именно в США активность периодики в отношении различных общегосударственных проблем носила наиболее выраженный характер. Само основание и дальнейшее развитие Соединенных Штатов как государства проходило под лозунгами идей Просвещения, республиканизма и независимого самоуправления. Влияния данных идей прослеживалось и в законодательстве страны, которое стало другим, наравне с технологическим прогрессом, немаловажным аспектом развития периодики. Деятельность американской прессы регулировалась, прежде всего, Первой поправкой к Конституции США, принятой 3 ноября 1791 г. в составе Билля о правах: «Конгресс не должен издавать никакого закона… ограничивающего свободу слова и прессы…»[152]. Данная поправка, таким образом, гарантировала свободу печати, запрещая Конгрессу ограничивать это право. Она стала ключевым законодательным актом, закрепившим отделение периодической печати от государства и защиту ее от правительственной цензуры.

На протяжении десятилетий позицию американских граждан по тем или иным вопросам формировали работы политиков, деятелей культуры, публицистов, редакторов периодических изданий. Последние представляют являются одними из наиболее примечательных представителей общественности. Во второй трети XIX в. широкое распространение грамотности и образования привело к увеличению спроса на дешевую литературу и периодическую печать. Неслучайно именно в это время зарождаются издания массовой или «пенсовой» прессы («пенс-пресс»). Стоили он недорого – 1-2 цента (в просторечном выражении «пенни», по аналогии с разменной монетой Англии) и поэтому были доступны массовому читателю:

[152] The Constitution of the United States // Soul of America. Documenting Our Past / by Baron R.C. Vol. I: 1492-1870. Golden: North American Press. 1994. P. 95-96

подписчиками изданий подобного типа стали представители среднего класса городского населения и пролетариата, мелкие предприниматели, иммигранты[153].

Газеты и журналы стали играть ключевую роль в политических процессах, освещении событий, пропаганде и т. д. Определяя роль периодической печати в рассматриваемую эпоху, российский историк Т.В. Алентьева называет ее «одним из основных факторов формирования общественного мнения, барометром, отражающим различные настроения американского общества…»[154].

В 1851 г. журналистом Генри Джарвисом Рэймондом была основана газета под названием «New-York Daily Times». Наименование, включающее в себя слово «Daily» («Ежедневный») можно назвать данью традиции обозначения газет, распространенной в то время среди нью-йоркских изданий. Ранее сам Г.Д. Рэймонд являлся репортером газеты «New York Daily Tribune» Хораса Грили, где также познакомился с другим сотрудником этого издания – будущим банкиром Джорджем Джонсом. После ухода из «Tribune» Г. Рэймонд некоторое время занимался политикой как представитель партии вигов. Позже он сумел убедить своего товарища, уже упомянутого Д. Джонса, основать собственную компанию для дальнейшего издания отдельной газеты[155]. Наконец 5 августа 1851 г. на свет появилась «Raymond, Jones & Company»[156], а уже на следующий месяц, 18

[153] Алентьева Т.В. «New York Times» – новое явление среди дешевой прессы Нью-Йорка XIX столетия // Медийная регионалистика: история и современность. Материалы первой региональной научно-практической конференции и круглого стола, посвященного журналистскому и научному наследию профессора А.В. Осташевского. Краснодар: Краснодарский ЦНТИ, 2023. С. 22-23

[154] Алентьева Т.В. Общественное мнение США в преддверии Гражданской войны (1850-1861). – М.: ИНФРА-М, 2020

[155] Dunlap D.W. 150th Anniversary: 1851-2000: Six Buildings That Share One Story // New York Times. November 14, 2001, Page 55 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2001/11/14/news/150th-anniversary-1851-2001-six-buildings-that-share-one-story.html (дата обращения: 1.11.2024)

[156] Davis E.H. History of New York Times. 1851-1921. – New York: New York Times, 1921. P. 17; Dunlap D.W. A Happy 200th to The Times's First Publisher, Whom Boss Tweed Couldn't Buy or Kill // New York Times. August 16, 2011. [Электронный ресурс]. URL:

сентября, состоялся первый выпуск новый газеты[157]. Типография издания расположилась в подвале дома №113 по Нассо-стрит[158].

Спустя три года, в 1854 г., произошло событие, повлиявшее на весь последующий ход американской истории – образование Республиканской партии. Новая политическая фракция объединила разные категории населения в лице средних и мелких предпринимателей, городских рабочих, фермеров, а также аболиционистов – противников рабства из разных слоев общества. Все указанные группы объединял один фактор – враждебное отношение к плантаторам-рабовладельцам и их монополии на государственную власть. Г. Рэймонд и его газета в течение последующих нескольких лет перешли к умеренной поддержке новой политической фракции. Как в дальнейшем выяснилось, сделанный выбор оказался удачным, ведь республиканцы стали набирать все большую популярность в северных штатах. Данное обстоятельство в лишний раз доказало наличие у Рэймонда тонкого политического чутья, понимания сложившейся обстановки и умения выбирать нужное направление действий.

В первые годы издание выходило на четырех страницах и продавалось за пенни, его прибыль в первый год составила 100 тыс. долларов. Высокий литературный стиль повествования, большой круг поднимаемых проблем, относительный политический нейтралитет привели к резкому повышению спроса на новую газету. Издание получало комплиментарные отзывы от редакторов других нью-йоркских газет, в частности, от своего главного конкурента в лице вышеупомянутого Х. Грили. Темпы ежегодного роста показателей по числу подписчиков были крайне высоки. Уже к девятому выпуску «New York Daily Times» с гордостью объявила о тираже в 10 тыс. экземпляров. В свою первую

---

https://archive.nytimes.com/cityroom.blogs.nytimes.com/2011/08/16/a-happy-200th-to-the-timess-first-publisher-whom-boss-tweed-couldnt-buy-or-kill/ (дата обращения: 1.11.2024)

[157] New York Times. September 18, 1851 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/1851/09/18/archives/newyork-city-death-of-a-baptist-missionary-execution-of-the-tow.html?searchResultPosition=1 (дата обращения: 1.11.2024)

[158] Berger M. The Story of New York Times. – New York: Simon and Schuster, 1951. – P. 5

годовщину, в 1852 г., владельцы газеты получили возможность повысить стоимость ее выпусков до двух центов[159].

В год своего пятилетнего юбилея, в 1856 г., газета уже вышла на третье место в Нью-Йорке по общему тиражу всех видов изданий, составившему 89 тыс. экз.[160]. Ясно стали прослеживаться ее будущие перспективы и потенциал. В скором времени «New York Times» стала привлекать к себе дополнительные источники доходов. Так, первыми финансистами издания являлись крупные предприниматели в лице Эдвина Барбера Моргана, бывшего члена Палаты представителей США в 1853-1859 гг. и одного из основателей торгово-финансовой компании «Wells Fargo», а также Кристофера Моргана, члена Палаты представителей в 1839-1843 гг. и партнера юридической фирмы «Morgan, Blatchford & Seward»[161]. Как можно видеть, уже с первых лет своей деятельности газета сумела достичь показательных успехов, приобретая спрос у все большего числа жителей Нью-Йорка и, как следствие, заручившись поддержкой некоторых крупных бизнесменов.

С 1857 г. издание приобретает более краткое наименование – «New York Times». К этому времени газета успела обрести популярность и определенный статус, так что изменение названия путем удаления слова «Daily» (рус. «Ежедневный) было своеобразным символичным жестом, указывавшим на самостоятельность издания, его особое, в сравнении с остальными газетами Нью-Йорка, положение. В том же году «New York Times» приобрела бывшее здание Пресвитерианской церкви Брик на углу Нассо-стрит и Бикман-стрит после того, как приход церкви переехал в новое здание в районе Мюррей-Хилл, на пересечении

---

[159] Ibid P. 7-16

[160] Fermer D.G James Gordon Bennet and «The New York Herald». A study of Editorial Opnion in the Civil War Era, 1854-1867. – N.Y., 1986. P. 326

[161] Davis E.H. History of New York Times. 1851-1921. – New York: New York Times, 1921. P. 17; Dunlap D.W. A Happy 200th to The Times's First Publisher, Whom Boss Tweed Couldn't Buy or Kill // New York Times. August 16, 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.nytimes.com/cityroom.blogs.nytimes.com/2011/08/16/a-happy-200th-to-the-timess-first-publisher-whom-boss-tweed-couldnt-buy-or-kill/ (дата обращения: 1.11.2024)

37-й улицы и Пятой авеню. В 1858 г. состоялось размещение штаб-квартиры издания в новом помещении. «New York Times» стала одной их первых газет в мировой истории и первой газетой в истории США, разместившейся в специально построенном для нее здании[162]. Этот факт был настоящим свидетельством резко возросшей популярности и авторитета издания.

Итак, в первые годы своего выхода издание добилось значимых результатов. Качественно составленные тексты заметок и статей, разноплановый подход к освещаемым событиям, активность и личные черты редакторов обеспечили «New York Times» одно из центральных мест в политическом поле США. Газета обеспечила себе поддержку отдельных финансовых кругов, приобрела популярность у многих жителей Нью-Йорка и распространилась среди широких кругов населения.

Несмотря на то, что в публикациях нью-йоркской прессы затрагивался широкий круг тем и проблем (новости культуры, городская жизнь, борьба с преступностью и т.д.), центральное место на страницах газет отводилось различным вопросам политики, как внутренней, так и внешней: политическим дебатам, общественным движениям, международной дипломатии, выборам на государственные посты[163].

Время развития Соединенных Штатов, предшествовавшее Гражданской войне 1861-1865 гг., можно уверенно назвать одним из ключевых периодов

---

[162] Dunlap D.W. 150th Anniversary: 1851-2000: Six Buildings That Share One Story // New York Times. November 14, 2001, P. 55 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2001/11/14/news/150th-anniversary-1851-2001-six-buildings-that-share-one-story.html (дата обращения: 1.11.2024)

[163] Сиротинская М.М. Женское движение в США, 1840-1850-е гг. (по материалам американских периодических изданий) // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII-XX вв. М.: ИВИ РАН, 2008. – Т. 1. – С. 137-188; «Молодая Америка» и доктрина «вмешательства» в оценке прессы США начала 1850-х гг. // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII-XX вв. – Том II: «Молодая Америка» и доктрина вмешательства в оценке прессы США, начало 1850-х годов. – 2009. Т. 2 – 92-151; «Вы хотите встать под защиту американского флага? Тогда вы получите ее!»: «Дело Кошты» в освещении газеты «New York Times» // Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. Регионоведение. – 2012. № 7 (87) – С. 97-107

американской истории. В эту пору особо ожесточились разногласия между самыми разными слоями населения Севера и Юга: владельцами предприятий, фермерами, плантаторами, идеологами, политическими фигурами, представителями общественности, деятелями культуры и др. «…сложным и драматичным временем для Соединенных Штатов Америки период 1840-1850-х гг., предшествующий Гражданской войне Севера и Юга»[164].

До предела ситуацию в стране накалили президентские выборы, прошедшие в ноябре 1860 г. Тогда на должность главы государства впервые в истории США был избран республиканец – Авраам Линкольн. Нового президента нельзя было назвать радикальным аболиционистом, то есть решительным противником рабства, однако сама Республиканская партия, от которой он выдвигался, была парламентским флагманом антирабовладельческих сил США. Данное обстоятельство вызвало крайне негативную реакцию со стороны политических и общественных кругов Юга, что привело к началу движения сецессии южных штатов[165].

Политическая карьера будущего президента началась в 1832 г., когда он выдвигал свою кандидатуру на выборах в палату представителей штата Иллинойс от округа Сангамон. Первое участие в выборной кампании не увенчалось успехом, однако молодой политик не отчаялся и через два года повторил попытку. На этот раз он участвовал в выборах как представитель партии вигов и занял второе место, что проложило ему дорогу в нижнюю палату законодательного собрания штата. Уже спустя двенадцать лет Линкольн достиг новой вершины на политическом поприще – был избран в 1846 г. членом Палаты представителей Конгресса[166]. На

---

[164] Сиротинская М.М. США накануне Гражданской войны: время и люди. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2003. С. 3

[165] Чернышева Н.А. США накануне гражданской войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. Вып. 1. – 2009. С. 204-205

[166] Pease T.C. Collections of the Illinois state historical library, vol. XVIII. [Statistical series, vol. I]. – Springfield, IL: The Trustees of the Illinois state historical library, 1923. – P. 260-434. // Hathi Trust Digital Library [Электронный ресурс]. URL:

данном посту выступал с критикой развернувшейся вскоре американо-мексиканской войны, что повредило его репутации как политика в среде избирателей. Как следствие, в 1855 г. потерпел поражение на выборах в Сенат США[167]. Через год, как и большинство бывших вигов, включая Г. Рэймонда, А. Линкольн примкнул к образовавшейся Республиканской партии.

В 1850-е – начало 1860-х гг. к ведущим городским изданиям Нью-Йорка, помимо «New York Times» относились такие издания, как «Sun», «New York Evening Post», «New York Herald» и «New York Tribune»[168] При этом ни одно крупное политическое явление XIX века, включая выборы глав государства, не проходило мимо внимания нью-йоркской периодической печати. Не были исключением и президентские гонки[169].

На страницах «New York Times» Линкольн впервые стал фигурировать на страницах газеты еще в 1858 г., когда выдвигался в качестве кандидата на выборы в сенат США от штата Иллинойса. Его противником в избирательной кампании выступал представитель Демократической партии Стивен Арнольд Дуглас. В номере «New York Times» от 16 июля 1858 г. была помещена обширная статья под

---

https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015004859552&view=2up&seq=350&size=125 (дата обращения: 13.01.2025)

[167] Journal of the House of Representatives sess.19 1855. – Springfield, IL: Lanphier & Walker, Printers, 1855. – P. 347-350 // HathiTrust Digital Library [Электронный ресурс]. URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=chi.15545134&view=1up&seq=351 (дата обращения: 13.01.2025)

[168] Алентьева Т.В. Проблемы протекционизма в освещении газеты «Нью-Йорк Трибюн» (50-е годы XIX в.) // Из истории политических движений и общественной мысли. Межвузовский сборник научных статей / отв. ред. Дубовицкий Г.А. – Самара: Изд-во Самарского госуниверситета, 1991. – С. 21-43; Общественное мнение и назревание «неотвратимого конфликта» в США в отражении «New York Tribune» (1841–1861 гг.). – Курск: Изд-во РОСИ, 2005; Из истории американской журналистики. Феномен «New York Tribune» и общественное мнение в США. – М.: ИНФРА-М, 2021

[169] Алентьева Т.В. «Политические игры» или манипулирование общественным мнением во время президентских кампаний в США в XIX веке // Феномен игры в культуре и образовании: Материалы Четвертой региональной зимней культурно – антропологической школы молодых ученых «Культура – Образование – Человек» / под ред. Е.А. Репринцевой. – Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 48–61

названием «Кампания в Иллинойсе». Редакторы газеты уже тогда отметили способность молодого политика-республиканца сконцентрировать на себе внимание и эмоционально «зарядить» толпу: «Аудитория, собравшаяся в субботу вечером, чтобы послушать достопочтенного Авраама Линкольна, по численности была примерно на три четверти меньше, чем накануне вечером, когда выступал Дуглас, а по энтузиазму – примерно в четыре раза больше»[170]. Дальнейшие события кампании были ознаменованы серией из семи бурных дебатов между двумя кандидатами от враждебных политических фракций, вошедших в историю как «Дебаты Линкольн-Дуглас». Несмотря на то, что по итогам выборов большинство голосов набрал выдвиженец от демократов, сам Линкольн сумел закрепить за собой статус талантливого оратора, а также деятеля с опытом политической борьбы.

Политическому сближению газеты и будущего президента способствовала не только общая республиканская направленность. В первые годы существования и деятельности Республиканской партии в ней выделились три идеологические платформы, выступавшие за разную политическую линию в отношении проблемы рабства и положения южных штатов: правоконсервативная, леворадикальная и центристская умеренная. Представители последнего течения выступали против вмешательства в общественную и социально-политическую жизнь южных штатов, в целом были готов поддерживать продолжение политики компромиссов. В то же время, центристы, в отличие от правых консерваторов, были против многих уступок Югу, особенно таких как распространение рабства на новые территории. Именно к данному течению относились как А. Ликнольн, так и Г. Рэймонд[171]. Общность политических взглядов политика из Иллинойса и первого редактора «New York Times», их принадлежность к одному крылу внутри непосредственно Республиканской партии во многом укрепили связи издания с Линкольном во время ближайшей президентской кампании.

[170] New York Times. July 16, 1858, P 2

[171] Алентьева Т.В. Общественное мнение США в преддверии Гражданской войны (1850-1861). М.: ИНФРА-М, 2020. С. 166

Как газета, концентрировавшаяся на политической сфере, «New York Times» подробно освещала события предвыборной президентской гонки. 16 мая 1860 г. в городе Чикаго штата Иллинойс состоялся съезд республиканцев, на котором, по итогам третьего тура голосования, А. Линкольн был избран в качестве кандидата от партии в президенты США. Реакция на факт выдвижения Линкольна была охарактеризована «New York Times» как в целом благоприятная и не встретившая резких возражений. Так, в номере от 19 мая, в газетной рубрике «Новости дня» была напечатано: «Выдвижение кандидатуры было встречено бурными проявлениями восторга и энтузиазма со стороны первоначальных сторонников кандидата от Иллинойса и без явных признаков недовольства среди друзей разочарованных соперников»[172].

Как результат, с этого времени Линкольн, его личность и политическая карьера в 1860 г. становится объектом пристального интереса со стороны нью-йоркской периодической печати[173]. Как указывает Т.В. Алентьева, агитацию «за республиканского кандидата наиболее активно вели “New-York Tribune”, “New York Evening Post”, отчасти “New York Times”»[174].

В то же время, на страницах «New York Times» продолжали прослеживаться характерные для нее объективность и трезвый взгляд. Редакторы избегали чрезмерной идеализации кандидата из Иллинойса. Напротив, излишнее восхваление Линкольна в номерах других газет подвергалось резкой критике со стороны издания. Выпуск от 9 июня 1860 г. содержал следующее изъяснение: «В тот момент, когда человек становится кандидатом в президенты, он становится мишенью для преследований в различных формах. Не только его оппоненты считают себя вправе обрушивать на него потоки оскорблений, но и его друзья

[172] New York Times. May 19, 1860, P. 4

[173] Алентьева Т.В. Надвигающийся кризис Союза и борьба мнений в США в 1859-1861 гг. – Курск: Изд-во РОСИ, 2004. С. 134-190

[174] Алентьева Т.В. Роль общественного мнения в канун Гражданской войны в США (1850–1861 гг.). – Курск: Изд-во Курского гос. университета, 2008. С. 104

впадают в противоположную крайность, осыпая его необдуманными похвалами»[175]. В частности, издание порицало своих конкурентов за выдвижение на первый план трудового прошлого Линкольна как лесоруба, что делалось многими газетами и журналами в целях формирования образа выходца из народных масс, сближения его образа с фермерами и рабочим классом. Редакторы делали акцент на большее значение и важность образования, познаний в экономике и политике, понимание сложившейся ситуации: «Но он [Линкольн], конечно, не утверждает, что его ловкость в обращении с булавой и клином дает ему особые права на пост президента Республики. В этой работе нет ничего такого, что способствовало бы развитию интеллекта или приобретению знаний о принципах государственного управления и политической экономии, в которых бы особенно нуждался человек, занимающий этот пост»[176]. Подобным образом в очередной раз проявилась объективность газеты, ее осторожный и взвешенный подход к освещаемым проблемам.

Выборы на пост президента США состоялись 6 ноября 1860 г. По их итогам Линкольн одержал победу, набрав около 40% голосов от избирателей и 180 голосов в коллегии выборщиков. 16-й американский президент стал первым лицом в американской истории, выбранным на высшую в государстве должность от Республиканской партии. Вышедший на следующий день номер «New York Times» содержал сведения, полученные ее редакторами вечером еще шестого числа. Продолжая следовать принципу объективности, газета указала также на достаточную полноту имевшихся у нее данных: «… мы располагаем весьма несовершенной информацией из штатов, которые по согласию всех сторон отдают предпочтение республиканцам, но в тех штатах, которые считались сомнительными, подавляющее большинство голосов принадлежит

[175] New York Times. June 9, 1860, P. 4 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/1860/05/22/archives/the-republican-candidate-for-the-presidency-hon-abram-lincoln.html (дата обращения: 29.11.2024)
[176] Ibid.

республиканскому билету… К моменту сдачи в печать этого номера нашей газеты мы получили слишком мало результатов голосования в Конгрессе, чтобы огласить окончательный список победивших кандидатов». Тем не менее, первая же страница начиналась с характерных заголовков: «Поразительный триумф республиканцев», «Авраам Линкольн, вероятно, избран президентом большинством голосов избирателей»[177]. В указанном выпуске констатировалось: «Политическая кампания тысяча восемьсот шестидесятого года подошла к своему завершению и, несомненно, привела к избранию Авраама Линкольна на пост президента»[178].

Таким образом, газета «Times» активным образом включилась в политическую борьбу 1860 г. В этот момент газета продолжала следовать своим принципам в виде сдержанности в подаче информации, а также разноплановому подходу при освещении политических процессов. В то же время газета поддержала кандидатуру Линкольна и в дальнейшем приветствовала его победу, что способствовало еще более тесному сближению газеты с республиканской фракцией.

Логичным итогом предшествующей деятельности Рэймонда можно назвать личную переписку, которую начал вести издатель «Times» с будущим лидером страны в ноябре 1860 г.

Первая в истории победа в президентской кампании республиканца уже в первые дни после выборов взбудоражила общественность как на Севере, так и на Юге. Радикально настроенные круги северных штатов ожидали решительных шагов и коренных изменений в социально-экономической сфере. Южане опасались посягательств на их право собственности. Т.В. Алентьева, характеризуя политическую обстановку в южных штатах в конце 1860 г., отмечает: «В глазах

[177] New York Times. June 9, 1860, P. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/1860/11/07/archives/astounding-triumph-of-republicanism-the-north-rising-in-indignation.html (дата обращения: 29.11.2024)

[178] New York Times. June 9, 1860, P. 4 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/1860/05/22/archives/the-republican-candidate-for-the-presidency-hon-abram-lincoln.html (дата обращения: 29.11.2024)

Юга не имело особого значения, кого республиканцы выдвинут в качестве своего кандидата в президенты на выборах 1860 г. <…> Победа “черного” республиканца, редко кто на Юге называл эту партию просто республиканской, по их мнению, угрожала институту собственности, посягала на конституционные основы, означала создание коалиции враждебных южанам сил»[179].

Спустя неделю после окончания выборов в президенты, 14 ноября, Рэймонд отправил Линкольну письмо, в котором призывал нового главу государства выступить с публичным заявление с целью умиротворения общественных кругов Юга: «Заметьте, главное, чтобы вы сказали, что Юг неправильно понимает Республиканскую партию и что только республиканская администрация может исправить эту ошибку»[180]. Ответ от Линкольна, достаточно резкий, последовал 28 ноября. Несмотря на формальные вежливость и уважение, президент с плохо скрываемым раздражением писал, что любые его заявления вызывают недовольство у одной из частей государства[181]. В дальнейшем переписка между Линкольном и Рэймондом велась на протяжении последующих лет, включая годы Гражданской войны.

В то же время, отношения между этими двумя личностями, как и отношения между Республиканской партией «New York Times», далеко не всегда были благожелательными. Первые два года своего нахождения у власти Линкольн

---

[179] Алентьева Т.В. Образ Линкольна на Юге // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 12 / под ред. С.Ф. Блуменау. – Брянск: Изд-во БГУ, 2003. – С. 64–76. [Электронный доступ] URL: https://america-xix.ru/library/alentieva-lincoln-south/ дата обращения: 5.12.2022

[180] Abraham Lincoln Papers at the Library of Congress: Series 1. General Correspondence. 1833 to 1916: Henry J. Raymond to Abraham Lincoln, Wednesday, November 14, 1860 (Suggests Lincoln make a public statement) [Электронный ресурс]. URL: https://www.loc.gov/resource/mal.0449700/?sp=1&st=image&r=-1.503,-0.086,4.005,1.712,0 (дата обращения: 29.11.2024)

[181] Abraham Lincoln Papers at the Library of Congress: Series 1. General Correspondence. 1833 to 1916: Abraham Lincoln to Henry J. Raymond, Wednesday, November 18, 1860 (Suggests Lincoln make a public statement) [Электронный ресурс]. URL: https://www.loc.gov/resource/mal.0449700/?sp=1&st=image&r=-1.503,-0.086,4.005,1.712,0 (дата обращения: 29.11.2024)

неоднократно подвергался критики за медлительность и нерешительность в деле решения насущных политических проблем, особенно проблемы рабства. К примеру, Карл Маркс, долгое время являвшийся корреспондентом газеты «Tribune», публиковал на страницах революционного австрийского издания «Die Presse» высказывания видных политиков США о курсе президента. В том числе, в статье «Аболиционистские выступления в Америке» были приведены фрагменты высказываний лидера аболиционистов Уэнделла Филлипса – деятеля, не стеснявшегося выражений. В данных речах Линкольн характеризовался как «первоклассная посредственность («a first-rate second-rate man»)» и обвинялся в «жалкой трусости»[182].

Газета «Times» также не ограничивала себя в высказываниях критики, в том числе, по отношению к своим единомышленникам. Так, 3 апреля 1861 года, спустя несколько месяцев после победы Линкольна на выборах, на страницах издания была напечатана статья с говорящим названием «Требуется политика!». Новое правительство порицалось за отсутствие решительных мер на протяжении достаточно длительного времени с момента формирования. «Бесполезно скрывать тот факт, что администрация до сих пор не оправдала ожиданий общественности… Дело в том, что наше правительство не сделало абсолютно ничего, <...> оно позволяет всему идти своим чередом… В такой серьезный кризис, как этот, нет более губительной политики, чем отсутствие какой-либо политики вообще»[183].

Тем не менее, со временем Линкольн и Рэймонд урегулировали свои взаимоотношения, сгладив конфликты и разногласия. Последний в 1864 г. был избран в Конгресс, а также составил большую часть партийной платформы республиканцев. Прославился он и как один из первых биографов Линкольна,

[182] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том XV. Издание 2-е. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 549-550

[183] New York Times. April 3, 1861, P. 4 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/1861/04/03/archives/wanted-a-policy.html?searchResultPosition=1 (дата обращения: 29.11.2024)

посвятив жизни и деятельности президента несколько крупных работ[184]. В период Войны Севера и Юга Линкольн заявлял: «Times, я верю, всегда верна Союзу»[185]. Как можно видеть, Рэймонд стал одной из центральных фигур в президентском окружении.

Таким образом, в первые месяцы функционирования администрации Линкольна были установлены личные контакты президента с издателем «New York Times». Этому способствовала активная позиция самого Рэймонда, его вовлеченность в политическую жизни эпохи. Немалую важность имела и поддержка его газетой Линкольна во время президентской гонки. Можно с уверенностью утверждать, что к началу 1860-х гг. газета окончательно закрепила свой статус одного из ведущих изданий страны.

В условиях развернувшегося в государстве внутреннего конфликта вновь активизировались СМИ обеих сторон, включая прессу. «Пропаганда в условиях любой войны – необходимое средство эффективного сплочения народа для отпора врагу… Гражданская война в США 1861–1865 гг. не является исключением. Пропаганда активно велась обеими сторонами, использовались самые различные методы и средства»[186]. Газета «New York Times» была в числе изданий Севера, поддержавших курс президента А. Линкольна и Республиканской партии.

Итак мы рассмотрели историю становления и развития «New York Times» с момента основания в 1851 г. до начала гражданской войны в 1861 г. За

---

[184] Raymond H.J. The life of Abraham Lincoln. – N.Y.: National Union Executive Committee, 1864. – 136 p.; History of the administration of President Lincoln: including his speeches, letters, addresses, proclamations, and messages: with a preliminary sketch of his life. – N.Y.: J.C. Derby & N.C. Miller, 1864. – 496 p.

[185] Цит. по: Widmer T. Lincoln and Henry Raymond of The Times // New York Times. March 19, 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.nytimes.com/opinionator.blogs.nytimes.com/2011/03/19/a-very-mad-man/ (дата обращения: 29.11.2024)

[186] Алентьева Т.В. Визуальная пропаганда в американской Гражданской войне 1861–1865 годов // Вестн. ВолГУ. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 2. С. 22

относительно короткий срок она прошла путь от небольшого городского издания в Ню-Йорке до газеты государственного политического масштаба. В номерах газеты печатались сведения обо всех основных политических событиях 1850-х – начала 1860-х гг. В объективе ее внимания были самые значимые стороны жизни США – курс правительства, борьба между разными фракциями, политические дебаты и дискуссии, выборы на государственные должности и посты и т.д.

Издание следовало принципу объективности при освещении новостей, но, одновременно, имела республиканскую направленность. В период, когда абсолютное большинство газет имели ту или иную партийную направленность, «New York Times», несмотря на свою взвешенность в освещении событий, не была исключением. Редакция поддержала самую популярную политическую силу Севера – республиканцев, чьи лозунги и программа вызывали соответствовали чаяниям многих слоев населения США.

Большое, если не определяющее, значение в деле формирования газеты, ее широкого распространения и становления как авторитетного издания имела личность ее основателя и первого главного редактора. Будучи личностью с твердой гражданской и политической позицией, человеком образованным и проницательным, а также активным журналистом, Генри Рэймонд всегда находился в гуще событий. Он умел устанавливать и налаживать связи с нужными людьми, а также стремился, чтобы созданная им газета следовало по «горячим следам» государственной жизни, в кратчайшие сроки и на высоком уровне освещала новости в сфере политики.

Переломным моментом в истории «New York Times» стала президентская кампания США в 1860 году. Поддержка кандидатуры Авраама Линкольна и приветствие его победы на выборах позволили Рэймонду сблизиться с новоизбранным главой страны и начать с ним личную переписку, в которой обсуждались разные стороны политического развития.

Газета имела широкое распространение, пользовалась спросом в обществе и популярностью в государственных верхах. Данное достижение можно

следствием всего предшествующего развития «New York Times». Качественный стиль повествования, обращение к темам, по-настоящему беспокоившим граждан, разные оценки приводившихся фактов, использование всех имевшихся на тот момент достижений журналистики и, в конечном счете, связи с образованным в 1860-1861 гг. кабинетом правительства позволили изданию приобрести статус газеты государственной значимости. Можно сказать, что «New York Times» играла одну из ключевых ролей в формировании общественного мнения рассматриваемой эпохи.

1.2 «Прогресс цивилизации»: крестьянская реформа Александра II в отображении «New York Times»

История развития российской-американских отношений в течение первой половины и середины XIX в. представляет собой многогранный процесс. Данные отношения были связаны с множеством факторов: торгово-экономических, военно-политических и международно-дипломатических. Они напрямую влияли на общественное мнение США о России, а зачастую и противоречили ему.

Американские сочинения с упоминаниями или апелляциями к царской империи стали публиковаться еще в последней четверти XVIII в. Среди наиболее ранних из подобных трудов следует выделить произведения 1780-х гг. за авторством литераторов, дипломатов, путешественников и офицеров США: «Письма американского фермера» Дж. Г. Сент-Джона (1787)[187], поэма «Видение

[187] Crevecoeur J.H. St. John De. Letters from an Amerrican Farmer / J.H. de St. John Crevecoeur. – N.Y.: Fox, Duffield & Co, 1904. – 355 p.

Колумба» Дж. Барлоу (1787)[188], «Путешествие по России и Сибири» Дж. Ледьярда (1788)[189], и др.

Первые шаги к формированию связей между двумя странами были сделаны в начале XIX в. Инициатива об установлении дипломатических отношений принадлежала третьему президенту США Томасу Джефферсону[190]. После ряда переговоров государства приняли решение обменяться послами. Первым дипломатическим представителем России в Америке по указу императора Александра I стал Андрей Яковлевич Дашков, назначенный на эту должность в 1808 г.[191] На место первого американского посла в Россию, в это же время, был определен дипломат Уильям Шорт[192]. Однако вскоре Сенат временно изменил решение отправлять в империю дипломатического представителя. В итоге, уже на следующий год, в качестве посла был выбран Джон Куинси Адамс, будущий шестой президент США[193].

В эпоху правления царя Николая I значительно расширилось сотрудничество с американцами в технической сфере. Российские власти начинают

---

[188] Barlow J. The vision of Columbus. A poem, in nine books. – Paris, Printed at the English Press, and sold by Barrois, senior, and R. Thomson, 1793. – 304 p.

[189] Ledyard J. Journey through Russia and Siberia, 1787-1788: The Journals and Selected Letters. – Madison: University of Wisconsin Press, 1966 – 293 p.

[190] Донесение российского посланника с особым поручением в Великобритании М.М. Алопеуса министру иностранных дел России А.Я. Будбергу. 13/25 сентября 1807 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-115-1 (дата обращения: 09.02.2024)

[191] Указ императора Александра I Коллегии иностранных дел о назначении А.Я.Дашкова первым генеральным консулом в Филадельфии и поверенным в делах России в США. 8/20 июня 1808 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-117-1 (дата обращения: 09.02.2024)

[192] Кредитивная грамота президента США Т. Джефферсона императору Александру I о назначении Уильяма Шорта американским посланником в России. 29 августа 1808 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-119 (дата обращения: 09.02.2024)

[193] Кредитивная грамота президента США Дж. Медисона императору Александру I о назначении Д.К. Адамса посланником США в России. 10 июля 1809 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-120-1 (дата обращения: 09.02.2024)

активно привлекать инженеров из США для модернизации, в частности, для строительства железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой с использованием американского подвижного состава, а также для прокладки первых телеграфных линий (1840-е – первая половина 1850-х гг.)[194].

Страну начинают чаще посещать военные, политические и культурные деятели США. В данный промежуток царская империя представляла интерес для американских специалистов разных направлений с точки зрения ее торгово-экономического, территориально-ресурсного и военно-стратегического потенциала. В ряду сочинений подобного характера выделяется труд Г.А.С. Дирборна «Научное исследование о коммерции и мореходстве на Черном море. Торговля и морская география Турции и Египта» (1819)[195]. Зарождается также интерес к быту населения и городской культуре евро-азиатской империи, что нашло отображение в «Записках из Путешествия по России и Польше в 1835 году» Дж.Л. Стефанса (1838)[196]. На страницах своих работ авторы начинают уделять внимание и отдельным, окраинным регионам, о чем свидетельствует работа Дж.Л. Дитсона «Черкесия, или путешествие на Кавказ» (1850)[197].

Совместные технические проекты создавали в США представления о России как о стране, открытой для инноваций, что сильно подрывало представления о ее отсталости[198]. Американские специалисты, работавшие в России (Э. Мур, Дж.В. Уистлер и др.), нередко публиковали отчеты, которые

[194] Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005.

[195] Dearborn H.A.S. A memoir on the commerce and navigation of the Black Sea and the trade and maritime geography of Turkey and Egypt. – Boston: Wells & Lilly, 1819. – 414 p.

[196] Стефанс Дж.Л. Записки из Путешествия по России и Польше в 1835 году. – М.: Кучково поле, 2018. – 352 с.

[197] Ditson G.L. Circassia; or a tour to the Caucasus / G.L. Ditson. – N.-Y., London: Stringer & Townsend. – 453 p.

[198] Журавлева В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика – 2024 – № 15(1) – С. 22-23

подчеркивали экономический потенциал страны и культурное разнообразие[199], что вносило нюансы в доминирующий ориенталистский нарратив.

В целом, на начальном этапе двусторонних взаимоотношений американское общество воспринимало Россию с любопытством, смешанным с недоверием: далекая монархическая империя, с одной стороны, рассматривалась как потенциальный торговый партнер, а с другой – как архаичное государство, противоречащее идеалам демократии. И.И. Курилла подчеркивает: «Две страны в наибольшей степени воплощали в себе полярные подходы к государственному устройству и противоположные оценки демократии и либерализма. Для американцев Россия была воплощением всего “неамериканского” в Европе…»[200]. Подобное двойственное отношение перекликается с ориенталистской концепцией Э.В. Саида: «Восток помог Европе (или Западу) – на контрасте – определить собственный образ, идею, личность, опыт»[201]. Россия, таким образом, выступала объектом изучения и конструирования в американском информационном пространстве, ее политическая система служила еще одним из многочисленных фонов для самоидентификации США как прогрессивной нации.

Имагологические проблемы восприятия России общественностью США как «Иного» или «Другого» занимают видное место в работах тех авторов, что рассматривали вопросы истории, а также отечественной и зарубежной историографии историографии экономического сотрудничества, международных отношений и взаимных представлений двух стран (см. введение). Мы же в данной и следующей главах сконцентрируемся на определенной теме образа России на страницах американской нью-йоркской прессы.

---

[199] Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. С. 252-255

[200] Курилла И.И. Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США / И.И. Курилла. – М.: Альпина Паблишер, 2024. С. 94

[201] Саид Э.В. Ориентализм. / науч. ред. Исханов А.Р. / Э.В. Саид. – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. С. 27

На страницах «New York Times» первые отдельные заметки и статьи, посвященные империи, выходили еще в первые месяцы существования газеты[202]. Выпуски данного времени содержали анализ экономического и военного потенциала России. В условиях, когда после подавления венгерской революции общественных и политических кругах многих европейских стран возросли антироссийские настроения, а отношения собственно царского правительства носили напряженный характер как с Турцией, так и с рядом западных государств, в первую очередь Англией и Францией, в Европе возникли реальные предпосылки для коалиционной войны. В такой обстановке редакторы «New-York Daily Times» решили дать оценку состояния Русской императорской армии и финансовых возможностей России в условиях масштабного конфликта. Так, первый из текстов с изложением подобной информации был напечатан в номере от 23 декабря 1851 г. и носил характерное название «Насколько сильна Россия»[203].

Военные и внешнеполитические события также оказывали значительное влияние на восприятие России американской прессой.

В 1853 г. началась очередная русско-турецкая война, на следующий год в нее на стороне Османской империи включились Великобритания и Франция. Интерес к Российской империи со стороны «New York Times» в это временной промежуток определялись событиями на фронтах разгоревшейся Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., многие из которых (морские сражения, оборона Севастополя) также нашли отображение в номерах газеты. Сведения о военной обстановке на Крымском полуострове газета получала из корреспонденций европейских столиц, заметок и статей из английских периодических изданий, а

[202] New York Daily Times. September 25, 1851, P. 4; New York Daily Times. September 29, 1851, P. 1; New York Daily Times. November 10, 1851, P. 1; New York Daily Times. December 12, 1851, P. 2
[203] New York Daily Times. December 23, 1851. P. 2

также из писем путешественников и солдат армий союзников своим родственникам в США[204].

В целом публикации, выходившие на страницах «New York Times» с года основания газеты до окончания Крымской войны в Европе, содержат низкую оценку возможностей России, отношение к которой выказывается скорее в пренебрежительном тоне. Государственная власть характеризовалась как неспособная реализовать потенциал территорий и ресурсов ввиду малой плотности населения: «Мы склонны забывать о гигантских размерах империи, занимающей более 6 000 000 квадратных миль и охватывающей, согласно «Альманаху Гота», население в 65 949 266 душ. Столь скудное население на столь обширной территории неизбежно требует больших военных сил…», «Обширность пространств и редкость населения свидетельствуют о серьезной немощи центральной власти».

Так, через характеристику пространств империй как масштабных, но неосвоенных и малолюдных, обеспечивалась ориенталистский прием экзотизации Востока: «понятие “восточное” означает увлеченность – любительскую или профессиональную – всем азиатским, что чудесным образом было синонимично экзотике, таинственности, глубине, эпохальности»[205]. Регион, исходя из такого отношения, представлялся интересным, но таинственным, иррациональным и непонятным.

Тот же прием прослеживается в описании российской армии, ее дисциплины и морально-нравственных качеств русских солдат: «России никогда не удавалось вывести на поля сражений более 320 000 солдат; да и из тех большинство дурно дисциплинировано, и полностью лишено того человеческого и национального духа, без коего немыслимы великие свершения на ратном

[204] New York Daily Times. March 7, 1854, P. 2; New York Daily Times. April 20, 1854, P. 2; New York Daily Times. July 27, 1855, P. 4; New York Daily Times. December 10, 1855, P. 2

[205] Саид Э.В. Ориентализм. / науч. ред. Исханов А.Р. / Э.В. Саид. – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. С. 138

поприще»[206]. Царская империя представала как дремучее царство, население которой не обладает «какими-либо политическими или сравнительно либеральными настроениями»[207].

Данный метод дополнялся указанием на низкий военно-технический уровень страны. Россия характеризовалась как страна отсталая в военном и техническом отношениях: «Как правило, она [мощь России – прим. Авторов] сильно преувеличивается»; «Русский военный флот выглядит грозным по числу кораблей, но во всех иных отношениях он жалок». В данном случае продвигался ориенталистский тезис об извечной отсталости Востока, неспособного к самостоятельному развитию даже при богатстве ресурсов.

Итак, уже с первых лет существования газеты в ее номерах стала появляться информация о России. Примечательно, что сведения об империи уже тогда обладали ориенталистской призмой, отображающей Россию как обширную, но «темную» и тираническую страну Востока.

Учитывая все вышесказанное, тем не менее, необходимо отметить, что вплоть до конца 1850-х гг. тема России не занимала видного места в общественном мнении США. В целом литература о царской империи до указанного времени составляла лишь относительно небольшую толику в общем объеме американской печатной продукции. Данная характеристика масштабов освещения событий из России применима и к прессе. Несмотря на упомянутый выше интерес той же «New York Times» к международным новостям и фигурирование событий, связанных с Россией, освещение новостей из далекой страны не было регулярным, а подавляющее большинство сведений носило скорее отрывочный, фрагментарный характер. Редакторы изданий и журналисты не имели сформированного образа империи, а их представления о России было основаны на общих представления, откровенных мифах и ориенталистских стереотипах о «восточной деспотии».

[206] New York Daily Times. December 23, 1851. P. 2
[207] New York Daily Times. June 11, 1855, P. 4

Примечательно в этом смысле одно из утверждений со страниц периодики США 1850-х гг.: «Если мы примем к сведению, как мало знают о России американцы, то можно с большей готовностью оценить усердие, с которым образованные классы в этой стране собирали точную информацию в отношении нас…»[208].

Ситуация стала меняться на рубеже 1850-х и 1860-х гг., когда в условиях стартовавших в России реформ и преобразований стремительно возрастает интерес к ней со стороны ряда американских политиков, издателей, публицистов и журналистов[209]. В империи, раскинувшейся на одну шестую часть суши, незадолго до этого произошла смена правящего монарха и в целом государственного курса.

18 февраля 1855 г. скончался российский император Николай I. На престол взошел его сын Александр II, получивший в наследство не только монарший титул, но и крайне тяжелое социально-экономическое и внутриполитическое состояние страны. Ко времени начала нового царствования еще полным ходом шла изнурительная для государства Крымская (Восточная) война, отнимавшая у нее много средств и ресурсов. Россией в той войне было проиграно большинство как морских, так и сухопутных сражений, а спустя семь месяцев после воцарения нового императора, в сентябре 1855 г., союзниками был взят Малахов курган. Оборона Севастополя как важнейшего пункта и бастиона русских на Крымском полуострове, ставшего главным символом той войны, закончилась сдачей его противнику[210].

Однако ведение боевых действий стало становиться чрезмерно изнурительным для всех держав и к окончанию 1855 г. они почти прекратились на всех фронтах. В связи с этим 18 февраля 1856 г. в столице Франции был созван

[208] Цит.: Сол Н.Э. Представления русских об Америке (1820-1860) // Американский ежегодник. – М.: Наука, 1991 – С. 189-190

[209] Тарсаидзе А.Г. Цари и президенты: история забытой дружбы. – М.: Международные отношения, 2025. – С. 223-226

[210] Бесов А.Г. О причинах и итогах Крымской войны 1853-1856 гг. / А.Г. Бесов // Восточный архив. – №14-15. – 2006. С. 9

дипломатический конгресс, который был призван установить консенсус[211]. Однако для всех явившихся на него политических представителей было совершенно очевидно, что Россия, как по факту проигравшая сторона, не сможет ни уклоняться ни, тем более, предъявлять какие-либо требования[212].

Итогом работы конгресса стало подписание 30 марта 1856 г. Парижского мирного договора. Крымская война завершилась полным поражением Российской империи. Парижский мир стал для империи большим внешнеполитическим унижением; она теряла острова в дельте Дуная и часть Южной Бессарабии, вынуждена была временно забыть о своих амбициях в отношении территорий на Балканах. Особенно тяжелыми были статьи договора, касающиеся Черного моря. Положение о нейтрализации последнего запрещало России держать флот в своих водах, строить инфраструктуру и укрепления[213]. По следующему договору, подписанному 15 апреля 1856 г. Великобритания, Франция и Австрии должны были следить за тем, соблюдает ли русская сторона условия Парижского трактата, навязанные ей так называемой «Крымской коалицией»[214]. Одним из главнейших итогов войны стало также окончание действия в Европе Венской системы международных отношений, установленной во время конгресса 1814-1815 гг. и державшейся почти 35 лет.

После череды неудач 1853-1856 гг. стало совершенно очевидно, что и внутреннеполитический, и внешнеполитический вектор государства нуждается в коренных переменах. В свою очередь, это обстоятельство означало то, что и слой

[211] Гросул В.Я. Парижский конгресс 1856 г. и формирование новой юго-западной границы России / В. Гросул // Русин. – 2006. № 2 (4) – С. 96-98

[212] Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / Георгиев В.А., отв. ред. Киняпина Н.С. и др. – М.: «Наука», 1978. С. 224

[213] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. – С. 93-94

[214] Киняпина Н.С. Борьба России за отмену ограничительных условий Парижского договора 1856 года // Вопросы истории. – 1972. №8 с. 35-36

государственного управления, в том числе, и в министерстве иностранных дел, нуждается в новых деятелях, способных на осуществление нововведений.

В апреле 1856 г. был снят с поста министра иностранных дел граф К.В. Нессельроде, дольше всех остальных занимавший эту должность – тридцать три с половиной года. На его место пришел князь А.М. Горчаков. Самая первая его циркулярная нота 21 августа 1856 года, представлявшая из себя инструкцию для дипломатических представителей Российской империи в иностранных государствах, устанавливала новую внешнеполитическую доктрину и содержала центральную формулу: «Говорят, Россия сердится. Нет, Россия не сердится, она сосредотачивается»[215].

Итак, рассматриваемый нами период характеризовался временным отстранением царской империи от крупной мировой политики. Международная обстановка в Европе данного времени характеризовалась дипломатическим господством главных соперников России – Англии и Франции.

Поражение в войне вскрыло сильный разрыв в техническом развитии между западноевропейскими государствами и Россией, вызванный отсталостью последней в социально-экономическом отношении. После череды неудач 1853-1856 гг. стало совершенно очевидно, что как внутреннеполитический, так и внешнеполитический вектор государства нуждается в коренных переменах.

Начался период масштабного полиструктурного реформирования социальной системы, юридического устройства и государственного управления империи. «Окончание Крымской войны, ставшей важным уроком для всей России, ознаменовалось началом «новой эры». Император Александр II, конечно не собирался обличать просчеты своего «незабвенного» отца -императора Николая I, приведшие к досадным военным поражениям. И уж совсем неприемлемыми были для него мысли об отречении от наследия Николаевской эпохи, длившейся без

[215] Циркуляр А.М.Горчакова российским дипломатическим представителям за границей. 21 августа / 2 сентября 1856 г. Останкино // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения: сб. док. – М.: Международные отношения. 1998. С. 212

малого 30 лет… Однако новый монарх не стал скрывать от русского общества, что давно назревшие перемены должны будут вскоре произойти»[216].

Организованная и впоследствии проведенная серия преобразований вошла в историю под названием «Великие реформы».

Итак, в качестве главных маркеров внутриполитического и международного положения России на рубеже 1850-х и 1860-х гг., с одной стороны, являлся глубинный кризис, обусловленный государственным курсом предшествовавших столетий и тяжелым поражением в Крымской войне, с другой – стартом масштабной технологической и социально-экономической модернизации империи. Именно фактор государственного реформирования впоследствии станет главным толчком для резкого возрастания интереса к России со стороны целой плеяды американских авторов в лице публицистов, путешественников, дипломатов, общественных деятелей, а также редакторов периодических изданий.

США к этому времени уже раздирали внутригосударственные противоречия, социально-экономическим концентратом которых являлся вопрос рабства чернокожих и начавшийся в ответ на победу республиканца А. Линкольна процесс сецессии южных штатов. При таких обстоятельствах американские деятели политики, культуры и журналистики все чаще обращали внимание на положение других стран. Прослеживалась взаимообратная проекция ситуации в США на события за их пределами, журналисты осуществляли репрезентацию политической картины Америки в образе других государств. В условиях, когда страна вступала в новый институциональный кризис и требовалась масштабная реформа общественных и государственных институтов, социальный заказ состоял в необходимости демонстрации примера подобной трансформации[217]. Ближайшим для США политическим аналогом выступила Россия, в которой полным ходом шла

[216] Воронин В.Е. Первые манифесты эпохи реформ: окончание Крымской войны и преобразовательные замыслы Александра II (1856) / В.Е. Воронин // Власть. – 2025. С. 279

[217] Павловская А.В. Формирование образа России в США, 1850-1880-е годы: Проблемы взаимодействия культур: дис. д-ра ист. наук. – М., 1999. С. 73-74

борьба за ликвидацию феодально-крепостнической системы и реализовывалась крестьянская реформа. Такую взаимосвязь характеризовал Н.Н. Болховитинов: «Проблема рабства в США и крепостничества в России издавна занимала центральное место в истории обеих стран»[218].

Ярким свидетельством всплеска интереса к России можно считать книгу американского литератора, путешественника и дипломата Бейярда Тейлора «Путешествие в Грецию и Россию, а также поездка на Крит», содержащую описание царской империи в 1858 г.[219] Путевые заметки Б. Тейлора интересны тем, что отображают суждения американца о России перед рассматриваемым нами периодом 1860-х гг., создают многогранный портрет государства накануне Великих реформ. Его наблюдения, сочетающие этнографическую точность, литературный блеск и дипломатическую проницательность, рисуют портрет империи как «цивилизации-хамелеона»– страны, балансирующей между архаикой и прогрессом, деспотизмом и просвещением.

Первое впечатление Тейлора о России противоречило расхожим представлениям о «варварской» империи. Дорога из Варшавы в Москву, названной одной из его спутниц «татарским Римом», поразила путешественника качеством: «Едва ли где-нибудь в мире найдется дорога лучше». Организация почтовых станций, скорость дилижансов («Лошади наши сумасшедшим галопом неслись под уклон, и разбега их хватало на то, чтобы доскакать почти до вершины следующего холма») и четкость системы перевозок стали для американца неожиданным открытием. Этот образ «упорядоченного Востока» ломал привычные ориенталистские клише, описанные Саидом: вместо хаотичной «азиатчины» Тейлор увидел эффективность, сравнимую с европейской. Однако в самой этой

[218] Болховитинов Н.Н. Отклики в США на отмену крепостного права в России // Вопросы истории. – 1995. – № 8. – С. 126

[219] Taylor B. Travels in Greece & Russia with an excursion into Crete. – New-York: G.P. Putnam, 1893. – 426 p. [Электронныйресурс] URL: https://archive.org/details/travelsingreecer00tayl/page/n9/mode/2up дата обращения: 24.01.2023

похвале сквозит удивление – будто порядок в России воспринимался как аномалия, требующая объяснения.

Конечный пункт назначения, старая русская столица, предстал перед Тейлором как пространство культурного синтеза, где «Европа и Азия, Прошлое и Настоящее, Старый Мир и Новый переплетены и перепутаны». Описывая архитектуру Москвы как напоминающую декорацию к «восточной сказке» с ее «разбухшими куполами, любви к позолоте и ослепительно-яркими цветами», он воспроизводит один ключевых элементов ориентализма – эстетизацию «экзотического Другого». Но в отличие от саидовского статичного Востока, Москва у Тейлора динамична: византийские церкви соседствуют с европейскими особняками, азиатские базары – с модными магазинами[220]. Его метафора «Москва предполагает весь мир» раскрывает восприятие России как цивилизации, способной впитывать влияния, оставаясь собой – идея, выходящая за рамки бинарной логики «Запад / Восток».

На улицах Москвы Тейлор фиксирует пеструю смесь сословий: «… вот появился татарин в круглой шапке из черной бараньей шерсти или китаец, напоминающий поделку из желтой глины, вылепленную до сотворения подлинного Адама; за ними идут щеголеватые и наглые европейские торговцы, русская няня в красном головном уборе, похожем на распущенный павлиний хвост; длинноволосый священник в черной рясе… офицеры в мундирах… старые, похожие на святых нищие… цыгане, казаки». Его особенно поразила система благотворительности – Воспитательный дом, где тратят на сирот «сумму, равную доходам трех королевств». Это описание, однако, несет следы патерналистских и

[220] Тейлор Б. Путешествие в Грецию и Россию, а также поездка на Крит: фрагменты книги; пер. с англ. и вступ. Лапиной Г. // Иностранная литература: ежемесячный литературно-художественный журнал. – 2006. – №6. – С. 229–264 [Электронный ресурс] URL: https://magazines.gorky.media/inostran/2006/6/puteshestvie-v-grecziyu-i-rossiyu-a-takzhe-poezdka-na-krit.html дата обращения: 27.01.2023

«цивилизаторских» положений: восхищение «просвещенным абсолютизмом» становится своеобразным оправданием имперской власти.

Беседы с образованными россиянами убедили Тейлора, что страна стоит на пороге перемен. Он отмечает «удовлетворение по поводу реформ» даже среди помещиков, а Александра II характеризует как монарха, бросившего вызов «вековым устоям». Интересно, что Тейлор проводит параллели между подготовкой к реформам в России и социальной обстановкой в США, видя в отмене крепостничества аналог борьбы с рабством[221]. Это редкий для эпохи пример поиска общих ценностей, выходящий за рамки саидовской концепции «Другого». Его вывод «Москва предполагает весь мир» становится метафорой евразийской идентичности – идеи, которая бросит вызов западному ориентализму лишь полтора столетия спустя.

Одновременно, Б. Тейлор как носитель западных культурных воззрений, не смог полностью освободиться от устоявшихся ориенталистских клише даже при личном посещении описываемой им страны и непосредственном знакомстве с ее городами, обычаями и традициями. Еще Э. Саид указывал, что рассуждающий о «Востоке» западный автор, «что бы он о себе ни думал и в чем бы ни уверял нас, далек от объективности»[222].

Восхищение Тейлора «азиатской» экзотикой, акцент на роли «просвещенного царя» и умолчание о социальных противоречиях выдают западный взгляд. Однако его записи – не просто описания иностранца. Описывая Россию как цивилизацию, где «старое уступает новому», он невольно ставит под сомнение само положение о статичности «Востока».

Многие выводы американского путешественника – от «гибридности» Москвы до прогрессивного характера политики Александра II – в дальнейшем будут перекликаться с оценками американской прессы, в том числе газеты «New

[221] Там же.

[222] Саид Э.В. Ориентализм. / науч. ред. Исханов А.Р. / Э.В. Саид. – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. С. 251

York Times», в номерах известия об этом путешественнике печатались еще со второй половине 1850-х гг.[223]

Работа над подготовкой упомянутой крестьянской реформы началась 3 января 1857 г., когда был образован временный высший совещательный орган – новый Секретный комитет по крестьянскому делу в составе 11 членов под председательством собственно императора Александра II. Задача комитета заключалась в разработке методов, мер и условий упразднения крепостничества[224]. На следующий год деятельность данного органа перестала носить секретный характер, он был преобразован в Главный комитет по крестьянскому делу, деятельность которого приобрела гласность. По всей империи также стали создаваться губернские комитеты, подчинявшиеся Главному[225].

Тема крепостного права и борьбы за его отмену была одной из центральных проблем российской действительности, интересовавших нью-йоркскую прессу той поры. Отдельные новости, связанные с крепостным правом в России, начали публиковаться на страницах «New York Times» в середине 1850-х гг. когда газета освещала проблемы регулярных крестьянских волнений в империи[226].

После того, как проектирование главной реформы Александра II приобрело публичность, оно стала объектом интереса со стороны периодической печати, в частности, зарубежной. Редакция издания «New York Times» проявляла особое внимание к этому вопросу.

В 1858 г. в номерах газеты стали печататься первые сведения, посвященные подготовке к проведению в России крестьянской реформы[227]. Движение за

[223] New York Daily Times. February 5, 1856, P. 8

[224] Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу: с 3 января 1857 года по 30 ноября 1860 года: с 3 января 1857 по 30 ноября 1860 года. Том I. – Петроград: Государственная типография, 1915. С. 1-16

[225] Там же. С. 57-70

[226] New York Daily Times. June 11, 1855. P. 4

[227] New York Times. August 4, 1858, P. 4; New York Times. September 10, 1858, P. 2; New York Times. November 18, 1858, P. 2

ликвидацию крепостничества в течение года упоминаются в 12 из 22 статей и колонок «New York Times», посвященных России (54,55%). Российская империя в публикациях предстает как пространство, где традиционные устои сталкиваются с необходимостью преобразований. При этом реформы не ограничиваются только крестьянским вопросом – планируется «реорганизовать судебную систему и ввести суд присяжных»[228]. Это подчеркивает комплексный характер преобразований, направленных на создание современного правового государства.

Публикации данного времени демонстрируют начало формирования специфического восприятия России, где страна предстает как пространство, нуждающееся в реформировании под руководством просвещенного монарха. Характерно, что в материалах газеты подчеркивается роль войны как катализатора перемен, «пробудившего» Россию от ее «молчаливого» состояния[229].

Личность императора Александра II конструируется как фигура правителя, стремящегося к модернизации своей страны. Газета акцентирует внимание на его инициативах по освобождению крестьян, представляя это как проявление прогрессивного мышления правителя. Публиковались тексты обращений императора Александра II к представителям московского дворянства, в том числе была приведена ставшая впоследствии крылатой фраза царя о необходимости преобразований, произнесенная перед московскими и губернскими предводителями дворянства: «гораздо лучше, если эти перемены начнутся сверху, нежели снизу»[230] («гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»[231]).

Во всех примерах дается высокая оценка намерению правящего монарха освободить крепостных крестьян. Примечательно, что мероприятия властей описываются как «замечательные социальные преобразования»[232], достойные

[228] New York Times. November 27, 1858, Page 4
[229] New York Times. May 27, 1858, P. 2
[230] New York Times. December 4, 1858, P. 2
[231] Конец крепостничества в России: документы, письма, мемуары, статьи / сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. Федорова В.А. – М.: Изд-во Московского университета, 1994. С. 85.
[232] New York Times. July 21, 1858, P. 4

пристального внимания мировой общественности. Начавшаяся крестьянская реформа расценивалась как «великая», при освещении данного вопроса часто употребляются понятия «свобода», «преобразование», «прогресс». Редакторы подчеркивали эпохальное значение реформ, открывающих «новую эру в российской цивилизации»[233]. Показательны сами заголовки на страницах выпусков, в которых освещался крестьянский вопрос в империи: «Прогресс эмансипации в России»[234], «Свет с Востока»[235], «Эмансипация в России»[236], «Движение за освобождение»[237] и т.д.

В контексте теории ориентализма особенно показательно описание России как «огромной, безмолвной и таинственной империи»[238]. Такой образ создает контраст между традиционным восприятием России как «Другого» и новыми реформаторскими инициативами, которые представляются как движение к западным стандартам модернизации. Э. Саид отмечает: «существует гегемония европейских идей о Востоке, которые сами по себе подтверждают европейское превосходство над восточной отсталостью»[239].

Итак, со второй половины 1850-х гг. внутренняя политика нового императора, направленная на трансформацию социальной системы, становится предметом для рассмотрения со стороны «New York Times». Редакторы газеты указывали на ее однозначно прогрессивное начало, которое должно было привести отсталую и дикую страну к новой черте в ее истории.

По-настоящему активным и регулярным освещение крестьянского вопроса становится в начале 1860-хгг.

---

[233] New York Times. November 27, 1858, P. 4
[234] New York Times. April 17, 1858, P. 1
[235] New York Times. April 22, 1858, P. 4
[236] New York Times. November 6, 1858, P. 4
[237] New York Times. December 4, 1858, P. 2
[238] New York Times. May 27, 1858, P. 2
[239] Саид Э.В. Ориентализм / науч. ред. Исханов А.Р. / Э.В. Саид. – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. С. 65

В США в период октября – начала ноября 1860 г. прошла президентская кампания, обозначившая борьбу между двумя крупнейшими партиями – Демократической, отстаивавшей интересы плантаторов-рабовладельцев Юга, и Республиканской, объединившей противников рабства из буржуазных кругов Севера. При таком контексте «New York Times» прямо указывала на новый курс правительства далекой зарубежной страны, проводя аналогию с общественно-политической обстановкой в штатах: «Эмансипация российских крепостных, освобождающая двадцать миллионов человек от контроля 900 000 человек, запускает Россию в путь политических идей, прямо противоположный тому, в котором, по-видимому, склонна двигаться партия, которая долгое время контролировала внутреннее движение в Соединенных Штатах»[240]. Редакторы газеты четко обозначили, что в случае победы республиканской фракции на предстоящих выборах Россия и США сблизятся «больше, чем это было до сих пор».[241]

Выборы президента состоялись 6 ноября 1860 г. и привели к победе А. Линкольна. Особо остро встал вопрос о рабстве, в результате чего новоизбранный президент решил заверить южные штаты в отсутствии намерения посягнуть на «особый институт Юга». Позже, выступая с инаугурационной речью 4 марта 1861 г., Линкольн был вынужден заявить: «… у меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирования института рабства в тех штатах, где оно существует»[242].

В подобных условиях прессе США потребовались новые международные примеры борьбы за социальную модернизацию. Временной период проведения крестьянской реформы практически совпал с событиями президентских выборов и

[240] New York Times. September 26, 1860, P. 4

[241] Ibid.

[242] Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789-2001) с исторически комментарием / Пер. с англ. / Общ. ред. и комментарий Иваняна Э.А. – Серия «История идей – история людей». – М.: Стратегия, 2001. С. 211

сецессии южных штатов в США. Эта синхронность создавала естественную основу для проведения исторических, идеологических и политических параллелей между двумя процессами в публичном освещении, что активно использовалось редакционной политикой «New York Times».

Таким образом, аналогичные факторы внутриполитического развития США и России обозначили с 1860 г. новый рост интереса со стороны «New York Times» к крестьянскому вопросу в царской империи. Уместно обратиться к формулировке А.В. Павловской: «…затрагивались в первую очередь те вопросы, которые тем или иным образом перекликались со сложной ситуацией в самой Америке»[243].

С другой стороны, в российских верхах увеличилось число проектов реализации отмены крепостного права, ожесточились дебаты в правительстве и усилилось крестьянское движение. Особое внимание уделялось работе Комиссии по редактированию, которая занималась разработкой проекта реформы. После смерти генерала Я.И. Ростовцева руководство комиссией перешло к графу В.Н. Панину, который, несмотря на свою консервативную репутацию, проявил себя как эффективный реформатор.

В 1860 г. выпуски газеты по-прежнему признавали подготовку крестьянской реформы и отмены крепостного права одним из важнейших событий жизни России, одновременно указывая на социально-экономические препятствия: «Процесс освобождения крестьян сталкивается с определенными трудностями, однако общая тенденция движения к свободе остается неизменной»[244].

Такая характеристика планирования реформ во многом была обусловлена противостоянием между правительством и консервативным большинством среди помещиков по вопросу условий освобождения крестьян. Дворяне, хотя и соглашались на освобождение крепостных, настаивали на сохранении своих имущественных прав. Они предложили двухлетний переходный период, в течение

[243] Павловская А.В. Формирование образа России в США, 1850-1880-е годы: Проблемы взаимодействия культур: дис. д-ра ист. наук. – М., 1999. С. 74-75

[244] New York Times. June 20, 1860, P. 4

которого помещики и крестьяне могли бы заключать договоры об аренде земли. Власти же выступали за более радикальные меры, предусматривающие наделение крестьян землей. Проект предполагал, что государство будет выкупать земли у помещиков и передавать их освобожденным крестьянам, выплачивая компенсацию государственными облигациями с 6% годовых. Важным аспектом подготовки реформы стало создание системы оценки земель, которая должна была определить реальную стоимость наделов. Предполагалось формирование двухуровневой комиссии с правом апелляции для справедливой оценки земельных участков[245].

Одной из форм перекладывания американский реалий на российскую действительность стала тема неприятия реформы. В рамках данного подхода материалы «New York Times» подробно освещают противостояние между правительством и дворянскими кругами по поводу земельного вопроса. Отдельно подчеркивалось значение вопроса о земельной собственности. Дворяне, хотя и соглашались на освобождение крепостных, настаивали на сохранении своих имущественных прав: «что касается их [дворян – прим. авторов] территориальных владений, то они добавляют, что принцип собственности является краеугольным камнем общества, и они решительно требуют от правосудия царя незыблемости этого принципа, нарушение которого может привести только к беспорядку и стеснению»[246]; «дворяне считают, что им достаточно отказаться от своих крепостных без необходимости дополнительно отдавать свои земли»[247].

Схожие описания российского дворянства и его отношения к реформе параллельно прослеживаются в дипломатических документах. Так, в докладе посланника США при российском дворе в Санкт-Петербурге К.М. Клея госсекретарю У.Г. Сьюарду от 21 июня 1861 г., то есть уже после принятия манифеста об отмене крепостного права, содержатся следующие оценки: « С

[245] Крашенинников П.В. Время великих реформ. Золотой век российского государства и права. – М.: Эксмо, 2023. С. 243-256
[246] New York Times. June 20, 1860, P. 2
[247] New York Times. June 20, 1860, P. 4

помощью убеждения и оружия враги освобождения, сами помещики или их агенты, убеждали крестьян в том, что они немедленно освобождаются от всех обязательств по работе и т. д. Несомненно, это делалось для того, чтобы помешать великому делу императора»[248]. А.В. Павловская подчеркивает: «Намерение отменить рабство в Америке вызвало раскол в стране, приведший к гражданской войне. Подобная реакция ожидалась и от русских помещиков, поэтому большое место в освещении темы отмены крепостного права уделялось сопротивлению, якобы оказанному императору»[249].

Как видно на примере «New York Times», мнение редакторов американских газет сходилось с мнением американских дипломатов в оценке развития российского общества. Во многом это объяснимо положением международных представителей как одного из источников информации для периодических изданий.

При этом как в «New York Times», так и в дипломатических отчетах дворянство предстает в качестве однородного полюса силы, с едиными интересами и представлениями. Реальность же такова, что в среде представителей данного сословия наблюдалось множество разных течений. В период подготовки и реализации отмены крепостного права прослеживались отличия в региональном плане, когда явно выделились группировки, с одной стороны, московского, с другой – петербургского дворянства. Помещики также делились по идеологическим взглядам на два разных политических лагеря – консервативный и либеральный, представители которых имели разные, часто противоположные, взгляды на освобождение крестьян, а также на способы и условия ликвидации

[248] Mr. Clay to Mr. Seward. St. Petersburg, Russia, June 21, 1861. Document 199 / Message of the President of the United States to the Two Houses of Congress, at the Commencement of the Second Session of the Thirty-seventh Congress [Электронный ресурс] URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1861/d199 дата обращения: 10.02.2023

[249] Павловская А.В. Формирование образа России в США, 1850-1880-е годы: Проблемы взаимодействия культур: дис. д-ра ист. наук. – М., 1999. С. 76

крепостнической системы[250]. В связи с этим не нашлось места на страницах издания и сведениям об участии столичного и провинциального дворянства в организации местных губернских комитетов по крестьянскому вопросу, о многочисленных проектах реформы («Об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян») периода 1858-1859 гг.[251], подававшихся в Главный комитет на рассмотрение.

Данный подход способствовал противопоставлению «прогрессивного» монарха «консервативному» дворянству, изображавшемуся как сила, что цепляется за «старые традиции». Участие общества в подготовке и реализации реформы, таким образом, нивелировалось

В большинстве публикаций «New York Times» рисуется картина спокойного и упорядоченного течения подготовительного периода в русской деревне[252]. Между тем, в крестьянской среде того времени происходили массовые волнения, причиной которых было недовольством условий освобождения. Об этом свидетельствуют многочисленные рапорты с мест от командиров полицейских команд и воинских частей, особенно за апрель-май 1861 г.[253] «Так, за первые 5

[250] Летняков Д.Э. Дворянство в Российской империи: между престолом и оппозицией. / Д.Э. Летняков // Знание. Понимание. Умение – 2011. № 3 – С. 128-133; Селиверстова Н.П. Политический язык консервативного дворянства / Н.П. Селивеерстова // Общество: философия, история, культура – 2024. № 6. – С. 221-226; Шнейдер К.И. «Либерал во дворянстве»: аристократическое начало в раннем русском либерализме / К.И. Шнейдер // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 43. – 2011 № 1 (216) – С. 33-38; Шнейдер К.И. Политическая программа русских либералов середины XIX в. / К.И. Шнейдер // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2011. № 2 (16). – С. 33-38

[251] Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу: с 3 января 1857 года по 30 ноября 1860 года: с 3 января 1857 по 30 ноября 1860 года. Том I. – Петроград: Государственная типография, 1915. С. 91-97, 108-113, 126-131, 141-143, 152-166, 177-179, 233-238, 251-253

[252] New York Times. August 10, 1860, P. 3; New York Times. September 28, 1860, P. 1; New York Times. October 6, 1860, P. 4; New York Times. November 30, 1860, Page 1

[253] Конец крепостничества в России: документы, письма, мемуары, статьи / сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. Федорова В.А. – М.: Изд-во Московского университета, 1994. С. 277-337

месяцев 1861 г. произошло 1340 массовых крестьянских волнений, всего же за год – 1859 волнений»[254].

На фоне регулярных бунтов и мятежей заметным явлением русской жизни пореформенного времени стало движение за трезвость. Во временной промежуток 1858-1861 гг. проходили выступления сельских жителей против откупной системы распространения алкоголя, когда владельцы винокуренных заводов (в большинстве своем дворяне-помещики) «откупали» у властей монопольное право изготовления водки и торговли алкоголем. Цена кабацкой водки неуклонно повышалось, в то время как ее качество при отсутствии конкуренции падало. Крестьяне ощущали, как алкоголизм разрушает хозяйства и семьи, останавливает привычное течение жизни общин. Недовольство откупной системой, помимо бойкота алкогольных товаров, народных волнений и разгромов питейных заведений, привело к созданию объединений для борьбы с пьянством[255]. «Общества трезвости стихийно, как форма народного бунта против откупной системы, возникли в Литве, затем еще в десятках губерний России… Они были сразу же запрещены правительством, защищавшим откупную систему, под вымышленным предлогом нарушения ими закона»[256].

Никакие из вышеприведенных событий не нашли отображения в публикациях «New York Times». Их умалчивание создает впечатление аморфности крестьянской массы, нерасположенной к актам социального протеста и отстаивания гражданских прав. Несмотря на масштабность преобразований, в стране якобы не наблюдалось значительного движения среди крестьян. Подобный способ освещения событий свойственен ориенталистскому определению «дремучего», «спящего» населения: «Для Востока и восточного человека

[254] Рязанов В.Т. Реформа 1861 года в России: причины и исторические уроки / В.Т. Рязанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Сер. 5. – Вып. 2, 2011. – С. 13

[255] Федоров В.А. Крестьянское трезвенное движение 1858–1859 годов // Революционная ситуация в России в 1859–1861 годах. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 111-118

[256] Копировский А.М. Дореволюционные трезвеннические общества и братства в России. Три парадокса // Вестник Свято-Филаретовского института. Основные направления деятельности православных братств. – 2017 – С. 68

отрицается сама возможность развития, трансформации, человеческого движения – в самом глубоком смысле этого слова»[257].

Таким образом, даже описывая подготовку и проектирование реформ, «New York Times» сохраняет в отношении России элементы экзотизации. Российское крестьянство изображается как «пассивная масса», нуждающаяся в опеке государства, а дворянство – как закостенелый в традиционализме класс. Эти стереотипы игнорируют разнообразие социальных стратегий внутри российского общества, нивелируя его участие в подготовке преобразований. Суть реформы упрощается и сводится к примитивной бинарным оппозициям «прогрессивный царь / архаичное общество», «прогрессивный царь / отсталый народ». Данный контраст соответствует ориенталистской дихотомии: западный рационализм (в лице царя) против восточного традиционализма (в лице дворянства и крестьянства). Риторика о «пробуждении России» от «сна веков» через реформы также типична для ориенталистского мировоззрения, где Восток лишен субъектности и истории, иначе как в контексте стороннего вмешательства[258].

Особо ценны и показательны материалы «New York Times» за 1861 г., когда намерение ликвидации крепостничества было воплощено в реальность. 19 февраля (3 марта) был провозглашен манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей»[259].

Тогда же вышел указ «Об учинении надлежащего распоряжения к приведению в исполнение Положений и Правил о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости»[260].

---

[257] Саид Э.В. Ориентализм / науч. ред. Исханов А.Р. – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. С. 470

[258] Там же. 469-470

[259] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XXXVI. Отделение 1. №36650 – СПБ.: Типография Второго отделения Собственной Его императорского Величества Канцелярии, 1861. С. 129-134

[260] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XXXVI. Отделение 1. №36652. – СПБ.: Типография Второго отделения Собственной Его императорского Величества Канцелярии, 1861. С. 135-138

Согласно этим документам, бывшие крепостные крестьяне перестали считаться собственностью помещиков: их запрещалось покупать, продавать, обменивать или дарить. Они обрели основные гражданские права, могли самостоятельно вступать в брак, выбирать трудоустройство, приобретать недвижимость, заниматься торговлей и переходить в другие сословия (например, мещанское или купеческое).

В то же время в крестьянской среде вводились принципы самоуправления: крестьяне объединялись в сельские общества, которые решали хозяйственные и другие вопросы на сельских сходах. Несколько таких обществ составляли волость с волостным сходом и выборным старшиной.

Однако полная свобода не наступала сразу: до выкупа земли крестьяне оставались «временнообязанными». Они должны были отбывать барщину (обычно 3 дня в неделю) либо платить (8-12 руб. в год в зависимости от губернии или края), продолжая пользоваться землей, которую обязан был предоставить помещик. Размеры наделов варьировались в зависимости от области империи (в среднем 3-4 дес. на душу). Крестьяне могли выкупить надел – индивидуально или общиной.

Государство выплачивало помещику 8/10 от размера выкупной суммы, а крестьяне погашали остаток в течение 49 лет, ежегодно выплачивая 6% от размера суммы. При отказе от выкупа крестьянин получал лишь четвертую часть законного надела бесплатно, но терял право на выкуп[261].

Газета подчеркивала комплексный характер крестьянской реформы. В номерах указывалось на условия освобождения, такие как право на личную свободу и жилье. Важным для «New York Times» аспектом стало решение о выделении для крестьян земельных наделов: «крестьяне получат свои дома и приусадебные участки, а также четвертую часть от установленной нормы земли – от одного до двух га в зависимости от губернии»[262].

---

[261] Крашенинников П.В. Время великих реформ. Золотой век российского государства и права. – М.: Эксмо, 2023. С. 253-256

[262] New York Times. March 23, 1861, P. 1

Заметим также, что в следующем 1862 г. президентом А. Линкольном будет подписан ставший эпохальным гомстед-акт, которые разрешал передачу в частную собственность американских граждан незанятых земель на западе государства: «любое лицо, которое является главой семьи или прибыло в возрасте двадцати одного года, и является гражданином Соединенных Штатов либо подало заявление о получении гражданства согласно закону о гражданстве Соединенных Штатов, и которое никогда не участвовало в военных действиях против Правительства Соединенных Штатов и не оказывало содействие их врагам, имеет право, начиная с 1 января 1863 года, получить участок нераспределенной государственной земли размером 160 акров или меньше»[263].

Наконец, 3 апреля 1861 г. «New York Times» одной из первых американских газет сообщила об отмене крепостного права в Российской империи: «Социальная революция в России, которая превратила двадцать миллионов крепостных в свободных людей, объявлена как действительно свершившаяся в воскресенье, 17 марта»[264]. В номере издания за 9 апреля того же года были опубликованы фрагменты из текста императорского манифеста, дополненные пояснениями и комментариями редакторов[265]. Примечательно, что в большинстве других периодических изданиях США данная новость была опубликована лишь 12-13 апреля 1861 г.[266] В очередной раз сказалось журналистское новаторство редакции «New York Times» в виде ее оперативности, стремления к следованию «по горячим следам» описываемых событий.

---

[263] Homestead Act // Wikisource [Электронный ресурс] URL: https://en.wikisource.org/wiki/Homestead_Act

[264] New York Times, April 3, 1861, P. 4

[265] New York Times, April 9, 1861, P. 5

[266] Курила И.И. Рабство, крепостное право и взаимные образы России и США // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 6 (142). – С. 425–440. [Электронный ресурс] URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2016/6/rabstvo-krepostnoe-pravo-i-vzaimnye-obrazy-rossii-i-ssha.html дата обращения: 4.04.2025

Редакторы газеты освещали неоднозначную реакцию общества на реформу. Дворянство, согласно изданию, активно противилось потере привилегий, опасаясь значительных экономических потерь. Как отмечалось в публикациях, «помещики громко заявляют, что понесут значительные убытки, и компенсация не сможет их возместить»[267]. Однако в целом реформа, как отмечала редакция «New York Times», была воспринята положительно[268].

Издание подчеркивало беспрецедентный характер данного решения. «Преобразование двадцати миллионов крепостных в свободных граждан… отныне и навсегда памятный день в истории русской цивилизации». Особое внимание уделялось тому факту, что реформа стала результатом не только гуманных побуждений, но и экономических соображений: «российское правительство глубоко осознает, что экономически крепостное право несостоятельно»[269].

Особое внимание в материалах уделяется личности императора Александра II, который подается как центральная фигура в деле отмены крепостного права, главный и едва ли не единственный инициатор реформ: «Во время визита императора Александра в Москву, два месяца назад, я упомянул о том факте, что Его Величество принимал высокопоставленных вельмож этой важной области империи и обратился к ним с речью по поводу предпринятой им великой реформы»[270], «Меморандум признает все великодушие, справедливость и щедрость в действиях, исходящих от императора, и в которых так долго проявлялось желание этого принца»[271], «Несмотря на огромные трудности, которые его окружают, император упорно продолжает эту великую работу…»[272], «…с момента своего

[267] New York Times, April 9, 1861, P. 5
[268] Ibid; New York Times, April 9, 1861, P. 5
[269] New York Times, April 3, 1861, P. 4
[270] New York Times. December 4, 1858, P. 2
[271] New York Times. June 20, 1860, P. 2
[272] New York Times. June 20, 1860, P. 4

восшествия на престол [царь – прим. Авторов] был поглощен этой грандиозной задачей»[273].

Позиция американской прессы относительно места русского царя в крестьянской реформе была сформулирована А.В. Павловской: «Героем дня безусловно стал Александр II. Именно его твердости, либеральным идеям, упорству и решительности предписывалась главная заслуга в осуществлении столь глобальной реформы»[274].

Российский монарх, таким образом, предстает в роли просвещенного правителя, стремящегося преодолеть традиционное восприятие России как «молчаливой и загадочной империи» и прерывающего инерцию русского самодержавия: «…тот же царь, который прославляет свою династию освобождением 45 000 000 крепостных, требует придать ей дополнительный лоск, учредив для Царства Польского отдельный Государственный совет с князем-патриотом»[275].

Интересно, что в материалах «New York Times» в отношении России проводится аналогия не с западноевропейскими, а с восточными странами: «русский по своей природе – татарин, и правильный стандарт сравнения для него – не Англия и Германия, а народы Азии»[276]. При этом ликвидация крепостного права представлена как важный шаг на пути превращения России из азиатской деспотии в современное государство: «с тридцатью миллионами свободных граждан вместо рабов император может надеяться на успех»[277].

[273] New York Times. April 3, 1861, P. 4

[274] Павловская А.В. Формирование образа России в США, 1850-1880-е годы: Проблемы взаимодействия культур: дис. д-ра ист. наук. – М., 1999. С. 76

[275] New York Times. March 29, 1861, P. 4

[276] New York Times, December 3, 1861, P. 2

[277] New York Times. October 27, 1861, P. 4

Международное значение реформы подчеркивалось ее частым сравнением с движением за отмену рабства в США[278]. В газете отмечалось, что «когда в России освобождают крепостных, негритянские рабы не должны оставаться под властью хозяина»[279]. Можно утверждать, что редакторы «New York Times» с помощью таких приемов проводили аналогию между развитием России и внутригосударственной ситуацией в США. Как подмечает А.В. Павловская, для Севера было важно «довести до сведения американцев, что и в России идут схожие процессы, решаемые мирными путем»[280].

Газета, таким образом, осуществляла саморепрезентацию образа собственной страны на примере внутриполитической обстановки в царской империи: «В то время как Америка пожинает горькие плоды рабства, мы видим самодержавного государя, готовящегося дать Конституцию своему народу, и императора России, готовящегося к освобождению большей части своих подданных»[281]. Особо болезненно на страницах издания воспринимался факт ликвидации системы зависимых отношений даже в азиатской, восточной империи, но не в США: «прогресс цивилизации виден повсюду, кроме, увы, Америки!»[282]. Лишь осенью следующего года прогресс дойдет и до американского общества: в сентябре 1862 г. Линкольном будет подписана «Прокламация об освобождении рабов», юридически упразднявшая рабство на территории южных штатов с 1 января 1863 г.[283]

---

[278] New York Times. March 29, 1861, P. 1; New York Times. September 14, 1861, P. 2; New York Times. September 26, 1860, P. 4

[279] New York Times. September 14, 1861, P. 2

[280] Павловская А.В. Формирование образа России в США, 1850-1880-е годы: Проблемы взаимодействия культур: дис. д-ра ист. наук. – М., 1999. С. 74

[281] New York Times. March 29, 1861, P. 1

[282] New York Times. April 6, 1861, P. 8

[283] Emancipation Proclamation Text [Электронный ресурс] // University of Michigan Library Digital Collection. – URL: https://clements.umich.edu/exhibit/proclaiming-emancipation/ дата обращения: 5.12.2022

Итак, анализ публикаций газеты позволяет сделать вывод, что отмена крепостного права воспринималась как важнейший шаг на пути модернизации российского государства. Редакция «New York Times» давала высокую оценку реформе, отмечая ее беспрецедентный характер и далеко идущие последствия. Отмена крепостного права характеризовалась не просто как юридический акт, а как начало глубоких социальных преобразований, затронувших все сферы жизни российского общества.

Общий анализ 29 публикаций «New York Times», посвященных вопросу о крестьянской реформе в России, позволяет выделить несколько механизмов, использовавшихся газетой для освещения проблемы отмены крепостного права:

1. **Оперативное и эксклюзивного информирование с идеологическим, политическим и культурным обрамлениями:**
   - **первичные сообщения:** «New York Times» одной из первых среди американских газет (3 апреля 1861 г.) сообщила об опубликовании Манифеста, представив это событие не как сухой бюллетень, а как «социальную революцию», превратившую «двадцать миллионов крепостных в свободных людей». Уже в этой формулировке заложена масштабная, революционная трактовка события.
   - **публикация документов:** 9 апреля 1861 г. издание опубликовало фрагменты Манифеста с собственными комментариями и пояснениями. Это демонстрировало стремление не просто проинформировать, но и интерпретировать, направлять понимание сложного правового документа американской аудиторией.
   - **создание исторической значимости:** Редакционные материалы сразу помещали реформу в контекст всемирной истории, называя день ее обнародования «навсегда памятным днем в истории русской цивилизации», тем самым утверждая ее непреходящую ценность.

2. **Проекция, саморепрезентация и компаративный анализ.**

Этот механизм был ключевым для интеграции российского события в американскую повестку дня.

- **Прямые параллели с рабством:** Реформа подавалась как акт, сравнимый и родственный делу борьбы аболиционистов против института рабства, существовавшего на Юге США. Российские помещики, сопротивлявшиеся реформе, невольно и неявно уподоблялись южным рабовладельцам-сецессионистам.
- **Идеологическое использование:** Освещение прогрессивного, по мнению газеты, шага российской монархии служило дополнительным аргументом в пользу моральной правоты Севера. Оно работало на легитимацию собственной политики аболиционизма, демонстрируя, что даже «восточная деспотия» движется по пути освобождения, в то время как часть американского государства этому сопротивляется.
- **Конструирование метафоры модернизации:** Россия дореформенная изображалась как архаичная, «спящая» империя. Ликвидация крепостнической системы представлялась как решительный шаг на пути «догоняющей модернизации» по образцу западных стран, что соответствовало распространенным в США прогрессистским концепциям исторического развития.

3. **Персонализации и «патерналистские» установки:**

- **ключевая роль императора Александра II:** Отображение реформы по большей части было сфокусировано на личности императора. Он последовательно изображался как «царь-освободитель», «просвещенный монарх», «мудрый реформатор». Это создавало упрощенную, но эффективную схему: прогрессивные изменения исходят исключительно от просвещенной воли монарха («дар сверху»).

- **игнорирование внутренних предпосылок и плюрализма социальных стратегий:** Такой подход затушевывал сложную социально-экономическую подоплеку реформы, длительную подготовку, крестьянское движение, волнения на селе, роль бюрократии и общественных дискуссий. Российское общество (как дворянство, так и крестьянство) часто изображалось пассивной массой, объектом преобразований.

4. **Акцентирования и селекция информации:**

- **упор на факте освобождения:** Основное внимание уделялось гуманитарному и правовому аспекту – получению личной свободы миллионами людей. Это вызывало естественный позитивный отклик у нью-йоркской прессы.
- **сглаживание проблем реализации:** Отдельные критически важные для понимания реформы детали (вопросы об отрезках земли, временнообязанном состояния т.д.) оставались на периферии или упоминались вскользь. Массовые крестьянские волнения, предшествовавшие обнародованию манифест и последовавшие за ним, хотя и упоминались, но не становились предметом глубокого анализа, который мог бы омрачить общее позитивное впечатление о «прогрессивной реформе».

Описанные выше механизмы освещения напрямую работали на конструирование сложного и амбивалентного образа Российской империи. В контексте крестьянской реформы выделились следующие отдельные механизмы формирования образа Российской империи:

1. **Конструирование дуалистичного облика государства как «просвещенного деспотизма»:**

- **«восточная автократия» на пути к преобразованиям:** Базовым оставался ориенталистский стереотип о России как об архаичной, азиатской по духу империи. Однако реформа позволяла представить ее как деспотию особого

рода – способную к реформированию движению в сторону западных либеральных ценностей под руководством прогрессивного лидера.

- **гибридный портрет Александра II как правителя:** Царь стал одним из олицетворений парадокса в восприятии газетой России. В его образе совмещались атрибуты «рационалиста», проводящего реформы, и неотъемлемые черты «восточного автократа», обладающего неограниченной властью. Этот дуализм был ключевым элементом формируемого представления.

2. **Утверждение инструментального и ситуативного восприятия.**

Облик развивающейся России и монарха-реформатора носил, в том числе, практичный характер для американского общественного мнения.

- **Зеркало для внутренней политики:** Освещение российской реформы в первую очередь служило целям внутренней политической борьбы в США. Оно использовалось как риторический инструмент для укрепления морального авторитета администрации Линкольна.
- **Ситуативная позитивность:** Положительное мнение о реформаторской России была актуально именно в 1860-1861 гг., на фоне выборов президента, сецессии южных штатов и начала Гражданской войны, когда северные штаты находились в поиске моральных аналогий и политических союзников. Этот образ не был постоянным, что подтверждается радикальным изменением характеру публикаций «New York Times» позже, во время Польского восстания 1863 года, когда вновь актуализировались утверждения о «реакционной» и «деспотичной» сущности российского режима.

3. **Воспроизводство клише и штампов:** даже в позитивном освещении реформы часто проскальзывали и укреплялись устойчивые стереотипы о вездесущности центральной власти, косном дворянстве и пассивном крестьянстве.

Механизмы крестьянской реформы в «New York Times» 1860-1861 годов, таким образом, представляли собой взаимосвязанную систему, работавшую на несколько целей одновременно:

1. Информирование и интерпретация обеспечивали оперативную подачу новости в обрамлении исторической значимости и моральной оценки;
2. Компаративный и проекционный методы встраивали иностранное событие в ткань актуальной американской политической борьбы, делая его релевантным и полезным для внутренних потребностей;
3. Персонализированная и патерналистская направленность упрощала сложный социальный процесс до истории о «великом реформаторе», что соответствовало как монархической риторике России, так и запросам американской аудитории на понятные сюжеты;
4. Механизм селективного акцентирования позволял поддерживать в целом позитивный тон, затушевывая противоречия и потенциально негативные последствия и стороны реформы.

Материалы издания периода 1860-1861 гг. демонстрируют, как американская пресса конструировала образ российских реформ, одновременно признавая их значимость и сохраняя при этом элементы ориенталистских суждений. Данная сторона вопроса позволяет говорить об отдельном способе повествования, где модернизация России представлялась как процесс движения от «традиционного» к «современному» под руководством прогрессивного монарха. В номерах («New York Times») отчетливо прослеживается создание бинарной оппозиции «Восток – Запад», где Россия представлена как восточная деспотия, совершающая попытку модернизации по западному образцу. Проведенный анализ подтверждает тезис современной науки о медиаобразах как о конструктах, активного формируемых в соответствии с конкретными политическими и культурными запросами общества-реципиента, а не просто зеркально отражающих внешнюю реальность

Таким образом, исследование выпусков газеты, посвященных отмене крепостного права в России, показывает, что они отражали не только реальное

положение дел, но и определенные стереотипы и представления о Востоке и Западе, характерные для американской прессы того времени.

1.3 «Удручающее влияние иностранного правления»: «New York Times» о польском национальном вопросе начала 1860-х гг.

Меры, подобные отмене крепостного права, ослаблению цензуры, расширению гражданских и политических свобод ознаменовали собой общую либерализацию страны. Данный фактор привел к заметному оживлению в России общественной мысли и общественного движения. Это, в свою очередь, стало причиной подъема и некоторых национально-освободительных сил.

В первой половине столетия сильный толчок получила идея о создании национальных государств, которая на Балканском и Апеннинском полуостровах уже начала воплощаться на практике. При этом у России и Англии главная задача на европейской арене все еще заключалась в поддержке легитимного порядка[284]. Полиструктурный характер функционирования революционной составляющей 1848-1849 гг. определил действие еще одного элемента Венской системы. Важной демократической компонентой революционной составляющей, с позиции конструктивности ее исторической перспективы, был национально-этнический императив (состав по социально-национальному признаку). Он касался прежде всего принципа соотношение категорий «нация» и «национальность» в пределах функционирования Венской системы. «Национальности» – это народы, имевшие свою ярко определенную культурно-историческую самобытность, а «нации» – совокупность граждан, формирующих государство. Немцы, итальянцы, венгры и те же поляки воспринимались на международной арене как «национальности»,

[284] Дударев В.С. Стала ли Венская система международных отношений системой? // Преподаватель XXI век. 2024. № 4. Часть 2. С. 355-357

поскольку проживали на определенных территориях, которые были поделены государственными границами, и поэтому принадлежали к разным «нациям».

Во второй четверти XIX в. господствующим в общественном сознании большинства западных стран был еще один императив, который определял следующий подход к толкованию связи между нацией и национальностью: только развитые крупные национальности, обладающие четко определенным историческим наследием, имеют право на создание соборных независимых государств. Остальное же должно было быть ассимилированным в среде более многочисленных и культурных народностей или иметь альтернативу – вообще исчезнуть как этническая общность или удовлетвориться существованием в режиме ограниченной автономии[285].

К восшествию на престол императора Александра II (1818-1881) в России было известно два района, отличившихся неспокойными настроениями: Северный Кавказ и Царство Польское. Сопротивление северокавказских народов в это время уже достаточно ослабло и пошло на спад. Большая часть региона уже основательно контролировалась царскими войсками, последние очаги сопротивления вскоре будут окончательно подавлены. Что касается Польши, то она, хоть и являлась непосредственной частью империи, еще в 1830-1831 гг. отличилась крупным восстанием. Несмотря на его разгром, польские национально-освободительные силы последующих десятилетий не теряли надежд на отделение от империи.[286]

Права народов на самоопределение в рассматриваемый период становится важной стороной международного развития. Европейская «Весна народов» 1848-1849 гг., а также политические преобразования в крупных странах вдохнули новую жизнь в борьбу разных народов за независимость. Обсуждения данного аспекта в

[285] Душенко К.В. «Тюрьма народов»: рождение метафоры // Журнал политической философии и социологии политики «Политика. Анализ. Хроника. Прогноз». – №3 (110). 2023 С. 138-139

[286] Неверова Е.Д., Ягудина О.В. Восстания в Царстве Польском в XIX веке // Шаг в науку. – 2025. – № 2. – С. 69

последующее время, споры и дискуссии вокруг него заняли большое место как в дипломатической, так и в общественной сферах многих стран, включая Америку[287].

Необходимо отметить, что в свое время и США как государство появились на политической карте мира именно в ходе революции. Даже само рождение страны было связано с принятием в 1776 г. «Декларации независимости»[288]. Свобода и самостоятельность народов стало одной из центральных тем документа: «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира… уважительное отношение к мнению человечества требует от него разъяснения причин, побудивших его к такому отделению…»[289]. Отдельное место в тексте декларации отведено праву народов на сопротивление своим властям в случае нарушения правительством вышеприведенных принципов: «В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье… Когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа»[290].

---

[287] Сиротинская М.М. «Дело Кошты может быть текстовым полем, в котором… державы намереваются осуществлять взаимодействие»: капитан Инграхем, “Молодая Америка”, пресса США и российский посланник в Вашингтоне Александр Бодиско // Американский ежегодник. – 2012. – С. 105–107; Россия в восприятии «Молодой Америки», 1851-1852 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / Отв. ред. Голубев А.В. – Вып. 6 (I). – М.: ИРИ РАН, 2012. – С. 98-104

[288] Declaration of Independence // История США: материалы к курсу [Электронный ресурс] URL: https://ushistory.ru

[289] Ibid.

[290] Ibid.

Итак, первый и один из главных основополагающих документов американского государства закладывал принципы независимости, самоуправления и права на социальный протест. Неудивительно, что общественные круги США большую часть своей истории проявляли интерес к революционным и антиправительственным течениям в разных уголках мира.

Напомним, что уже к середине XIX в. ключевую роль в отображении разных событий начинает играть периодическая печать. Во многом именно журналы и газеты позволяют судить о позициях американской общественности по вопросам внутренней и внешней политики в других странах[291].

В частности, редакторы газеты «New York Times» внимательно следили за состоянием и развитием польского вопроса. Статьи, посвященные обстановке в Царстве Польском, стали выходить на страницах издания еще в первые годы его существования[292]. Однако по-настоящему регулярно польский вопрос стал фигурировать в номерах газеты лишь с 1860 г., ставшего одним из поворотных в истории Польши. Именно тогда в Варшаве прошли первые антиправительственные демонстрации, в июле начались акции протеста. Бывший глава военного министерства, генерал-фельдмаршал граф Д.А. Милютин впоследствии вспоминал: «В 1860 г. агитация в Царстве Польском приняла уже характер вызывательный»[293]. Активизация польского движения проходила параллельно с подъемом национального движения в других окраинах империи (Прибалтика,

[291] Алентьева Т.В. Общественное мнение США в преддверии Гражданской войны (1850-1861). – М.: ИНФРА-М, 2020; Алентьева Т.В. Из истории американской журналистики. Феномен «New York Tribune» и общественное мнение в США (1841-1861 гг.). – М.: ИНФРА-М, 2021; Алентьева Т.В., Филимонова М.А. Реформаторы, нонконформисты, диссиденты в США (XVII-XIX века). – М.: ИНФРА-М, 2024; Филимонова М.А. Пресса становится властью. Политические дискуссии на страницах периодической печати США в конце XVIII века. – М.: ИНФРА-М, 2021

[292] New York Times. February 3, 1852, P. 3; New York Times. November 14, 1853, P. 1

[293] Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860–1862 / Под ред. и с пред. д.и.н., проф. Захаровой Л.Г. – М.: Студия ТРИТЭ, РИО «Российский Архив», 1999. С. 54

Белоруссия, Малороссия (Украина), Северный Кавказ) и также была связана с новой, пореформенной ситуацией в государстве[294].

Количественное распределение 25 материалов «New York Times» с освещением или упоминанием польского национального вопроса за 1860 г. демонстрирует их диспропорциональное распределение в течение года. Условно данный этап можно разделить на два временных промежутка: с января по июль (40% публикаций) и с августа по декабрь (60% публикаций).

Подобное распределение обусловлено, прежде всего, эволюцией политического развития в регионе. Ключевыми темами первой половины года стали апелляции к фактическому положению Польши как аннексированной территории и упор на «подавлении национальной жизни»[295].

В начале и середине лета интерес к польскому вопросу стихает ввиду отсутствия новостей и большего интереса к другим международным проблемам. В августе складывается иное положение: наблюдается новый, резкий рост внимания к Польше, толчком к которому следует считать прошедшие еще в конце июля антиправительственные демонстрации[296].

В это же время русские военные силы в Царстве Польском начинают укомплектовываться новыми резервами. На страницах «New York Times» также сообщалось о мерах, предпринятых царскими властями, «чтобы быть готовым к любой чрезвычайной ситуации». Именно в таком ключе освещаются репрессивные шаги правительства: «Россия стягивает в Польшу крупные воинские соединения»[297]. Было указано на непосредственно военное мероприятие в виде размещения в Польше крупного корпуса под командованием участника

[294] Малкин М.М. Гражданская война в США и царская Россия / Под ред. и с пред. акад. ТарлеЕ.В. М.-Л.: Соцэкгиз, 1939. С. 234

[295] New York Times. March 20, 1860, P. 4.

[296] Завьялова О.О. «Революция по всех сердцах: развитие кризиса в русско-польских отношениях накануне польского восстания 1863-1864 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 4 (24). С. 34

[297] New York Times. August 24, 1860, P. 4

Отечественной и Крымской войн, генерала от инфантерии П.П. Липранди. Прослеживается явный контраст в оценке действий царских властей в отношении Польши на фоне других направлений политики Александра II, связанной с общей либерализацией страны. Именно в этом ключе освещаются репрессивные меры правительства России: «В Польше были приняты новые суровые меры, а цензура печати и книг в настоящее время осуществляется почти с большей строгостью, чем во время правления покойного императора Николая»[298].

28 августа 1860 г. была помещена статья под названием «Национальности в Европе»[299], содержавшая исторический и политический обзор борьбы разных народов за освобождение и объединение. В данной статье был выделен особый, «грозный», но «непредотвратимый» процесс масштабного обновления Европы. В пределах континента ими были выделены два противоборствующих лагеря, каждый из которых придерживается противоположного принципа. Один лагерь, который можно условно обозначить как консервативно-традиционалистский, придерживается принципа «законного суверенитета, признанного древним публичным правом континента». Другой лагерь, условно обозначенный нами как «либерально-националистический», в идейном смысле вели свои корни от Великой французской революции и руководствовался «принципами “удовлетворенных национальностей”, провозглашенными императором французов в качестве нового закона европейского равновесия»[300].

В целом текст статьи нейтрален по своему содержанию, не видно, чтобы редакторы занимали ту или иную сторону в указанном противостоянии. Речь идет скорее о констатации фактического положения вещей. Однако на лицо осознание глобальности тех социальных и национальных катаклизмов, что потрясали Европу в первой половине XIX в.

[298] New York Times. August 24, 1860, P. 2
[299] New York Times. August 28, 1860, P. 4
[300] Ibid.

Большое внимание уделяется и полякам: они упоминаются в одном ряду с итальянцами, венграми, румынами, ирландцами, то есть всеми народами, боровшимися против иностранного господства. Неудивительно, что среди указанных событий, «взбудораживших» Европу, два связаны именно с движением поляков: «польская революция 1830 года» и восстание в Кракове 1846 г., подавленное объединенными усилиям Австрии и России. В то же время, сама Польша охарактеризована как «наименее сплоченная из народностей континента». Она отнюдь не флагман европейских национальных революций, вместо нее эта роль отводится итальянским городам и Венгрии. Тем не менее, их «электрическое влияние» распространяется и на польские земли и это обстоятельство, по мнению редакции, не может упускать из виду «хозяин Польши», то есть российское правительство.

Данная статья однозначно указывает на понимание «New York Times» того размаха, который приобрело к этому времени движение за свой суверенитет в разных уголках Европы. Выделение поляков наряду с другими народами также свидетельствует о возросшем интересе редакции газеты к национально-освободительным тенденциям в среде этого народа.

Итак, начиная с августа акцент в статьях и колонках газеты смещается с описания положения Польши и национального «гнета» в регионе в сторону административной политики царских властей. Преобладающими аспектами становятся репрессии и цензурные ограничения российской администрации. Частотность упоминаний о польском движении на страницах газеты коррелировалась с развитием внутриполитической ситуации в регионе. По-настоящему активным и регулярным освещение событий в Польше становится с конца лета 1860 г., что было связано с обострением обстановки в Варшаве, повлекшей репрессивные меры правительства.

Самая высокая активность освещения событий в Польше приходится на период осени (40%), что совпадает как с польскими, так и с американскими событиями. В Польше политическими маркерами, обусловившими особый интерес

к региону со стороны редакторов «New York Times», являлся постепенный рост протестных демонстраций, а также подготовка и проведение свидания монархов России, Австрии и Пруссии в Варшаве[301].

Непосредственно в США развернулись события президентской кампании и выборов 6 ноября, приведших к избранию на пост главы государства А. Линкольна. В ситуации, когда в стране надвигался раскол, «New York Times» обращается к международным примерам дезинтеграций государств, приводивших к утрате странами национального суверенитета и, как следствие, кризису их общего развития: «Даже колонии не могу развиваться под строгим руководством родной страны… Иностранные завоевания привели к упадку местного искусства, параличу промышленности и внутреннему совершенствованию». Польша сопоставлялась с английскими колониями во второй половине XVIII в. и, наравне с Италией и Венгрией, упоминалась как территория, на которой прослеживалось «удручающее влияние иностранного правления»[302].

Так со временем начинают прослеживаться аналогии между США на ранних этапах их истории и Польшей, находящейся под иностранным господством. Редакторы «New York Times» фактически стали осуществлять саморепрезентацию американцев в образе поляков.

Как можно видеть, в номерах «New York Times» за 1860 г., затрагивавших польский вопрос, рисуется крайне негативный образ национальной политики России как направленной на подавление национальных свобод и прав человека на своих окраинах. Царская империя предстает в качестве страны, решающей национальный вопрос силовым воздействием, а не путем реформ.

Ситуация меняется в следующем году. В связи с объявлением о ликвидации крепостничества, польские общественные и революционные круги усиливают борьбу за преобразования как в аграрной, так и в общественно-политической

[301] История дипломатии в пяти томах. Том. I. / под ред. Зорина В.А. и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Госполитиздат, 1959. С. 698

[302] New York Times. November 30, 1860, P. 2

сферах. Акции протеста постепенно перерастают в стычки отдельных групп митингующих с отрядами полиции и правительственных войск. Характеризуя это время, О.О. Завьялова пишет: «…первые годы царствования Александра II до начала Польского восстания в 1863 г., вмещающие в себе противоречивую событийность, в целом представляли собой переходный период в истории взаимодействия России и Польши. Состояние переходности определялось наличием как минимум двух вариантов развития. русско-польских отношений в тот период, один из которых вел по пути нарастающей конфликтности и разрыва, а второй предусматривал возможность взаимовыгодного сотрудничества в деле общего реформирования в рамках единого имперского пространства»[303].

Практически синхронно с развитием событий в Польше увеличивается и число выпусков «New York Times», в которых данные аспекты, так или иначе, затрагивались. Показательно, что общее количество материалов за упомянутый 1861 г. составило уже 85 (рост на 240% по сравнению с предыдущим годом). Аналогично предыдущему году прослеживается диспропорциональность распределения статей и колонок. Данная диспропорциональность тесно связана с эволюцией политической ситуации в регионе и позволяет разделить год на три отдельных периода: январь-февраль (5,88%), весна (41,18%) и лето – начало зимы (52,94%).

Зимой освещение событий в Польше еще имеет те же темпы и объем, что и в 1860 г. В то же время, сообщения за первые два месяца теперь носят преимущественно нейтральный характер, что во многом связано с информацией из парижских газет о планах императора Александра II утвердить для Польши автономию и конституцию, «поставить ее в такое же положение, в котором

[303] Завьялова О.О. «Усмирить подвластный нам край»: взгляды И. А. Арсеньева на польский вопрос в начале 1860-х годов в контексте национальной политики Российской империи / О.О. Завьялова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2019. Т. 19, вып. 4. С 417-418

находится Венгрия по отношению к Австрийской империи»[304]. Большинство остальные упоминаний содержат сведения о передислокациях, переформированиях и укомплектовании воинских частей в регионе, чаще без каких-либо оценочных суждений. Вновь на страницах «New York Times» проскальзывает аналогия между Польшей и Америкой, на этот раз с конкретным штатом – Флоридой. Последней, в случае вхождения ее в созданную на юге Конфедерацию, пророчествуется та же судьба, что западной провинции России – утрата статуса суверенного субъекта политики в среде «жизнеспособных штатов Юга»[305].

Как видно, в начале 1861 года характеристика обстановки и событий в Польше носят характер скорее нейтральной констатации. Польский регион, правда, используется и как отрицательный пример ликвидации политической субъектности. Однако преобладающими понятиями первых двух месяцев являются термины «войска», «военные части», «военные силы»[306], пока без негативного окраса.

Обстановка кардинально меняется в конце зимы – середине весны. В это время продолжает расти число демонстраций и акций протеста. 15 (27) февраля в Варшаве прошел митинг, приуроченный к тридцатой годовщине битвы при Грохове во время Первого польского восстания 1830-1831 гг. Шествия вылились в столкновения с правительственными войсками, в ходе которого были убиты и ранены несколько демонстрантов[307]. Власти были вынуждены пойти на диалог с обществом и разработали программу реформ, прежде всего, касающихся организации местного самоуправления.

---

[304] New York Times. January 21, 1861, P. 1

[305] New York Times. January 23, 1861, P. 2

[306] New York Times. January 25, 1861, P. 2; New York Times. February 15, 1861, P. 2; New York Times. February 16, 1861, P. 5

[307] Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860–1862 / Под ред. и спред. д.и.н., проф. Захаровой Л.Г. – М.: Студия ТРИТЭ, РИО «Российский Архив», 1999. С. 75

Параллельно с изменением обстановки в Польше резко возрастает и количество материалов «New York Times», посвященных данному региону. Неслучайно наибольшая активность упоминаний о нем в газете выпадает на период весны (41,17%). Анализируя обстановку в итальянском, венгерском и польском регионах, авторы приходят к выводу, что вскоре в Европе будет зажжен «факел революции»[308]. «Когда в Италии и Венгрии кипят волнения и революции, вряд ли можно ожидать, что в Польше будет тихо»[309].

Подробно и в особо мрачных тонах описываются сведения о февральской манифестации в Варшаве, дошедшие до редакции «New York Times» уже в марте. События в польской столице определяются как акты национального и социального протестов, «составившие небезынтересную главу в событиях этого [1861-го] года»[310]. При этом авторы указывают на превалирование среди митингующих представителей польской аристократии, что подчеркивает значение, которое «имело это событие в то время»[311]. Негативный окрас выпусков «New York Times» за март в отношении российских властей определялась, с одной стороны, освещением демонстраций и протестов со стороны населения, с другой – упоминаниями о применении армии, подавления и насилия со стороны правительства.

При этом наместник Польши, генерал от артиллерии, князь М.Д. Горчаков постарался предпринять меры, направленные на мирное урегулирование конфликта и перестановку местных административных кадров. А.И Максимов отмечает: «После демонстраций 1861 г. в Варшаве власть прибегла к определенным уступкам. Князь Михаил Горчаков, являвшийся наместником, предложил Петербургу введение административных реформ, которые должны были осуществляться под жестким контролем царской администрации, но привести к

[308] New York Times. January 12, 1861, P. 2
[309] New York Times. March 25, 1861, P. 4
[310] Ibid.
[311] Ibid.

умиротворению недовольных поляков, достичь своего рода польско-русского “согласия” ... В результате определенных политических шагов буржуазные элементы и польское крестьянство должны были оказаться на стороне царской власти, а не в стане радикального антироссийского движения…»[312].

«New York Times» также часто старается придерживаться принципа объективности и не стремится выставить представителей царской власти в качестве силы, ориентированной исключительно на силовые методы. Особо отмечаются шаги, сделанные М.Д. Горчаковым для смягчения противоречий между властью и польским обществом: «князь опубликовал прокламацию (впервые пересмотренную ведущими польскими гражданами), в которой осуждал нападение и призывал к миру. Офицеры и полицейские агенты, подстрекавшие к нападению или руководившие им, были уволены. Любимый поляками маршал Паулюччи был вновь назначен начальником полиции, а генерал Забалков, отдавший приказ открыть огонь по народу, был предан военному трибуналу»[313].

При описании и характеристике этих событий авторы приводят объемные выдержки из «Альгемайне Цайтунг» – немецкого ежедневного издания младогерманской направленности. Данная сторона рассматриваемой статьи является показательной, ведь в качестве одного из главных источников информации «New York Times» выбрала газету с либеральной и революционной ориентацией.

В это же время впервые на страницах газеты в контексте польского вопроса появляются позитивные оценки России, связанные исключительно с личностью императора Александра II. В связи с началом Великих реформ для газеты была свойственна романтизация образа царя как политической фигуры «из прекрасного

[312] Максимов А.И. Трансформация политики Российской империи в отношении Царства польского и Российской империи / А.И. Максимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №7 (6). С. 112

[313] New York Times. March 25, 1861, P. 4

податливого материала, который должен был откликаться на живые права и признавать в просвещенном мнении Южной и Центральной Европы истинный пульс народа». Российский монарх представал в «New York Times» главным источником реформ в отсталой, реакционной и полудикой стране. В отношении России употреблялось ориенталистское, по Э.В. Саиду, клише страны «старых мрачных традиций», из которых ее выводит «правящий царь… с руками, наполненными прогрессом, и сердцем, наполненным сочувствия»[314].

Отмена крепостного права, также освещавшаяся в номерах «New York Times», повлекла за собой своеобразную эйфорию в суждениях редакторов издания о дальнейшей эволюции империи. Считалось, что крестьянская реформа и общая обстановка в Польше повлекут за собой остальные преобразования, в том числе модернизацию местного самоуправления: «восстановление Государственного совета, полную реформу системы государственного образования, выборность муниципалитетов гражданами»[315]. Большие надежды редакция газеты возлагала на возрождение в Польше высшего законосовещательного органа, что характеризовалось как «возможно, первый шаг к восстановлению в Польше ее Конституции, ее языка и ее свободы»[316].

Итак, весной 1861 г. позиция «New York Times» в отношении польского национального движения стала более отчетливой. Газета встала в один ряд с европейскими изданиями либерального и революционного толка, наподобие упомянутой выше «Альгемайне Цайтунг». Политическая ситуация, сложившаяся вокруг западного региона России, расценивалась авторами как своеобразное противостояние двух разных течений в русских правительственных и общественных кругах – с одной стороны, течения охранительно-ретроградного, с другой – либерально-прогрессивного. Представители первого течения видели путь к усмирению региона через усиление цензуры, расширение полицейского контроля

[314] Ibid.
[315] New York Times. April 1, 1861, P. 1
[316] Ibid.

и увеличение воинских контингентов. Сторонники второго, представленные императором Александром II и наместником М.Д. Горчаковым, в качестве методов выдвигали диалог с польской общественностью, взаимное сотрудничество с ней, преобразования и реформы в системе управления. «Предполагается, что политика правительства в отношении реорганизации национальности претерпит полное изменение. Князь Горчаков полностью убежден, что голос обстоятельств диктует необходимость таких перемен»[317].

Как видно, изменения в политическом курсе России относительно ее польских земель в виде расширения местного самоуправления в регионе, а также смягчения контроля и цензуры напрямую связывается как с личностью самого монарха, так и с проводившейся им либерализацией. В связи с внедрением новой риторики за 1861 г. о реформах прямо или косвенно идет речь в 23,53% материалов, конкретно о реформах самоуправления – в 10,59%. В 9,41% колонок и статей встречается понятие «уступки».

Однако со второй половины апреля в номерах «New York Times» прослеживается явное разочарование в политико-административном курсе царских властей ввиду крайней медлительности реформ, и без того оказавшихся «половинчатыми»: «Уступки, сделанные императором, не удовлетворили народ»[318], «Муниципалитет Варшавы был распущен»[319] и т.д.

Необходимо отметить, что правительство России не отказались в своей политике и от силовых методов с использование армии и полиции. «Российская власть со своей стороны, даже прибегнув к политике определенных уступок с целью склонить на свою сторону представителей польской элиты, не отменяла политического курса репрессий. Так, в 1861 г. из-за активизации манифестаций и демонстраций спустя много лет было вновь введено военное положение, восстановлен институт военных наместников. В их компетенцию входило

[317] New York Times. March 25, 1861, P. 8
[318] New York Times. April 16, 1861, P. 8
[319] New York Times. April 26, 1861, P. 2

противодействие политическим выступлениям и сбор информации о различных слоях общества. Кроме того, они могли арестовывать подозреваемых и вести следствие по политическим делам»[320].

Как итог, начиная с двадцатых чисел месяца в подавляющем большинстве выпусков газеты, затрагивавших вопрос о ситуации в Польше, теперь освещались, главным образом, волнения в польских городах и ответные репрессивные меры царской администрации: ограничение свободы печати, закрытие редакций газет, запрет на митинги и шествие, очередные пополнения численности военных гарнизонов. «В ночь на 9-е русские войска расположились лагерем на площадях Варшавы. Общественные здания были полностью заняты военными. Все магазины, мастерские и конторы были закрыты. Толпы людей собирались на улицах, но им запрещалось стоять на месте. Национальных костюмов и траура больше не было видно. Не издавались газеты»[321].

Тема массовых арестов протестующих и представителей польской общественности заняла важное место на страницах издания во второй половине 1861 года: «Пять солдат были убиты и сорок пять человек арестованы…»[322], «В Варшаве продолжаются аресты. Арестованы два члена бывшей делегации граждан…»[323]. «Новые беспорядки произошли в Калише на праздновании юбилея императора, и военные применили много насилия к населению. Многие люди были арестованы...»[324], «Из Варшавы продолжают поступать сообщения о многочисленных арестах без всякой важной причины…»[325].

---

[320] Максимов А.И. Трансформация политики Российской империи в отношении Царства польского и Российской империи / А.И. Максимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №7 (6). С. 112

[321] New York Times. April 26, 1861, P. 2

[322] New York Times. April 24, 1861, P. 2

[323] New York Times. April 30, 1861, P. 8

[324] New York Times. September 23, 1861, P. 5

[325] New York Times. November 19, 1861, P. 5

Для общества северных штатов США, образовавшегося на основе пуританских общин, христианская религия с ранних лет существования американской общности имела большое значение. Посягательства на права или положение верующих всегда болезненно воспринималось населением Севера. В связи с этим отдельную роль в номерах «New York Times» играло освещение религиозной политики царских верхов в Польше.

В 12,94% публикаций за год поднимались темы состояния и деятельности католической церкви на территории Польши в условиях начавшихся протестов и конфликтов между властью и обществом. Духовенство католических храмов указано в качестве участника и организатора волнений в регионе, важная духовная опора протестующих: «во всех церквях Варшавы прошли траурные церемонии»[326], «меры в отношении всех священнослужителей, которые могут возбуждать народ своими проповедями в церквях»[327], «созван военный совет для обсуждения, как поступать с толпами людей, стекавшихся в церкви, чтобы отслужить панихиды по польским мученикам»[328] и т.д.

Подчеркивались притеснения по отношению к католической вере в пределах Царства Польского, такие как ограничения богослужений, аресты священнослужителей, закрытие костелов и вторжения в них полицейских и войсковых отрядов, обвалы прихожан. Очевидно, что сведения о подобных акциях должны были вызвать особое возмущение у американского читателя. «Сообщается, что по случаю «демонстрации Костюшко» военные арестовали всех участников, отказавшихся покинуть варшавские костелы, где они собрались…»[329], «Люди молились перед дверями церквей после того, как духовенство закрыло их…»[330], «…был созван военный совет, чтобы обсудить, как поступить столпами людей,

[326] New York Times. March 29, 1861, P. 1
[327] New York Times. May 14, 1861, P. 5
[328] New York Times. December 11, 1861, P. 6
[329] New York Times. October 31, 1861, P. 8
[330] New York Times. November 2, 1861, P. 5

которые стекались в церкви на заупокойные службы по польским студентам… Было решено, что войска должны окружить церкви во время службы, позволить женщинам выйти, но арестовать всех мужчин. Все арестованные мужчины в возрасте от 12 до 40 лет должны были обрить головы и быть зачислены в полки, служащие в отдаленных частях империи»[331].

Очевидно, что сведения о подобных акциях должны были способствовать особому негативу со стороны американского читателя. Путем освещения религиозной политики царских властей в номерах «New-Yor Times» к национальному фактору на страницах издания добавился фактор конфессиональный, включавший сведения о притеснениях по признаку вероисповедания.

Итак, резкое увеличение материалов о польском вопросе и, хоть и незначительное, смещение характера повествования в сторону нейтральных и поддерживающих оценок делает 1861 г. поворотным этапом в плане освещения темы на страницах «New York Times». Начал складываться дуализм в образе царской империи, определявшийся сочетанием двух нарративных рядов: 1. «демонстрация», «протест», «волнение», «революция», «войска», «столкновение», «подавление», «насилие», «убийство», «арест»; 2. «реформа», «прогресс», «перемены», «самоуправление», «свобода», «уступки». Россия путем объединения данных терминов стала представать как консервативно-реакционная восточная деспотия, вставшая на путь модернизации, но еще сохранившая архаичные традиции в политике, управлении и социальных отношениях.

Таким образом, в течение двух лет на страницах «New York Times» выдерживается в целом отрицательное отношение к России и проводимой ей политике по отношению к своей западной провинции. В то же время, в 1861 г. данный взгляд на царскую империю несколько разбавляется информацией о новом реформаторском курсе императора Александра II, которые постепенно начали

[331] New York Times. December 11, 1861, P. 5

распространяться и на Польшу. В результате редакторы газеты стали освещать польскую проблему с двух сторон: волнений населения и последовавших репрессий царского правительства, с одной стороны, реформ и преобразований в области местного самоуправления, с другой.

В связи с введением в Польше осадного положения (октябрь 1861 г.) резко ограничиваются возможности свободной переписки, корреспонденции или иных способов передачи информации о положении в регионе. Анализ 32 материалов «New York Times» за 1862 г. демонстрирует их фрагментарность и лаконичность. Редакторы газеты в большинстве примеров ограничиваются двумя-тремя предложениями, содержащими нейтральную и достаточно «сухую» констатацию фактов недовольства населения и вызванных им беспорядков (31,25%), ответных репрессивных мер властей (37,5%) и компромиссов правительства в виде административных перестановок и смягчения законодательства (31,25%).

Смягчению характеристик в номерах издания о польском вопросе за 1862 г. во многом способствовало назначение на пост наместника Польши великого князя Константина Николаевича – представителя партии реформ при царском дворе. Указывалось, что великий князь начал сравнительно либеральный курс, характеризовавшийся отказом от «некоторых глупых и неблагородных решений своих предшественников»[332]. Отмечались такие шаги нового наместника, как амнистирование части арестованных и приговоренных во время волнений в регионе[333], отмена отдельных налогов[334], сокращение чиновничьего аппарата[335].

В то же время, несмотря на признание стремления царской власти к сглаживанию положения путем уступок и преобразований, редакция «New York Times» все чаще указывала на фатальность сложившейся в Польше обстановки: «Волнения в Польше… являются постоянным источником раздражения и

[332] New York Times. August 10, 1862, P. 6
[333] Ibid; New York Times. October 24, 1962, P. 8
[334] Ibid; New York Times. September 29, 1862, P. 2; New York Times. November 20, 1862, P. 1
[335] New York Times. August 13, 1862, P. 1

беспокойства для императорского правительства»[336], «Беспорядки в Польше продолжаются»[337] и т.д.

Из вышеприведенных материалов можно сделать вывод, что внутренняя обстановка в Польше определила количество и характер материалов газеты в 1862 г. Ограниченность сведений и каналов получения информации, отсутствие глобальных реформ со стороны царских властей, половинчатость и медлительность преобразований привели к снижению (на 62,35%) в сравнении с 1861 г. числа номеров, затрагивавших польский вопрос. Снизилась и глубина освещения проблем, связанных с польским вопросом. Несмотря на это, редакция газеты осознавала все большее возрастание кризиса в отношениях между российской администрацией и польским обществом.

Таким образом, общий анализ 119 колонок и статей «New York Times» 1860-1862 гг., в которых затрагивался польский вопрос, позволяет судить о ключевых тенденциях в формировании американской прессой политического облика России на фоне ее курса в отношении Польши. Преобладающими были негативные оценки (63,03%), которые определялась, главным образом, информацией о репрессивной политике царских властей (29,41%), характеристикой политического положения Польши как аннексированной территории с отсутствием прав и субъектности (26,89%), а также национально-религиозном притеснении (20,17%). Встречающаяся в газете нейтральная позиция относительно политики царских властей (31,09%) чаще была связана с описаниями проектов и хода осуществления реформ (15,13%). Реформирование также служило поводом для немногочисленной поддержки в номерах «New York Times» государственного курса правительства России относительно Польши (5,88%).

В 43,7% публикаций польский вопрос рассматривается не как отдельная тема, а как один из примеров революционно-освободительного движения народов

[336] New York Times. February 21, 1862, P. 4
[337] New York Times. December 4, 1862, P. 4

Европы и Азии. При таком обстоятельстве частым приемом являлось проведение между ними аналогии. В большинстве случаев поляки сопоставлялись с венграми, отличившимися в период революции 1848-1849 гг. и продолжавшими борьбу с габсбургской монархией. За Венгрией шли итальянские города и государства, где в рассматриваемое время полным ходом шло движение за объединение под руководством Джузеппе Гарибальди. О.Р. Айрапетов указывает: «В Северной Италии, в Генуе и Кунео в 1862 г. действовала польская военная школа, подготовившая около 400 инструкторов, принявших участие в организации военных действий против русских войск… Северная Италия в это время была законодательницей мод революционного движения, а “поход тысячи” Гарибальди на Неаполитанское королевство в мае – сентябре 1860 г., приведшей к свержению власти местных Бурбонов и присоединению Сицилии и Неаполя к Сардинскому королевству, получил огромный отклик в Варшаве… Объединение Италии, безусловно, служило вдохновляющим примером для польских революционеров»[338].

Именно венгры, итальянцы и поляки чаще всего сопоставлялись друг с другом и упоминались при описании национальной обстановки на европейском континенте: «Удручающее влияние иностранного правления было продемонстрировано на примере истории Италии, Венгрии, Польши и т. д.»[339], «Польша, Венгрия и Италия угрожают войной со всех сторон»[340], «Польша растоптана, Венгрия подавлена, Италия расчленена, но им не предоставляется никакой компенсации»[341] и т.д. В целом сформировавшая в номерах газеты начала 1860-х гг. триада «Венгрия, Италия, Польша» за рассматриваемый срок встречается в 10,08% материалов «New York Times».

[338] Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи 1801-1914 гг. – М.: Европа, 2006. С. 239

[339] New York Times. November 30, 1860, P. 2

[340] New York Times. November 7, 1861, P. 2

[341] New York Times. November 15, 1861, P. 8

Так, на страницах издания поляки были поставлены в один ряд с наиболее революционно настроенными народностями Европы, а их национальное движение сопоставлялось с борьбой в самых неспокойных частях континента.

Чаще всего среди государств упоминалась Австрия. В 53,33% апелляций к империи Габсбургов подчеркивалось ее сотрудничество с Россией в плане раздела польских территорий, совместного подавления национального движения и препятствования возрождению суверенитета Польши: «… Польша делится между Австрией и Россией»[342], «…три державы, которых история навсегда заклеймила как грабителей Польши, встречаются в польской столице… Россия, Пруссия и Австрия обеспокоены развитием современных прав…»[343] и т.д.

Одним из распространенных приемов было сопоставление курса России с национальной политикой других стран. Помимо упомянутых Австрии и Пруссии, контролировавших этнические польские территории, данный аспект касался также Англии с ее колониализмом, когда о Польше писалось в одном контексте с Ирландией или Индией[344]. Помимо этого, Франция Наполеона III, обвинялась в дипломатическом бездействии на фоне польских событий, равнодушии к полякам в условиях их «угнетения», циничном подходе и двойным стандартам в международной политике: французский император проявляет интерес к борьбе итальянцев за освобождение от австрийского владычества и консолидацию, одновременно попустительствуя России, Австрии и Пруссии в «национальном подавлении» Польши[345].

Одним из важных компонентов выступала ориенталистская риторика. В отношении России в номерах «New York Times» за 1860 г. использовались такие характерные для репрезентации Востока на Западе клише, как термины

[342] New York Times. March 21, 1860, P. 4

[343] New York Times. November 15, 1860, P. 4

[344] New York Times. January 21. 1860, P. 1; New York Times. January 24, 1860, P. 2; New York Times. August 24, 1860, P. 2

[345] New York Times. March 21, 1860, P. 4; New York Times. May 12, 1860, P. 4

«тирания»[346] и «восточная автократия»[347], а также апелляция к антагонизму по отношению к духу «прогресса и цивилизации там, где он находится»[348], характерному для описания «восточных деспотий»[349].

Примечательно, что, говоря о «подавлении национальной жизни» или «польской национальности», редакторы издания не приводят ни одного определенного примера в плане конкретно национальной политики России, в которой проявлялась бы этнокультурная или этноязыковая дискриминация. В то же время, английский путешественник, писатель и журналист Г.С. Эдвардс, лично посещавший Польшу и фиксировавший местную ситуацию в своей корреспонденции, отмечал: «Польский язык звучал повсюду, включая присутственные места, где по закону должен был использоваться русский. Поляки жили свободной жизнью, хотя и не были политически свободны. Ни в каком отношении они не притеснялись»[350].

Итак, общая характеристика 119 публикаций «New York Times» за период 1860-1862 гг., посвященных польскому национальному движению, можно выявить их общие черты теми материалами газеты, что были посвящены крестьянской реформе. Также как и освещение в издании отмены крепостного права, отображение польского вопроса не было простой фиксацией событий, а представляло собой сложный процесс, обусловленный редакционной политикой газеты, внутриполитическим контекстом США и устоявшимися стереотипами.

Механизмы подачи информации представляли собой взаимосвязанную систему редакционных стратегий, направленных на интерпретацию событий в Царстве Польском для американской аудитории. Освещение строилось на нескольких ключевых приемах, формировавших определенный ракурс восприятия:

---

[346] New York Times. August 28, 1860, P. 4; New York Times. September 22, 1860, P. 4

[347] New York Times. September 26, 1860, P. 4

[348] New York Times. November 6, 1860, P. 4

[349] New York Times. October 6, 1860, P. 4

[350] Edwards S. H. Sir William White. For six years ambassador at Constantinople. His life and correspondence. – London: J. Murray, 1902. P. 25

1. **Инструментализация и компаративный анализ:** польский вопрос активно использовался как инструмент для решения внутренних задач американского политического пространства. Борьба поляков за национальные права и автономию проводила прямые параллели с движением североамериканских колоний за независимость во второй половине XVIII в., а также с сопротивлением федерального правительства сецессии южных штатов. Критика российских репрессий в Польше служила косвенному обоснованию собственных жестких мер Севера против Конфедерации, создавая образ «справедливой» борьбы с мятежом.
2. **Персонализация и акцент на репрессиях:** повествование строилось вокруг темы жестокого подавления. В материалах доминировали описания столкновений демонстрантов с войсками, арестов, ссылок и казней. Ключевыми стали термины и понятия, подчеркивавшие «преступный» характер российской власти и ее действий, а также «мученичество» и «самоотверженность» польских революционеров. Этот акцент, очевидно, был призван формировать у читателей эмоциональный отклик, вызывая сочувствие к полякам как жертвам.
3. **Дуализм в оценке России:** газета искусно манипулировала двойственным образом Российской империи. С одной стороны, в 1861 году признавался реформаторский курс Александра II, особенно на фоне отмены крепостного права. С другой – в контексте Польши акцентировался образ «тюрьмы народов» и репрессивного государства. Этот дуализм позволял «New York Times» поддерживать статус России как потенциального дипломатического партнера, одновременно осуждая ее имперскую политику.

Повествование о польских событиях стало одним из ключевых факторов, кристаллизовавшим и усилившим определенные черты политического режима России на страницах нью-йоркской прессы. Этот факт позволяет выделить отдельные механизмы формирования образа Российской империи в контексте польского вопроса:

1. **Характеристика царской империи как «тюрьмы народов».**

Польский вопрос стал главным доказательством и символом репрессивной сущности империи. Через призму событий в Царстве Польском Россия последовательно изображалась как:

- **аннексирующая и угнетающая держава**, лишающая народы права на национальную идентичность и самоуправление.
- **непоследовательный и лицемерный режим:** образ «России-реформатора», сложившийся после 1861 года, вступал в прямое противоречие с образом «России-душителя Польши». Этот конфликт мнений подрывал доверие к либеральным намерениям Александра II и представлял российскую политику как циничную и двойственную.

2. **Стереотипы и ключевые оценочные клише.**

В публикациях «New York Times» активно воспроизводился и закрепляли такие устойчивые штампы о России, как:

- **«восточная автократия»:** упор на «азиатскую» природу российской власти, ее несовместимость с принципами свободы и самоуправления;
- **военное подавление:** армия стала архетипическим символом российской репрессивной мощи, образом слепого исполнения приказов;

3. **Поддержание связи с внутренним американским контекстом и политической линией «New York Times».**

Формирование газетой восприятия России в рамках польского вопроса не было автономным процессом. Оно напрямую зависело от двух факторов:

- **Сравнение с событиями американской истории.**

Польское национальное движение представлялось американской аудитории как борьба за свободу и самоопределение, что создавало мощную аналогию с движением североамериканских колоний во второй половине XVIII столетия против английских властей. Критика России в данном случае позволяла представить развитие США как часть общемирового сопротивления тирании.

- **Республиканская и про-линкольновская позиция.**

Как рупор республиканской партии, газета использовала польскую тему для укрепления идеологических основ своей позиции: противопоставления демократии и автократии, свободы и угнетения. Сочувствие к Польше служило доказательством морального превосходства политики Севера.

Можно сказать, что механизмы освещения польского вопроса в «New York Times» в 1860–1862 гг. представляли собой сложную систему, где идеологическая инструментализация сочеталась внутриполитической ситуацией в самих США. Газета, выступая в роли интерпретатора, транслировала не объективную картину событий, а их преломление через призму американской гражданской риторики.

Мы охарактеризовали и проанализировали главные номера издания, в которых застрагивался вопрос о национальном движении в Польше, а также о политике, проводившейся царскими властями в регионе. На основании вышеизложенного материала можно сделать следующие краткие выводы.

Во-первых, наблюдается прямая взаимосвязь между уровнем активности польского движения в разные периоды, с одной стороны, и уровнем проявляемого к нему интереса редакторами газеты, с другой. «New York Times», как один из примеров «пенсовой» прессы, была ориентирована на широкий круг читателей. В связи с этим обстоятельством, издание всегда освещала наиболее значимые, примечательные события, старалось следовать по горячим следам мировых процессов. Следовательно, польский вопрос поднимался в номерах «New York Times» в те моменты, когда наблюдались случаи конфликтов между сторонниками движения и силами правительства, либо когда последнее было вынужден принимать те или иные меры - направленные на либерализацию своего курса в отношении мятежного края или, напротив, на ужесточение политики.

Во-вторых, редакция издания выражала очевидные для нее симпатии польскому движению. Будучи одной из газет республиканской направленности, возникшей во время, когда во всем мире бушевала борьба разных народов за независимость, а в самих США на парламентском уровне шло противостояние

между свободными северными и рабовладельческими южными, «New York Times» не могла не сочувствовать настроениям революционно настроенных кругов польского общества.

В-третьих, несмотря на одобрительное отношение к польским революционерам, газете не было свойственно исключительно негативное отношение к самой России. На первых порах империя характеризовалась как страна, вставшая на путь реформ и модернизации. Изначально ожидалось, что новый правительственный курс неизбежно должен включить в свою орбиту и польский вопрос.

Развитие национального самосознания поляков и заметное оживление национально-революционного движения оценивалась как часть общегосударственного для всей империи процесса культурного, политического и общественно-экономического прогресса. Отсюда неизбежно проистекала и двойственность, которую видела «New York Times» в польской политике России и позиции ее верхов. С одной стороны, различные правительственные круги были настроены на смягчение контроля над западной провинцией своего государства, а решение самой проблемы видели в преобразованиях и реформах. С другой стороны, противоположные им круги российской власти рассматривали путь либерализации как недопустимый, главный способ решения польской проблемы усматривали в ужесточении цензуры и военно-полицейского надзора над неспокойным регионом. Несмотря на изначально реформаторский курс властей, в конечном итоге чаша весов склонилась в сторону второго, охранительного, течения.

Используя и суммируя вышеозначенные выводы, выпуски газеты, освещавшие польский вопрос до январского восстания можно условно поделить на две хронологические группы: номера, вышедшие до апреля 1861 г., и номера, вышедшие позднее указанной даты. Указанное разграничение обуславливается отличием в характеристике, дававшейся редакторами газеты русским властям и их политико-административным мерам на протяжении этих двух периодов. Позиция

правительства России в отношении польского вопроса рассматривалась газетой в контексте двух эпох – старой, николаевской, и последовавшей за ней новой, пореформенной. «New York Times» давала понять, что либеральный курс правящих кругов империи на тот момент еще не распространялся на ее польские территории.

Выводы к главе I

Проанализированный период 1860-1862 гг. позволяет выявить ключевые особенности формирования образа России в американской прессе в контексте социально-политических трансформаций обеих стран. В этот период Российской империи предстает в материалах «New York Times» как сложный и противоречивый объект.

Издание, позиционируя себя как «нейтральная платформа», тем не менее, транслировала образ России через призму западного ориентализма, где Восток конструируется как «другой», экзотированный и подчиненный культурно-идеологической практике Запада. Несмотря на промежуточное положение России между Европой и Азией, в материалах издания она нередко изображалась в качестве примера «азиатской деспотии», что подчеркивалось акцентом на отсталости, авторитаризме, подавлении прав и «восточных» чертах имперской автократической власти.

Так, еще в 1850-х гг. Россия изображалась на страницах «New York Times» как архаичная империя, застывшая в тисках самодержавия и экономической отсталости. Однако с восшествием на престол Александра II и началом Великих реформ тон материалов кардинально изменился. Крестьянская реформа 1861 года стала поворотным пунктом, позволившим газете создать понимание России как страны, вступившей на путь «догоняющего развития». Александр II преподносился как прогрессивный правитель, сознательно ломающий устои деспотизма, а отмена крепостного права – как акт, сравнимый с борьбой северных штатов против рабства. При этом редакция игнорировала социально-экономические предпосылки реформы, изображая ее исключительно как «дар сверху. Такой подход мог не только легитимировать риторику федерального правительства о моральном превосходстве Севера, но и создать образ России как потенциального единомышленника в «цивилизаторской миссии».

События в России также сопоставлялись с международными примерами. С одной стороны, «New York Times» отмечала масштабность реформ и их схожесть с общемировыми тенденциями, особенно в контексте схожих внутренних вызовов США – борьбы с рабством и Гражданской войны. С другой – критика крепостничества в России служила косвенным подтверждением правоты аболиционистских идей в Америке, создавая связующий «мост» между двумя странами через тему «освобождения».

В то же время, этот позитивный облик носил избирательный и часто неоднозначный характер. Даже в разгар восхвалений реформ «New York Times» сохраняла ориенталистские клише, подчеркивая «азиатскую» сущность российской государственности. Россия представала как государство, вынужденное проводить реформы «сверху» из-за незрелости общества.

Двойственное восприятие страны проявилась особенно ярко в освещении польского национального вопроса. Если в 1860 году «New York Times» ограничивалась сдержанными упоминаниями о «национальных чаяниях» поляков, то к окончанию 1862 г., на фоне усугубления конфликта между польским обществом и царскими властями, тон стал откровенно негативным, порицающим действия властей. Россия изображалась как «тюрьма народов», а методы царских войск подавались как «варварские». Такой подход позволял американским читателям дистанцироваться от «отсталой» России, укрепляя собственную идентичность как носителей демократических ценностей.

Польский национальный вопрос продемонстрировал ограниченность реформаторского курса в глазах американской прессы. Газета активно поддерживала право Польши на самоопределение и критиковала репрессивные меры российского правительства. Создавался образ России как обширной страны, проводящей либеральные реформы, но, при этом, подавляющей национальные движения.

Конструкция образа строилась на бинарных оппозициях: «прогрессивный Запад» / «застывший Восток», «демократия» / «автократия», «индивидуальная

свобода» / «коллективное подчинение». Эти противопоставления не только формировали представления читателей о России, но и укрепляли идеологическую основу американской исключительности.

Методология подачи материала в «New York Times» раскрывает механизмы формирования медийных нарративов, в рамках которых факты подчинялись идеологическим установкам. Редакция использовала бинарные оппозиции, свойственные, с одной стороны, «прогрессивной Западу («свобода», «развитие», «современность», «просвещение», «модернизация»), с другой – «архаичному Востоку» («отсталость», «косность», «варварство», «жестокость», «деспотизм»). Описывая крестьянскую реформу, журналисты противопоставляли «продвинуто мыслящего» Александра II «отсталости» помещиков, а в материалах о Польше подчеркивали контраст между «цивилизованным» национальным движением и «варварской» реакцией империи. Эти приемы не только упрощали сложность исторических процессов, но и укрепляли стереотипы о России как «гибридной» цивилизации, балансирующей между двумя не просто разными, а противоположными, кардинально отличающимися мирами.

В результате действия описанных механизмов, к началу 1863 года в материалах «New York Times» сложился целостный, но внутренне противоречивый образ Российской империи, обладающий следующими ключевыми характеристиками:

1. **Двойственный («просвещенный деспотизм»).** Образ объединял, казалось бы, несовместимые черты: способность к прогрессивным реформам и приверженность репрессивным имперским практикам. Это отражало как реальные противоречия политики Александра II, так и инструментальный подход редакции.
2. **Ситуативно-зависимый и инструментальный.** Россия изображалась не сама по себе, а как «зеркало» для проекции американских проблем и ценностей. Ее образ менялся в зависимости от того, какую информационную задачу решала газета в конкретный момент.

3. **Опосредованный.** Это был образ не России как таковой, а образ, отфильтрованный сначала через европейскую печать, а затем через идеологический фильтр республиканского издания.
4. **Персонализированный и упрощенный.** Сложные социально-политические процессы сводились к действиям и воле императора, что существенно преуменьшало роль экономических факторов и общественных движений.

Анализ материалов «New York Times» начала 1860-х гг. демонстрирует, что образ России в американской прессе формировался в рамках ориенталистских взглядов, где акцент на представлениях о «другом» служил инструментом самоидентификации США как молодой демократической нации. Несмотря на попытки объективности, газета воспроизводила стереотипы, адаптируя их к локальному контексту. Это создавало основу для двойственного восприятия России – одновременно как объекта критики и восхищения, что предопределило дальнейшую эволюцию ее образа в американском информационном пространстве. Данный вывод подчеркивает необходимость учета исторического, медийного и политического контекста при изучении механизмов конструирования национальных образов в международной прессе.

Таким образом, будучи рупором республиканских кругов Севера, газета не просто фиксировала события, но активно конструировала облик далекой страны, применяя его как один из инструментов для решения собственных политических задач. Этот процесс происходил в контексте глубокой переоценки американской идентичности, где образ «Другого» служил зеркалом для проецирования как надежд, так и страхов общества, разрываемого противоречиями.

Глава II. Газета «New York Times» о государственной политике Российской империи в 1863–1864 гг.

2.1. «Анналы турецкого деспотизма» на территории Европы: польское восстание и меры российских властей по его усмирению в публикациях «New York Times» периода зимы-лета 1863 г.

По мере эволюции социально-экономических процессов в США и Российской империи наблюдалась эскалация внутригосударственной ситуации в обеих странах. В этом смысле одним из ключевых моментов в политической истории обеих стран можно назвать 1863 г. Для американского государства он был ознаменован вступлением с 1 января в силу акта о гомстедах[351] и «Прокламации об освобождении», подписанных президентом Авраамом Линкольном[352], массовыми антипризывными бунтами в Нью-Йорке и началом коренного перелома в войне Севера и Юга после битвы при Геттисберге 1-3 июля[353]. Также в истории США рассматриваемого времени выделяется еще одно знаковое событие – визит в страну русских военно-морских эскадр в 1863-1864 гг.

Началу атлантической и тихоокеанской экспедиций русского флота предшествовала целая череда событий, развернувшихся в самой России. Все большее обострение польского национального вопроса привело к началу полномасштабного восстания в январе 1863 г. Развернувшиеся события вызвали оживленную реакцию со стороны мировой общественности. Не оставались в

[351] Homestead Act // Wikisource [Электронный ресурс] URL: https://en.wikisource.org/wiki/Homestead_Act

[352] Emancipation Proclamation Text [Электронный ресурс] // University of Michigan Library Digital Collection. – URL: https://clements.umich.edu/exhibit/proclaiming-emancipation/ дата обращения: 5.12.2022

[353] Бурин С.Н. На полях сражений гражданской войны в США. – М.: Изд-во «Наука», 1988. С. 95

стороне и редакторы периодических изданий. Газета «New York Times» одной из первых взялась за освещение событий польского мятежа.

2 января 1863 г. в Царстве польском началось проведение рекрутского набора, позже получившего в регионе название «бранка». Призыв новобранцев проводился нетрадиционным методом, то есть не путем жеребьевки, а по заранее составленным спискам. Данный способ рекрутирования вызвал недовольство широких слоев польского общества – шляхты, студенчества, городской интеллигенции и католического духовенства[354]. В свою очередь, протестные настроения активно подогревались из-за границы агентами и пропагандистами парижского польского комитета – координационного органа сторонников независимости Польши[355].

Современная отечественная историография, обладая доступом к архивам, ретроспективным анализом и богатым историческим багажом, предлагает сбалансированную и сложную картину событий, рассматривая восстание как многослойный конфликт с глубокими политическими и социально-экономическими корнями[356].

Как и в большинстве других событий в России, сообщения о волнениях поляков печатались в номерах «New York Times» с опозданием примерно в полмесяца. Однако первые сведения о деятельности революционного центрального

[354] Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. Айрапетов О.Р., Мирослав Йованович, Колеров М.А., Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том XV. – М.: Модест Колеров, 2013. С. 43-44

[355] Там же. С. 74

[356] Борисенок Ю.А. Польское Январское восстание 1863–1864 гг. на литовско-белорусских землях: самосознание повстанческих верхов в свете новых архивных поисков // Славянский альманах. 2024. № 3-4. С. 482-499; Комзолова А.А. История правительственной политики в Северо-Западном крае в XIX - начале XX в. (Анализ новых публикаций архивных источников) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2021. № 4. – С. 27-43; Польское восстание 1863-1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 68-74; Кретов В.А. Польский вопрос в Российской империи в последних изданиях серии Historia Rossica // Славянский альманах. 2024. № 1-2. С. 427-453

комитета в Польше и подготовке восстания стали публиковаться еще в январских выпусках[357]. Через некоторое время издание стало конкретизировать деятельность комитета, подробнее описывая его цели. Особое внимание уделялось задаче предотвращения нового «призыва на военную службу»[358]. Тема рекрутчины как главного катализатора восстания в дальнейшем будет часто встречаться на страницах «New York Times».

Газета, таким образом, продолжала проявлять интерес к событиям в Польше в начале 1863 года, несмотря на ограниченные возможности получения новостей.

Тем временем, в регионе продолжала нарастать эскалация, что вскоре вылилось в открытые столкновения с правительственными силами. Для противостояние царским войскам польские революционеры организовывают полноценные боевые формирования. В ночь с 10 на 11 января 1863 г. повстанческие отряды атаковали ряд военных гарнизонов. Так началось крупнейшее в истории антироссийское восстание в Польше, ставшее известным как «январское»[359].

Первые новости о вспыхнувшем мятеже были опубликованы в номере «New York Times» от 14 февраля. Информация о произошедшем в Польше была представлена на первой полосе выпуска за указанное число, заняв почти половину страницы. Редакторы в полной мере оценили масштаб произошедшего: «В окрестностях Варшавы вспыхнуло угрожающее восстание»[360]. С данного момента освещение на страницах издания событий польского восстания (военные действия, реакция населения, политические аспекты, дипломатические противостояния и т. д.) стало носить подробный и регулярный характер.

Общий анализ 124 публикаций в течение января-августа 1863 г. выявил неравномерное распределение публикаций по месяцам. Пик освещения пришелся

[357] New York Times. January 14, 1863, P. 4

[358] New York Times. February 9, 1863, P. 2

[359] Старикова Е.В. Польское восстание 1863-1864 гг. и повстанцы глазами русских военных и чиновников // Исторический журнал. – 2023. – №2. С. 157

[360] New York Times. February 14, 1863, P. 1

на март-апрель, когда восстание достигло максимального размаха. В это время «New York Times» могла публиковать до трех материалов в неделю, описывая, главным образом, дипломатические баталии и международные перипетии вокруг польского вопроса.

Отдельный интерес представляют источники информации, из которых «New York Times» черпала сведения о событиях в Польше. 78% материалов основывались на перепечатках из иностранных газет и телеграфных сводках из западноевропейских столиц – Лондона, Парижа, Вены и Берлина. Остальные 22% колонок и статей цитировали официальные заявления российских властей, включая приказы генерал-губернатора Польши Ф.Ф. Берга.

Первый этап описания газетой польских событий охватывает январь-март 1863 г. Данный этап выделен на основе преобладания негативного отношения к России и политике ее властей, а также общности освещаемых вопросов – боевые действия, преступления царского режима.

Ключевым аспектом критики стала тема рекрутского набора. Так, приводилось утверждение немецкого периодического издания «National Zeitung» о рекрутском наборе как ключевом факторе, приблизившем начало восстания: «Согласно договоренностям революционной партии, восстание должно было начаться не ранее 1 мая, но правительство само ускорило катастрофу из-за недовольства рекрутским набором»[361].

Еще более показательна в этом отношении статья от 17 февраля[362] как один из первых материалов «New York Times», содержавших подробный анализ событий в Польше. Начинается публикация с отказа от «слухов» о резне русских войск, задуманной мятежниками: якобы данные утверждения сконструированы российской стороной для оправдания репрессий против мятежников. «Распространяемые истории о попытке поляков под руководством Национального

[361] New York Times. February 16, 1863, P. 2
[362] New York Times. February 17, 1863, P. 4

комитета в Варшаве воссоздать Варфоломеевскую ночь путем внезапной и массовой расправы над русскими войсками совершенно очевидно выдуманы их врагами»[363]. В противоположность этим «историям» подчеркиваются карательные меры, предпринятые правительством России. Как многие публикации «New York Times», статья ярко характеризовала рекрутский набор января 1863 года: ««Призыв на военную службу в 1863 году… был превращен в неизбирательный захват банкиров, торговцев и представителей интеллигенции Варшавы и крупных городов»[364].

Итак, тема рекрутского набора как главной причины недовольства красной нитью проходит через все февральские публикации газеты.

Большое значение в ходе восстания имели захваты и разрушения повстанцами железнодорожных путей: «Стремясь остановить движение подкреплений для русских войск… повстанцы разрушили мосты на железнодорожном пути»[365]. Признавая широкий масштаб восстания и его катастрофические последствия, «New York Times», тем не менее, отмечала высокую результативность действий повстанцев: «Телеграфная и железнодорожная линии между Варшавой и Санкт-Петербургом повреждены»[366]; «Железнодорожное и телеграфное сообщение с Варшавой снова было прервано. 29-го числа повстанцы разрушили железную дорогу в районе Петрикана»[367]; «На юге шли ожесточенные бои, и Варшаво-Венская железная дорога перешла в руки повстанцев»[368].

[363] Ibid
[364] Ibid
[365] Неверова Е.Д., Ягудина О.В. Восстания в Царстве Польском в XIX веке // Шаг в науку. – 2025. – № 2. – С. 70
[366] New York Times. February 14, 1863, P. 1
[367] New York Times. February 16, 1863, P. 2
[368] New York Times. February 26, 1863, P. 1

Помимо этих фактов, материалы издания часто были насыщены количественной информацией: расстояния («в 8 верстах от Варшавы»[369]), обозначение численности погибших и взятых в плен в ходе военных столкновений («Отряд казаков совершил успешную вылазку из Модлина, убив и ранив тридцать шесть повстанцев и взяв в плен сорок двух»[370]; «Русские потерпели поражение, потеряв 49 человек убитыми и ранеными»[371]).

Однако вместе с детальностью многих событий в публикациях «New York Times» за февраль 1863 года прослеживалось и ключевое упущение: полное отсутствие каких-либо упоминаний о Временном национальном правительстве. Для американских читателей, таким образом, восстание представало стихийным взрывом недовольства, лишенным политического руководства и четкой программы, что радикально расходилось с действительностью.

Так, структура источников, из которых газета черпала сведения о конфликте, привела к формированию специфического, внутренне противоречивого образа конфликта. С одной стороны, «New York Times» стремилась к фактологии, перепроверяя телеграфные сообщения через официальные российские сводки, как например, в случае с упоминанием отчета из «Санкт-Петербургских ведомостей» от 25 января[372]. С другой стороны, аналитическая рамка и оценочные суждения почти целиком импортировались из европейских столиц. Это порождало «расщепление» суждений: повстанцы чаще всего именовались нейтральным термином «insurgents» («восставшие» / «повстанцы»), но контекст, заданный зарубежными коллегами, явно героизировал их, представляя борцами за свободу против деспотической империи.

Примечательно, что среди отдельных представителей либеральной русской общественности на первых порах был распространен похожий взгляд на польское

[369] New York Times. February 14, 1863, P. 1
[370] New York Times. February 15, 1863, P. 2
[371] New York Times. February 25, 1863, P. 5
[372] New York Times. February 14, 1863, P. 1

движение. К примеру, композитор Н.А. Римский-Корсаков, описывая свою бытность гардемарином, вспоминал: «Были между нами прогрессисты и ретрограды. К первым главным образом принадлежал П.А. Мордовин, ко вторым А.Я. Бахтеяров… Тем временем началось польское восстание. Между Мордовиным и Бахтеяровым дело доходило до ссор из-за сочувствия первого полякам. Тем не менее, все симпатии мои были к Мордовину. Бахтеяров, восхищавшийся Катковым, был мало симпатичен; да и убеждения его мне были не по сердцу: он был ярый крепостник и дворянин с сословной спесью»[373]; «Польское восстание разгорелось; доходили вести о подвозе полякам оружия из-за границы к Либавскому берегу… Несмотря на тайное сочувствие в молодых сердцах некоторых из нас, т. е. членов гардемаринской каюты, делу, казавшемуся нам правым, делу свободы самостоятельной и родственной национальности, притесняемой ее родной сестрой – Россией, волей-неволей, по приказанию начальства, нам надо было отправиться служить верой и правдой последней»[374].

Другой крупной лакуной в освещении, помимо игнорирования подпольного правительства, было полное отсутствие информации о внутренней дифференциации польского движения. Ни «красные», ни «белые» не упоминаются ни в одной из февральских публикаций. Читатель газеты на тот момент не получал ни малейшего представления о сложных социальных и политических противоречиях внутри восстания, о настороженном или даже враждебном отношении к нему со стороны значительной части крестьянства, которое видело в повстанцах в первую очередь помещиков. Освещение было сведено к простой бинарной оппозиции: угнетенный народ / деспотичная власть.

Итак, материалы «New York Times» за февраль 1863 года представляют собой ценный, но сложный исторический источник. С одной стороны, они демонстрируют впечатляющую для эпохи оперативность и в целом точны в

[373] Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. – СПб.: Типография Глазунова, 1909. С. 37-38

[374] Там же. С. 38-39

передаче ключевых данных: даты начала, непосредственного повода, географии первых боев и ответных мер правительства. С другой стороны, их содержательное наполнение и оценочный ряд страдают от существенной вторичности и поверхностности. Построенное на телеграфных сводках повествование рисовало картину внезапной партизанской войны, а не спланированного выступления, что мало соответствовало действительности.

Резкий поворот наблюдается в начале марта 1863 года, когда в номерах издания начинают публиковаться документы повстанческого движения. Так, в первых выпусках месяца содержался полный текст манифеста Центрального национального комитета, объявлявшего себя Временным правительством Польши. В данной прокламации, обращаясь к «подлому узурпаторскому правительству»[375], повстанцы формулировали политические цели движения, включая радикальную земельную реформу: «С этого момента земля, которой владело сельское население на условиях уплаты ренты или выполнения подневольных работ для своих хозяев, безоговорочно становится их собственностью и собственностью их наследников»[376].

Перепечатки подобных воззваний способствовали кардинальным переменам в характеристиках восстания. Если февральские публикации «New York Times» создавали образ внезапного, почти стихийного бунта, спровоцированного жестоким рекрутским набором, то мартовские материалы демонстрируют принципиальный качественный сдвиг. Повествование усложняется и конкретизируется. Из стихийного бунта дезертиров, каким оно представало в феврале, восстание превращается в организованное политическое движение с четкой программой.

Так, к материалам, из которых газета черпала сведения о событиях в другой стране, помимо английской и французской прессы, добавился новый тип

[375] New York Times. March 1, 1863, P. 1
[376] Ibid.

источников: воззвания польских мятежников. Благодаря этому в медийном поле стали слышны прямые голоса повстанцев.

В целом мартовские номера характеризовали развернувшиеся в Польше события как организованное национально-освободительное движение под руководством подпольного правительства против царского гнета. Такая характеристика была значительно ближе к исторической реальности существования руководящих структур повстанцев.

Публикации марта в целом сохраняли сочувствие к польским повстанцам и критику по отношению к политике Российской империи, что полностью соответствовало линии, заданной в феврале. Этот тон поддерживается как через отбор цитат из европейской прессы, так и через публикацию эмоциональных прокламаций повстанцев, где российская власть именуется «подлым узурпаторским правительством». При этом в отдельных публикациях появляются ноты пессимистической оценки шансов восстания на успех перед «великими армиями России и Пруссии»[377], что добавляет повествованию трагического измерения.

Фактологическая точность «New York Times» также оставалась на относительно высоком уровне в части передачи оперативных данных: географических названий (Кутно, Сосновице, Раттовиц), имен военачальников (Г. Дембинский, М. Лангевич), дипломатических демаршей Англии, Франции, Австрии. Географический охват событий в публикациях широк: помимо Варшавы и Кракова, упоминаются населенные пункты Плоцк, Сосновице, Раттовиц. Газета сообщает о сражении под Кутно, длившемся «почти восемь часов», и о переходе отдельных отрядов на территорию Пруссии[378].

В то же время, сохранялись и системные лакуны, унаследованные еще от февраля. По-прежнему отсутствует информация о внутренней дифференциации

[377] New York Times. March 7, 1863, P. 1

[378] New York Times. March 13, 1863, P. 4; New York Times. March 13, 1863, P. 8

польского движения. Ни в одной из 18 публикаций не упоминаются идеологические течения «красных» и «белых», их программные разногласия и социальная база, что существенно упрощало для читателя сложную картину конфликта.

Общим свойством февральско-мартовских публикаций «New York Times» можно назвать детализацию военных действий. Издание указывало на дислокацию повстанческих частей и места столкновений между ними и правительственными силами: «Поляки находятся под командованием Куровского и дислоцируются недалеко от Бомбровы»[379]. Особо примечательно указание численного соотношение сил и потерь сторон во время столкновений, как например, в номере от 5 марта, где сообщалось, что в ходе атаки повстанцев «39 из 200 казаков гарнизона Ярнограда были убиты»[380]. Сведения об операциях казачьих отрядов также часто приводятся на страницах издания в рамках освещения боевых действий и преследований повстанцев: «Отряд повстанцев напал на Томашув, выбив оттуда 500 казаков, и разоружил несколько пограничных казачьих постов»[381]; «… казаки повсюду преследуют молодых людей, которые бегут из Варшавы, чтобы присоединиться к повстанцам»; «Отряд казаков совершил успешную вылазку из Модлина, убив и ранив тридцать шесть повстанцев и взяв в плен сорок двух»[382]; «… казаки, преследовавшие польских беглецов на австрийской территории, были забросаны камнями и вынуждены были вернуться за границу»[383].

Казачьи отряды занимали одно из центральных мест в негативной риторике издания как устойчивый аспект русофобии, символизирующий необузданную, дикую силу, чуждую правилам ведения «цивилизованной» войны: «У ратуши вы видите сотни девушек и жен, в отчаянии взирающих на неприветливое здание, где

[379] New York Times. February 26, 1863, P. 1
[380] New York Times. March 5, 1863, P. 1
[381] New York Times. February 14, 1863, P. 1
[382] New York Times. February 16, 1863, P. 2
[383] New York Times. March 13, 1863, P. 4

их возлюбленные, братья и, увы! Но во многих случаях мужья отданы на милость царя. Но потом казаки из стражи решат, что долг мужчины и воина – наброситься на них и разогнать толпу безобидных, безутешных женщин»[384]. Ориенталистские представления о казаке как элементе «татарского варварства» были настолько укоренены в периодической печати США, что они использовались как образец для сравнения с преступлениями других армий. Так, в публикации «New York Times» от 29 марта, бесчинства и грабежи северных войск на занятых территориях Юга сопоставлялись с действиями казачьих частей: «Мой информатор рассказал о нескольких случаях варварства, которые посрамили бы даже казаков или татар»[385].

Подобное восприятие казаков крайне схоже с теми характеристиками, что давались им в западноевропейских источниках (публицистике, литературе, периодической печати) еще с XVIII – первой половины XIX вв.: «Что касается “русского казака”, то его образ в западных источниках давно стал синонимом насильника и грабителя, варвара и убийцы. Литература “об ужасающих поступках московитских калмыков и казаков” печаталась на Западе, по крайней мере, со времен Северной войны Петра I. Иррегулярные войска – казаки, калмыки, башкиры, татары – представлялось одной дикой, плохо управляемой массой, “нецивилизованными воинами”, т.е. варварами»[386].

И, так при освещении событий газета стремилась к детализации боевых действий. Сочетание аналитических обзоров и документов (например, текста конвенции Альвенслебена 1863 г. между Россией и Пруссией) создавало многомерную картину событий. Однако отсутствие собственных корреспондентов на месте конфликта приводило к зависимости от вторичных источников, что также часто искажало саму фактологию – как в случае ошибочного сообщения о

[384] New York Times. February 14, 1863, P. 1

[385] New York Times. March 29, 1863, P. 4

[386] Гладышев А.В. Пришедшие с холода: восприятие «казака» населением Франции по время кампании 1814 года // История и историческая память. – 2023. – С. 29

«пленении курьера с письмами великого князя Константина»[387], которое позже не подтвердилось.

Формируемое изданием восприятие сочетало сочувствие к повстанцам с критикой российской политики. «New York Times» последовательно изображала борьбу поляков как «отчаянную попытку угнетенного народа освободиться от невыносимого ига»[388]. В связи с подобными характеристиками в отношении России часто использовалась эмоциональная лексика с негативной коннотацией: «варварство», «гнет», «жестокость», «деспотизм», «тирания».

Гуманитарная риторика газеты основывалась на теме страданий мирного населения, усиливавшей негативное отношение к России. Описание «сожженных деревень», «голодных детей», «страдающих заключенных в тюрьмах» создавало эмоциональный образ «благородной жертвы», нуждающейся во вмешательстве западных стран. Действия Российской империи описывались как «жестокие» и «тиранические», что способствовало восприятию ее как угнетателя, противостоящего «цивилизованному миру».

Отчетливо был виден ориенталистский стереотип о «восточной деспотии», для которой человеческая жизнь не имеет ценности, а государственная машина служит механизмом иррационального уничтожения лучших представителей покоренного народа. Посредством данных суждений «New York Times» лишала Россию права на государственную логику; ее действия описываются как необъяснимое варварство, свойственное, согласно стереотипам того времени, азиатским тираниям.

В марте детализация возросла. Россия описывалась как сила, поправшая данные Польше гарантии: «Где либеральные институты, конституция, национальная идентичность, которые объединенные державы торжественно обещали Польше? Исчезли, как сон!»[389]. В номере от 29 марта в особо мрачных

[387] New York Times. February 16, 1863, P. 2
[388] New York Times. February 26, 1863, P. 1
[389] New York Times. March 7, 1863, P. 4

тонах описывались грабежи со стороны правительственных войск: «Русские мародеры продавали в некоторых городах предметы, награбленные ими в тех местах, где они убивали жителей»[390].

Ключевым приемом становится сравнение действий российского правительства с практиками, которые, по мнению западного читателя, характерны для азиатских империй. В упоминавшейся выше статье от 26 февраля указывается: «… правительство решило упредить себя актом жестокости, которому, осмелимся утверждать, нет примеров за рамками анналов турецкого деспотизма»[391]. Это прямое уподобление России Османской империи – архетипичному символу восточной тирании в западном сознании XIX века – служит мощным инструментом ориентализации.

Наиболее явно подобные суждения проявлялись в цитируемых газетой повстанческих документах. Как верно указывает Н.П. Монина, ориенталистские представления о России на протяжении нескольких столетий (XV-XIX вв.) была значимым аспектом общественного мнения в Польше: «Важной составной частью польской русофобии является восприятие России как Востока Азии, варварского мира»[392]; «Репрезентация образа России в контексте ориентализма обусловлена религиозным фактором, в соответствии с которым польские католики воспринимали православных схизматиками, вероотступниками и фактором цивилизационным, предполагающим кочевой, варварский, азиатский характер московитов»[393].

В том же манифесте Центрального комитета от 1 марта содержалась центральная для дальнейшего повествования формулировка: «Ибо перед лицом

[390] New York Times. March 13, 1863, P. 8
[391] New York Times. February 26, 1863, P. 1
[392] Монина Н.П. Россия как Другой: историко-культурологические основания ориенталистского дискурса польской русофобии (XV–XIX вв.) // KANT: Social science & Humanities. – 2024. – №1(17). – С. 19
[393] Там же. С. 26

Бога и всего мира… призовем вас на страшную войну, последнюю войну европейской цивилизации с диким варварством Азии»[394].

Данные фразы аккумулировали основные оппозиции: «Европа» против «Азии», «цивилизация» против «варварства». С их помощью Россия однозначно отождествлялась с Азией и варварством. Государство, таким образом, лишалось своей европейской идентичности и помещается в категорию иррационального и жестокого «Востока», что позволяло исключить ее из пространства «цивилизованных» европейских держав и представить ее действия как априори нелегитимные, чуждые западным идеалам.

Одновременно с демонизацией России происходила инкорпорация Польши в пространство «цивилизованного Запада». Польская национальная идентичность конструировалась через ценности, зеркально противоположные приписываемым России. Данные идеи находили свое явное отображение, опять же, в цитировавшихся документах мятежников. Например, 29 марта 1863 г. «New York Times», одной из первых американских газет, опубликовала «Обращение к американскому народу»[395]. В приведенном тексте поляки представали исконно европейским, христианским народом с героическим прошлым: «Они долгое время были оплотом христианского мира, и ни одно благородное начинание не обходилось без их помощи»[396]. Далее эти суждения получили развитие: «Польша вновь поднимает оружие, чтобы отстоять свои неотъемлемые права как независимое государство… она обращается за доброй волей и сочувствием к соотечественникам из Вашингтона, потомкам героических патриотов, сражавшихся бок о бок с Пуласки и Костюшко»[397].

Такой риторический ход выполнял двойную функцию: во-первых, он устанавливал историческую и ценностную преемственность между Польшей и

[394] New York Times. March 1, 1863, P. 1
[395] New York Times. March 29, 1863, P. 5
[396] Ibid
[397] Ibid

американской демократией, а во-вторых, формировал моральный императив для выражения поддержки «своему» против «чужого». Н.П. Монина отмечает: «свою главную задачу Польша видела, с одной стороны, в выполнении некоей цивилизаторской миссии, суть которой – принесение на русские земли истинной веры и праведного образа жизни, а с другой – в защите Европы и западных ценностей от варваров-московитов»[398].

Польское восстание, как видно, трансформировалось на страницах нью-йоркской прессы из локального мятежа в дело всего «свободного мира».

Итак, можно сказать, что в начале марта 1863 года в публикациях газеты о польском восстании произошел настоящий перелом. Эволюция суждений отображает, как поступление нового типа источника в виде воззваний польских мятежников могло катализировать и усиливать ориенталистские конструкции. «New York Times», будучи влиятельным американским изданием, присваивала себе право на окончательную интерпретацию конфликта. Голос самой России в публикациях был либо исключен, либо маргинализирован: российские официальные заявления, такие как категорический отказ от переговоров пока мятежники «продолжают вооруженное восстание»[399], приводились без глубокого анализа мотивов, лишь как подтверждение деспотичной сущности царского режима. В то же время, пространные цитаты из польских прокламаций и эмоциональные обращения к американской публике формировали риторику, в рамках которой только одна сторона обладала моральной правотой.

Как можно видеть, газета последовательно противопоставляла «угнетенных поляков», ассоциируемых с европейскими ценностями свободы, и «деспотичную Россию», изображаемую как носителя азиатской тирании. Такая риторика соответствует саидовской критике ориентализма, где Восток представляется

[398] Монина Н.П. Россия как Другой: историко-культурологические основания ориенталистского дискурса польской русофобии (XV–XIX вв.) // KANT: Social science & Humanities. – 2024. – №1(17). – С. 25

[399] New York Times. March 29, 1863, P. 8

иррациональным и жестоким. При этом не упоминались факты многочисленных зверств и преступлений со стороны мятежников: пытки и убийства пленных русских солдат и нелояльных гражданских лиц, грабежи, мародерства[400]. Повстанцы, несмотря на насилие с их стороны, изображались как «жертвы», борющиеся за «права, данные Богом и цивилизацией». Подобные выражения способствовали не только «обелению», но и настоящей идеализации сил сопротивления, что является характерным приемом СМИ для оправдания вмешательства в проблемы других регионов.

Газета, таким образом, выступала арбитром в оценках мятежа, определяющим, что есть «законность», «справедливость» и «цивилизованность». Язык морального превосходства служил инструментом символического доминирования, оправдывая интерес и потенциальное вмешательство как выполнение высокого морального долга.

Расширение географии восстания и позиционирование повстанцами себя как «защитников западных ценностей» привели к заинтересованности событиями в регионе со стороны общественности и правительств стран Европы, в первую очередь, Англии, Франции и Австрии[401]. Будучи газетой, активно интересовавшейся мировыми новостями, «New-Yor Times» уделяла особое внимание международной реакции на происходящее в Польше.

Тема общеевропейской составляющей кризиса стала преобладать в публикациях газеты уже в марте. Обсуждение роли и ответственности западных стран стало логическим завершением ориенталистского конструкта. Издание часто подчеркивало бездействие государств Европы: несмотря на высказанное сочувствие, реальная помощь повстанцам так и не была оказана. «В Англии как в

[400] Дюков А.Р. «Кто против польского правительства, тому огонь и виселица». Повстанческий террор 1863-1864 гг. в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи // Белорусский исторический обзор. – 2021, № 2(5). – С. 19-38

[401] Черевык К.А. Вмешательство великих держав в польское восстание 1863 г. и позиция России // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2019. – Том 12. Выпуск 6. С. 85

парламенте, так и за его пределами выражают глубокую симпатию к полякам, но в то же время сохраняется политика невмешательства. Во Франции народ сочувствует полякам, но цели и политика императора столь же загадочны, как и в случае с американским вопросом»[402]. Французский монарх Наполеон III, по мнению корреспондентов «New York Times», и вовсе был обеспокоен лишь своим личным положением. «Император Франции оказался в “затруднительной ситуации”. Он хотел бы помочь России подавить восстание… но боится, что это приведет к революции у него в стране»[403]. При этом издание указывало на потенциальные положительные последствия для безопасности европейского континента, которые он мог бы получить в случае совместных действий: «Если трем великим державам, таким как Австрия, Англия и Франция, удастся прийти к единому пониманию общих интересов и принципов справедливости, этот союз станет лучшей гарантией мира в Европе»[404] – заключала газета.

Можно сказать, что, упоминая готовность «многих французов… присоединиться к революции»[405] или описывая внутренние дебаты во Франции, где правительство императора Наполеона III «оказалось в «затруднительном положении»[406] между общественными сочувствием полякам и интересами Realpolitik, «New York Times» создавало восприятие Европы как разрывающейся между моральным долгом и политическим прагматизмом.

Все то же обращение к американцам как к «потомкам героических патриотов» и «самым свободным людям на земле»[407] не только искало симпатий, но и укрепляло коллективную идентичность западных государств как сообщества цивилизованных наций, призванных защищать угнетенных.

[402] New York Times. March 7, 1863, P. 4
[403] New York Times. March 13, 1863, P. 4
[404] New York Times. March 13, 1863, P. 8
[405] New York Times. March 1, 1863, P. 1
[406] New York Times. March 13, 1863, P. 4
[407] New York Times. March 29, 1863, P. 5

Таким образом, дипломатическая поддержка Польши представлялась не только внешним вмешательством, но и актом самоутверждения, защиты собственной цивилизационной модели.

В апреле 1863 года международная обстановка вокруг польского мятежа продолжила осложняться. Правительства Англии, Франции и Австро-Венгрии направляют России первые ноты протеста против действий властей в Польше[408]. Фокус публикаций «New York Times», посвященных вопросу мятежа, теперь еще более явно, по сравнению с мартом, смещается на кабинеты дипломатов.

Ведущей темой оставалась позиция европейских стран и международные последствия (9 из 22 публикаций, 40.91%), что свидетельствует о переводе конфликта в плоскость дипломатии, внешней политики и международных отношений. Освещение боевых действий сохранило высокую частотность (6 публикаций из 22, 27.3%), но теперь они стали описываться фрагментарно и чаще всего служили внешним фоном для описания дипломатических баталий.

На страницах газеты по-прежнему ощущалось сочувствие в отношении Польши и сдержанное осуждение России, а сама критика по-прежнему носила имплицитный, неявный характер, выраженный не через прямые утверждения, а через контекст и цитирование «нужных» документов и воззваний. В то же время, поменялись объекты для порицания, как и выборка приводимых источников. Так, редакторы «New York Times» приводили материалы, в которых указывалось на нарушение Россией международных обязательств: «Похоже, пришло время напомнить России об обязательствах, которые она взяла на себя перед Европой в отношении Польши»[409]; «Российское правительство, по-видимому, считает

[408] История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / Под ред. Игнатьевой А.В., Киняпиой Н.С., Субботиной Ю.Ф., Хевролиной В.М. – М.: Международные отношения, 1999. С. 69

[409] New York Times. April 1, 1863, P. 1

необходимым использовать для умиротворения страны не только военные средства»[410].

Наблюдался рост интереса и к общественным настроениям в европейских странах (3 публикаций, 13.6%), что отражало углубление анализа политического измерения восстания. Упоминались примеры выражения симпатий к Польше со стороны общественности «цивилизованных» стран, главным образом, Франции: «польский вопрос, в отличие от других, вызывает во Франции сочувствие всех слоев общества»[411]; «В Париже прошла массовая демонстрация в поддержку Польши»[412]; «Сердца французов переполнены эмоциями в связи с событиями в Польше»[413].

Между тем, критике подвергались правительства европейских государств. Действия властей Англии и Франции издание по-прежнему описывало как излишне мягкие, медлительные и половинчатые: «Наполеона мало заботят страдания Польши, и его раздражает враждебное положение, в котором он оказался по отношению к российскому двору»[414]; «Союзники настолько далеки от намерения развязать войну ради Польши, что даже не осмеливаются просить о ее освобождении. В своих нотах, адресованных Санкт-Петербургскому двору, Франция лишь просит удовлетворить требования польского народа, а Англия – выполнить условия Венского договора в его пользу»[415]. Указывалось также на несоответствие политики руководства европейских стран настроениям общества: «сколько бы французских симпатий ни было заручено в пользу Польши, они не могут участвовать в войне в поддержку восстания»[416].

---

[410] Ibid.
[411] Ibid.
[412] New York Times. April 4, 1863, P. 4
[413] New York Times. April 7, 1863, P. 7
[414] New York Times. April 15, 1863, P. 1
[415] New York Times. April 19, 1863, P. 4
[416] New York Times. April 16, 1863, P. 4

Как видно, если в феврале и первой половине марта на страницах «New-York Time» преобладала моральная критика российской политики в отношении Польши, то в апреле осуждение уже было вплетено в анализ внешней политики и международных реакций.

Вообще центральной темой майских публикаций стала описание сложившейся в рамках польского вопроса ситуации как тупиковой. При освещении газетой внутриполитической обстановки главным объектом для критики стал царский манифест о помиловании мятежников, при раскрытии внешнеполитического положения – дипломатические раздоры и разногласия.

Еще 31 марта (12 апреля), в самый разгар военных столкновений, был опубликован манифест российского императора Александра II. Данная прокламация объявляла «полное и совершенное прощение» тех повстанцев, что сложат оружие и возвратятся к долгу повиновения до 1/13 будущего Мая»[417]. Во второй половине апреля на страницах газеты стали встречаться первые сведения и слухи о данной прокламации[418]. В номере от 2 мая был опубликован полный текст царского манифеста[419].

Отдельные выпуски включали комментарии к документу и ставили под сомнение искренность этого решения[420]. Тон был скептическим: амнистия изображалась либо как вынужденная уступка под иностранным давлением, либо как попытка расколоть повстанческое движение. Указывалось также на бессмысленность данных воззваний, которые, как утверждало издание, привели к еще большему усилению недовольства, то есть дали противоположный результат: «Если бы царь пообещал вернуть полякам их конституцию, сейм и армию, они бы, несомненно, отвергли его предложение при нынешних

[417] Манифест Александра II о прощении мятежников, сложивших оружие и явившихся с повинной // Польша против Российской империи: история противостояния / сост. Н. Н. Малишевский. – Минск: Букмастер, 2012. С 507

[418] New York Times. April 23, 1863, P. 1

[419] New York Times. May 2, 1863, P. 8

[420] New York Times. April 30, 1863, P. 1; New York Times. May 24, 1863, P. 3

обстоятельствах. Стоит ли удивляться, что они насмехаются над этим манифестом? Вместо того чтобы ослабить недовольство, эти предложения лишь подлили масла в огонь. Поляки считают их проявлением слабости и неискренности, и тысячи людей, которые раньше держались в стороне из страха, спешат вступить в ряды повстанцев»[421].

«New York Times», таким образом, указывала провал попыток Санкт-Петербурга разрешить конфликт мирным путем. Газета занималась дискредитацией этого шага, представив его как неискренний и показывающий слабость царской власти, что способствовало восприятию России в качестве коварного и, одновременно, недальновидного деспота.

Вместе с поражением политики примирения «New York Times» акцентировала внимание на неспособности Европы выступить против России единым фронтом. Наиболее ярко данная оценка развернувшихся событий проявлялась в плане отображения внешнеполитической позиции Королевства Пруссии.

Охватывая новые территории, восстание 1863 года уже в первые недели продвинулось до восточных границ Пруссии, где проживало многочисленное польское население[422]. На широкое распространение обращала внимание и «New York Times»: «Польское восстание становится все более грозным… Оно простирается от края до края прусской границы»[423].

Опасаясь начала волнения в пределах своего государства, а также желая дипломатически сблизиться с Россией, прусское руководство во главе с канцлером Отто фон Бисмарком заняло позицию, отличавшуюся от стратегий других стран Западной Европы (Франции, Англии, Австро-Венгрии). Оно не только не выступило против действий российского правительства, но и послало

[421] New York Times. May 3, 1863, P. 4
[422] Нольде Б.Э. Россия, Пруссия и Польша (1861-1863) // Вопросы мировой войны: сб. ст. / под ред. М.И. Туган-Барановского. – Петроград : Право, 1915. – С. 108-110
[423] New York Times. May 3, 1863, P. 4

в Петербург своего дипломатического представителя генерала-адъютанта Густава фон Альвенслебена для заключения особого договора, устанавливавшего и уточнявшего порядок действий в отношении польских событий[424]. Соглашение, подписанное 8 февраля 1863 г. и получившее наименовании конвенции Альвенслебена предусматривало проведение мер для ликвидации восстания, в том числе совместное преследование повстанцев на территориях обеих стран, а также концентрацию русских вооруженных сил на границе с Пруссией и прусских сил на границе с Россией в целях развертывания и последующего перехода границ для ударов по восставшим[425].

Заключенный договор стал предметом острой критики в западной прессе, американская периодика также не осталась в стороне. Повествование о российской-прусском сотрудничестве впоследствии стало одним из способов обоснования газетой «New York Times» морального превосходства польских патриотов. Польша в номерах издания ассоциировалась с жертвенностью, в то время как России и ее партнер – с вероломством и услужливостью (со стороны Пруссии)[426]. Ярче всего это проявилось в публикации от 10 мая, где прусско-русские соглашения об экстрадиции назывались «тщательно продуманными ловушками», а их авторы обвинялись в том, что «наплевали на национальную честь, на справедливость и прецеденты». Пруссия была метафорично названа «прусским шакалом», помогающим «московскому кузену»[427].

Итак, майские публикации были сфокусированы на двух ключевых аспектах: попытке царской власти примириться с повстанцами и дипломатии западноевропейских стран. Оба направления, по мнению «New York Times»,

---

[424] Комзолова А.А. Польское восстание 1863-1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 68

[425] Милютин Д.А. Воспоминания. 1863-1864 / под ред. Захаровой Л.Г. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 63-64

[426] New York Times. May 19, 1863, P. 8; New York Times. May 21, 1863, P. 2

[427] New York Times. May 10, 1863, P. 4

потерпели крах, что было обусловлено различием в целях и желаниях акторов февральско-майских событий 1863 года: польских повстанцев, царских властей, правительств Пруссии, Британии, Франции и Австрии.

Таким образом, анализ публикаций «New York Times» в промежуток с февраля по июнь 1863 г. демонстрирует как ориенталистские принципы (создание бинарных позиций, утверждение прав Запада на интерпретацию и оценку чужих реалий, формирование стереотипных, часто примитивных, представлений о «Другом») были инкорпорированы в медийное освещение европейского конфликта, превратив репортажи в инструмент идеологической и культурной гегемонии.

Симпатии к польским повстанцам на страницах «New York Times» проявлялись не только в частых выражениях моральной поддержки. Газета также освещала деятельность благотворительных обществ США в поддержку поляков, таких как «Комитет американских дам», образованный «для сбора средств в помощь жертвам нынешней борьбы в Польши», указывала адреса данных организаций и способы передачи денежных средств[428].

Внутренняя ситуация в Америке часто сопоставлялась с обстановкой в наиболее мятежных регионах Европы: Италии, Венгрии и, наконец, Польше. При этом 30 статей и колонок (23%) содержали аналогии с Гражданской войной в США, что отражало попытки редакции связать европейские события с американским политическим контекстом. Э.В. Саид отмечал, что западные медиа часто экстраполируют локальные конфликты на глобальный уровень «борьбы цивилизаций», что и демонстрирует «New York Times», сравнивая восстание с Гражданской войной в США.

Однако напрямую газета сопоставляла польских мятежников вовсе не с южными штатами, а с собственным северным правительством. Так, цитируя обращения, упомянутого выше «Комитета американских дам», газета заявляла:

[428] New York Times. May 22, 1863, P. 5

«Пусть никто не пытается путать восстание в этой стране с восстанием, бушующим в настоящее время на юге Соединенных Штатов… В Польше борьба ведется за то, чтобы вернуть законную власть ее законным владельцам – истинно польскому правительству; в то время как наши взбунтовавшиеся штаты стремятся отобрать эту власть у своих законно избранных правителей, президента и Конгресса Соединенных Штатов»[429].

Еще более показательной является развернутая аналогия с рабством. В той же статье от 26 февраля, описывая депортацию польской интеллигенции, использует яркий эмоциональный образ: «…казаки ночью совершали всеобщий обыск их домов, хватали мужчин, связывали им руки, тащили в крепости, а затем группами, подобно неграм-рабам, отправляли на Кавказ и в Сибирь»[430]. Это сравнение выполняет двойную функцию. Во-первых, оно приравнивает политические репрессии Российской империи к институту расового рабства, тем самым маркируя Россию как пространство, где господствуют «варварские» и антигуманные порядки. Во-вторых, оно создает мощный резонанс с американским контекстом 1863 года, когда вопрос рабства уже стал одним из важнейших в Гражданской войне.

Позиция США, по мнению газеты, также была обусловлена войной Севера и Юга: Вашингтон сохранял нейтралитет, но симпатии к полякам косвенно выражались через риторику о «поддержке свободы». В статье от 15 мая 1863 года подчеркивалось, что Америка, «преодолев собственные испытания, должна стать маяком демократии для угнетенных народов».

Как видно, редакция использовала события в Польше как зеркало для отражения проблем Союза и Конфедерации. Польский вопрос был для редакции не просто новостью из-за рубежа, а инструментом внутренней политической борьбы в США. Для американской общественности чье внимание было приковано к

[429] Ibid.

[430] New York Times. February 26, 1863, P. 1

кровопролитным сражениям собственной Гражданской войны, события в далекой Восточной Европе стали зеркалом, в котором Вашингтон пытался разглядеть отражение собственных проблем.

Анализ массива публикаций первой трети 1863 года (всего 69 материалов за январь-апрель) показывает доминирование классической ориенталистской риторики. В этот период редакция, лишенная собственных корреспондентов в Восточной Европе, ретранслировала информацию из британской и французской прессы. Россия описывалась через систему бинарных оппозиций: «страдающие поляки» (как один из «революционных народов») против «варварской России» (воплощение Востока).

В публикациях этого периода (январь-апрель) отчетливо прослеживается саидовская дихотомия «Мы» (рациональный, свободный Запад, к которому причислялась Польша) и «Они» (деспотичный, варварский Восток – Россия). В этой риторике Россия лишается права на государственную логику; ее действия описываются как иррациональное варварство («подавление», «уничтожение»), свойственное, согласно стереотипам того времени, азиатским деспотиям. Данная риторика также может быть охарактеризована как «гуманитарный интервенционизм», где пресса призывает к моральному осуждению «восточного деспота» ради спасения западных ценностей в лице Польши.

Однако уже в июле-августе 1863 г. в номерах «New York Times», прямо или косвенно касавшихся темы польских событий, наблюдаются изменения. Рассмотрение двенадцати июльских публикаций газеты, посвященных теме польского восстания, позволяет утверждать, что их тон уже отличается от характера освещения мятежа в предыдущие месяцы. Если ранее «New York Times» нередко использовала эмоциональную риторику, проводя параллели между борьбой поляков за свободу и американскими идеалами, то теперь содержание стало более сдержанным и нейтральным. Российская сторона при этом упоминается обезличенно, без критики или оценочных суждений в ее адрес.

Яркой иллюстрацией нового, нейтрально-фактологического ракурса можно назвать публикацию от 1 июля 1863 г. из газетной рубрики «Европейские новости». В ней, при опоре ссылаясь на статью парижского корреспондента лондонской газеты «Times» от 15 июня[431], подробно описывались процедурные детали дипломатической переписки: «Посланник кабинета министров… прибыл сюда в субботу утром с депешами из Вены. Я уверен, что в этих депешах содержится утвердительный ответ австрийского кабинета министров на предложения, измененные господином Дрюэном де Люисом, которые должны быть представлены российскому правительству по вопросу Польши»[432]. Далее следует скрупулезное описание задержек, вызванных отсутствием императора и болезнью чиновника, совета министров и подготовки ответа. В том же материале транслируется официальная позиция Франции, лишенная какого-либо сочувствия к повстанцам: «В официальных кругах Парижа настойчиво утверждается, что император Наполеон никогда не думал воспользоваться польским вопросом для осуществления военных проектов; что, если бы он обдумывал такой проект, он не стремился бы так настойчиво объединиться с Англией и Австрией для достижения главной цели их переговоров»[433]. Подобная подача, изобилующая сухими канцелярскими подробностями и лишенная эмоциональной лексики, создает образ взвешенного, почти отстраненного репортажа, где «польский вопрос» предстает не как трагедия народа, а как предмет технических переговоров между правительствами разных стран Европы.

Политика царского правительства отныне приобретает в номерах «New York Times» мудрый, рациональный характер[434]. Так, ответные ноты министра иностранных дел А.М. Горчакова, отвергавшие притязания Европы, были охарактеризованы в газете уже не как «деспотичное упрямство», а как взвешенное

[431] New York Times. July 1, 1863, P. 2
[432] Ibid
[433] Ibid
[434] Ibid. July 7, 1863, P. 2; Ibid. July 19, 1863, P. 4; Ibid. July 20, 1863, P. 2; Ibid. July 28, 1863, P. 8

решение и проявление суверенитета: «Разумно ли, например, требовать от царя всеобщей амнистии, созыва национального сейма и создания национальной администрации для народа, который открыто восстает против его власти? Разумно ли требовать от него объявления перемирия, в то время как его враги ведут против него войну? Что бы почувствовала Англия, если бы во время восстания сипаев французский император потребовал от нее усмирить Индию, отозвав оттуда гражданских и военных чиновников и вернув раджам их былое господство?... В мире есть более деспотичные страны, чем Россия, и министр иностранных дел Великобритании должен был бы помнить об этом в последнюю очередь. Если бы граф Рассел попросил у царя этих уступок при условии, что поляки сложат оружие и вернутся под его власть, это было бы не так оскорбительно»[435].

Наконец, в августе 1863 г. в отношении польского вопроса на страницах «New York Times» происходит по-настоящему резкий поворот. Если в июле освещение характеризовалось относительной беспристрастностью, то теперь наблюдался сдвиг в сторону моральной поддержки действий правительства Российской империи и открытой критики западноевропейских государств и их периодической печати.

Анализ общей подборки августовских публикаций подтверждает эту тенденцию. В большинстве из них Россия последовательно представляется как прогрессивная, реформистская держава (со ссылкой на отмену крепостного права), законно защищающая свою территориальную целостность от подготовленного извне мятежа. Действия российских властей по подавлению восстания трактуются не как репрессии, а как необходимые и легитимные меры по восстановлению порядка, имеющие аналогии с борьбой правительства Линкольна против конфедеративного сепаратизма. Фокус смещается с сочувствия к повстанцам на

[435] Ibid. July 26, 1863, P. 4

освещение дипломатической стойкости России и критику «нежелательного вмешательства» европейских кабинетов[436].

Так, в статье от 19 августа под заголовком «Польское восстание и общественное мнение в США» редакция газеты заняла отчетливо антианглийскую позицию, предостерегая своих читателей от доверия к британским источникам информации. Газета прямо обвиняла ведущие западноевропейские издания, особенно лондонскую «Times», в систематической лжи и ангажированности: «Мы предостерегаем наших читателей от английского изложения фактов… Их доминирующий тон – антироссийский… почти все они, и особенно “Times”, имеют давнюю привычку без зазрения совести лгать, когда им это выгодно»[437]. Эта критика напрямую увязывается с опытом США, чью Гражданскую войну, по мнению «New York Times», пресса Европы также освещала предвзято и враждебно. Можно также сказать, что дискредитируя главный источник информации о событиях в Польше для американской аудитории, издание косвенно оправдывало необходимость альтернативного, пророссийского взгляда на конфликт.

Материал от 23 августа «Результат интервенции в пользу Польши» развивает эту линию, открыто симпатизируя решимости российского правительства. Редакция с одобрением описывает единство российского общества и власти, ссылаясь на энтузиазм, с которым была встречена твердая позиция министра иностранных дел А. Горчакова: «Российское правительство и народ предпочли войну уступкам, и западным державам остается только в недоумении покинуть арену спора или взяться за оружие»[438]. В статье повторяется и одобрительно подается тезис российской пропаганды о том, что восстание является делом рук узкой прослойки, инспирированным из-за рубежа: «польское восстание – это всего лишь восстание недовольного меньшинства, подстрекаемого иностранными

[436] Ibid. August 3, 1863. P. 2: Ibid. August 9, 1863, P. 4; Ibid. August 11, 1863, P. 2; Ibid. August 12, 1863, P. 1; Ibid. August 18, 1863, P. 8
[437] Ibid. August 19, 1863, P. 4
[438] Ibid. August 23, 1863, P. 4

поджигателями, штаб-квартиры которых находятся в Лондоне и Париже»[439]. При этом тон в отношении западных держав, особенно Франции и Англии, становится откровенно саркастическим, их изображают ненадежными союзниками, склонными предавать своих партнеров.

Мы полагаем, что пересмотреть свои оценки польского восстания «New York Times» заставили бурные события внутриполитической и внешнеполитической истории США. Прошедшая в период с 1 по 3 июля битва при Геттисберге ознаменовала собой перелом в Гражданской войне в пользу северных штатов[440]. Данное обстоятельство, в свою очередь, привело к дипломатической активизации английского и французского правительств, симпатизировавших Конфедерации. Администрация президента, ведя тотальную войну с Югом, отчаянно нуждалась в предотвращении иностранного вмешательства и потому была заинтересована в поддержании добрых отношений с сильными государствами, особенно с Россией.

В таких условиях внешнеполитическая конъюнктура также диктовала необходимость крайне осторожных оценок событий в странах и регионах мира. С одной стороны, редакция газеты стала дорожить обликом царской империи как потенциального союзника. Как итог, редакционная политика одного из ведущих изданий Севера закономерно смещала приоритеты с детального и потенциально сочувственного освещения еще одного зарубежного конфликта на более сдержанную подачу, которая не усугубляла бы психологическую нагрузку на читателей, и без того переживавших раскол страны.

С другой стороны, царская власть своими реальными намерениями дала правительству и прессе северных штатов повод для взгляда на России как на возможного дипломатического партнера. Так, российские верхи на данном этапе разрабатывают и утверждают план отправки военных эскадр к берегам США (см. параграф 2.2 данной главы). Время этих событий (конец июня – июль 1863 г.)

[439] Ibid

[440] Бурин С.Н. На полях сражений гражданской войны в США. – М.: Изд-во «Наука», 1988. С. 95

хронологически также совпадает с тем «переворотом», что произошел в номерах «New York Times» относительно характера повествования о событиях польского восстания в Российской империи.

Как видно, с изменением международной обстановки летом 1863 года стройная картина мира, где Россия выступает абсолютным злом, начинает рушиться. Попытки вмешательства главных внешнеполитических противников А. Линкольна – Великобритании и Франции – в польский вопрос через серию дипломатических нот вызвало в периодике США эффект, обратный ожидаемому. Сложившаяся историческая обстановка, политические интересы и принципы «Realpolitik» привели к изменению освещения и характеристик тогдашней ситуации в Польше.

Анализ публикаций газеты о польском восстании периода февраля-августа 1863 г. позволяет разделить год на три основных хронологических этапа, каждый из которых характеризуется уникальной риторикой, тематикой, а также набором ключевых слов, фраз и понятий:

- **Этап I (январь-март 1863 г.) – время либеральной романтизации восстания.** Доминирующая темами были рекрутский набор как повод к восстанию, героизм повстанцев, жестокость царских войск. В то же время, практическое воздействие публикаций «New York Times» периода о польском восстании на внешнюю политику было минимальным: администрация президента Линкольна, занятая сохранением Союза, не рассматривала возможность вмешательства в европейские дела.
- **Этап II (апрель-июнь 1863 г.) – время освещения международной подоплеки восстания в Польше.** Главный упор постепенно смещается с полей сражений в кабинеты политиков: Великобритания, Франция и Австрия направляют царской империи ноты протеста. Попытки России решить дипломатические противоречия описываются как лицемерные и непоследовательные. Вместе с тем действия западноевропейских правительств, главным образом, французского, рассматриваются как

половинчатые и нерешительные. Преобладающими темами становится дипломатия, переговоры, ноты протеста, «угроза» со стороны России миру в Европе, «предательство» польских мятежников Францией.

- **Этап III (июль-август 1863 г.) – время прагматичного смещения оценок.** Попеременно обострению отношений России с внешнеполитическими противниками США редакция «New York Times» начинает смягчает свой тон в отношении действий царского правительства. Резко меняются характеристики событий в Польше: восстание из «общенародного дела» превращается в мятеж, организованный и начатый кучкой аристократов; действия царских властей из проявлений «турецкого деспотизма» превращаются в справедливые решения по сохранению своих законных территорий и отстаиванию государственного суверенитета на международной арене.

Констатируя, можно сказать, что освещение событий польского восстания 1863 года в публикациях «New York Times» характеризовалось набором взаимосвязанных механизмов, которые, с одной стороны, продолжали линию, заданную предыдущим этапом польского движения в 1860-1862 гг., а с другой – приобретали новые черты. Этот сдвиг происходил в уникальном международном контексте, когда после перелома в Гражданской войне правительство Севера, с одной стороны, обрело большую уверенность, а с другой – столкнулась с тонкой дипломатической задачей управления отношениями с Россией.

1. **Общие черты и различия с периодом польского национального движения 1860-1862 гг.**

- **идеологическая инструментализация:** на обоих этапах повествование было тесно связано и во многом обусловлено с внутриполитическим положением в США (борьба с рабством, оправдание действий Севера, критика европейской дипломатии);

- **применение ключевых стереотипов:** продолжение использования клише о России как о «восточной автократии» и «тюрьме народов»;
- **опора на бинарные оппозиции:** сохранение противопоставлений по типу «свобода» / «неволя», «борьба» / «подавление», «демократия» / «тирания» и т. д.;
- **информационная зависимость:** неизменное доминирование ссылок на сторонние западноевропейские источники информации, предопределявшие негативный угол зрения.

2. **Различия особенностей и механизмов:**

- **подбор освещаемых событий:** ранний период освещал политический кризис и гражданское противостояние (митинги, акты протеста, разгоны демонстраций, аресты). В 1863 г. фокус сместился на полномасштабные военные действия и карательные операции;
- **оценки и тон в публикациях:** в период 1860-1862 гг. тон был скорее озабоченно-критическим, осуждающим политику дискриминации. В 1863 г. он стал открыто обвинительным и эмоционально заряженным, часто переходящим в риторику морального осуждения и даже ужаса;
- **влияние на представления о России:** ранее восприятие царской империи оставалось двойственной, она воспринималась одновременно как реформирующаяся страна и «душитель» прав и свобод народов. К лету 1863 г. эта дуалистичность заметно снизилась. Образ России стал монолитно-негативным, деспотическая и репрессивная ипостась по большей степени затмила преобразовательскую.

Разница в подаче информации во многом была обусловлена эскалацией насилия, международной реакцией, а также обогащением газеты новым источником информации в виде повстанческих документов. Как итог, в первое полугодие 1863 г. образовались новые механизмы освещения событий в Польше:

1. **Усиление противоречий в регионе: от «национального вопроса» до «кровавого конфликта».**

Если в 1860-1862 гг. повествование фокусировалось на политических демонстрациях, репрессиях и дискриминации, то с февраля 1863 г. ситуация в Польше стала характеризоваться как полноценная война. Публикации газеты были насыщен описаниями следующих аспектов:

- **партизанские стычки и сражения:** подробные, хотя и часто запоздалые, и неточные, сводки о боях повстанческих отрядов с регулярной российской армией;
- **жестокость и репрессии царских войск:** акцент сместился с разгона демонстраций на казни, ссылки в Сибирь, конфискации имущества, действия карательных отрядов;
- **образ «народной войны»:** восстание часто изображалось как отчаянная борьба всего польского народа (шляхты, горожан, духовенства) против иноземного гнета, что усиливало эмоциональное сопереживание читателей.

2. **Преобладание ориенталистских и антироссийских суждений в течение первых шести месяцев 1863 г.**

«New York Times» активно использовала сравнение России с «Востоком» при помощи собственных и польских повстанческих материалов. Данный прием выполнял несколько функций:

- **деполитизация и архаизация конфликта:** подавление восстания представлялось не как сложная военно-политическая задача, а как проявление извечной, «варварской» сущности российской власти;
- **укрепление цивилизационного барьера:** Россия окончательно помещалась за пределы «европейской цивилизации», ее действия приравнивались к методам, неприемлемым для «просвещенных» наций;

- **создание морального императива:** картина «азиатской тирании» на территории Европы требовал вмешательства или, по крайней мере, морального осуждения со стороны западного мира.

3. **Инструментализация в контексте внутриамериканской политики.**

Как и ранее, польские события использовались как элемент сравнения с американской политической обстановкой, но с новыми акцентами:

- **усиление параллелей с Гражданской войны в США.** Цели польских повстанцев ставились на один уровень с задачами северных штатов, направленных на идеалы свободы, в то время как царская империя, подавляющая права народов на самоопределение и независимость, сопоставлялась с рабовладельческим Югом.
- **критика России как косвенная критика Франции:** поскольку французское правительство демонстративно сочувствовало Польше, но не решались на активное вмешательство, «New York Times» использовала эту тему, чтобы обличать «лицемерие» и «двуличность» Наполеона III, который «жертвовал» делом польских мятежников в пользу своих «корыстных» интересов в Европе и Америке.

4. **Персонализация и поляризация восприятия:**

- **романтизация повстанцев:** лидеры восстания и рядовые участники изображались как герои-патриоты, жертвующие за дело свободы собой и своими жизнями;
- **демонизация военно-политического аппарата.** Особенно резкой критике на страницах газеты подвергались представители российской администрации и офицерского состава, фигуры которых в «New York Times» стали олицетворением безжалостной репрессивной машины;
- **«расщепление» образа царской власти:** амбивалентность в представлениях о правительстве России, отмеченная в более ранний период 1860-1862 гг., в первой половине 1863 года сменилась доминированием негативных оценок.

Совокупность указанных приемов привела одновременно к конкретизации и радикализации образа России посредством следующих механизмов:

1. **Кристаллизация черт «тирании» и «восточной автократии».** Восстание 1863 года стало для «New York Times» окончательным доказательством имперской, антидемократической и репрессивной сущности России. Картина «тюрьмы народов» перестал быть метафорой и наполнился конкретикой военных сводок и сообщений о казнях. Россия предстала не как «просвещенный деспотизм», способный к реформам, а как классическая реакционная империя, чье существование основано на насилии и подавлении.
2. **Акцент на военном насилии и «варварстве».** Доминирующей чертой образа стала чрезмерная, несоразмерная жестокость. Действия регулярной армии и карательных отрядов описывались как действия, выходящие за рамки цивилизованной войны. Это укрепляло стереотип о России как о «варварской» силе, не признающей правил и законов, принятых в «развитых» странах.
3. **Подчеркивание антагонизма между «Азией» в лице России и «Европой» в лице Польши и западных стран.** Важным критерием для раскрытия черт России стала характеристика событий польского мятежа не как регионального конфликта, а как масштабной борьбы между «восточных» ценностей против «западных». Россия, путем данного противопоставления, была определена как «восточное государство», природа которых, согласно ориенталистским воззрения, изначально зиждется на «дикости», «архаичности» и «деспотизме».

Таким образом, анализ материалов «New York Times» за 1863 год, посвященных теме польского восстания, подтверждает тезис Э.В. Саида о том, что западные СМИ исторически воспроизводили бинарные оппозиции, в рамках которых Восток представлялся как пространство дикости и тирании. Издание создало сложный медийный образ польского восстания, сочетавший романтизацию борьбы за свободу с критикой международного бездействия. Такая картина

событий не только отражала антироссийские настроения эпохи, но во многом заложила основы будущего восприятия Восточной Европы в американской прессе как арены противостояния демократии и авторитаризма.

Спад и смягчение тона в отношении России в публикациях газеты о Польше, наблюдавшийся в июле-августе 1863 г., можно было объяснить как аспектами развития событий в восточноевропейском регионе, так и факторами собственно американской политики. Региональные особенности, приведшие к снижению интереса редакторов издания к проблеме восстания, были обусловлены спадом движения, который был вызван разгромом крупных сил и ячеек повстанцев, арестами многих видных деятелей сопротивления. Что касается внутренней американской стороны вопроса, то здесь ключевым моментом стала переориентация внимания на другой момент российской политики – посылку к берегам США русских военных эскадр. Прослеживался очевидный парадокс: нью-йоркская пресса, традиционно симпатизирующая национально-освободительным движениям, совершила в течение одного года радикальный идеологический разворот от осуждения России к ее полной поддержке.

Итак, на основе анализа публикаций «New York Times» о польском восстании можно проследить, как классические ориенталистские стереотипы («варварство», «деспотизм», «тирания» и т.д.) использовались для стигматизации Российской империи в начале 1863 года и как информация об этих событиях была деконструирована и заменена прагматичной риторикой союзничества к концу того же года под влиянием международных факторов войны Севера и Юга.

Отметим также, что материалы газеты следует рассматривать как ценный исторический источник, отражающий не только ход событий, но и информационные потоки, политические настроения и медийные практики середины XIX в.

1863 год стал уникальным моментом в мировой истории, когда две внутренние войны – Гражданская война в США и Январское восстание в Польше – оказались тесно переплетены в информационном поле. Освещение польского

вопроса в нью-йоркской прессе прошло сложную эволюцию, обусловленную поиском дипломатического партнера для США. В то время как Великобритания и Франция склонялись к признанию Конфедерации, Россия демонстрировала благожелательный нейтралитет по отношению к правительству А. Линкольна. В этом контексте освещение газетой «New York Times» событий в Польше прессе перестало быть вопросом зарубежной хроники и превратилось в инструмент идеологической борьбы.

2.2. «Наши русские гости»: выпуски «New York Times» об атлантической эскадре русского флота

Русские верхи осознавали, что польский мятеж мог быть использован ее противниками как повод для развязывания очередной коалиционной войны. В связи с этим, резко вставал вопрос о наиболее эффективном использовании флота на случай начала боевых действий на море. Как итог, уже в июне 1863 русские власти пришли к решению снарядить и подготовить отдельную военную эскадру.

Так, в Петербурге созрел план создания угрозы торгово-экономическим путям двух своих главным противников – Англии и Франции. 23 июня 1863 г. морской министр России генерал-адъютант Н.К. Краббе (1814-1876) составил докладную записку на имя императора Александра II (1818-1881), в которой была подробно обоснована необходимость организации экспедиции в Атлантический океан[441]. Уже 25 июня того же года Александр II дал высочайшее разрешение на посылку морской эскадры в Атлантический океан[442]. 2 июля флагманом было

[441] Докладная записка управляющего морским министерством генерал-адъютанта Н. К. Краббе Александру II о посылке эскадры в Северную Америку / Посылка двух русских эскадр в Северную Америку // Историк-марксист. – 1936. – 3(055). – С. 101-115 (URL: https://america-xix.ru/library/efimov-squadron/ дата обращения: 12.04.2024)

[442] Там же

решено назначить капитана 1-го ранга С.С. Лесовского (1817-1884). Последний также получил повышение до воинского звания контр-адмирала. Примечательно, что, согласно надписи на вышеупомянутой записке Краббе на имя царя, Лесовский был повышен за добросовестный сбор информации по военно-морскому делу США, конкретнее «по постройке броненосных судов в Америке»[443]. Из данного факта видно, какое большое значение до 1863 г. придавалось в правящих и военных кругах России изучению и перениманию американских военных технологий.

14 июля 1863 г. морским министерством была составлена специальная инструкция на имя С.С. Лесовского[444]. Состав вверенной ему эскадры теперь был следующим[445]:

1. Три фрегата (вместо двух, как планировалось ранее) – «Ослябя» под командованием капитана 1-го ранга И.И. Бутакова (1822-1882) (35 боевых орудий, 455 чинов в экипаже), «Александр Невский» под командованием капитана 1-го ранга М.Я. Федоровского (1825-1881) (50 орудий, 719 чинов, капитан 1-го ранга М.Я. Федоровский) и «Пересвет» под командованием капитан-лейтенанта Н.В. Копытова (1833-1901) (43 орудия, 569 чинов, капитан-лейтенант Копытов);
2. Два корвета – «Варяг» под командованием капитан-лейтенанта Р.А. Лунда (1827-1875) (17 орудий, 321 чинов) и «Витязь» под командованием капитан-лейтенанта О.А. Кремера (1829-1904) (17 орудий, 336 чинов);
3. Один клипер (вместо трех, как было запланировано в июне 1863 г.) «Алмаз» под командованием капитан-лейтенанта П.А. Зеленого (1833-1909) (5 орудий, 179 чинов).

---

[443] Там же

[444] Инструкция морского министерства контр-адмиралу Лесовскому 14 июля 1863 г. № 120 / Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия // Красный архив. – 1930. – 1(38). – С. 148-163

[445] Там же. С. 152; Болховитинов Н.Н. Русские эскадры в США в 1863-1864 гг. // Новая и новейшая история. - 1996. - № 5. – С. 198-199

В черновом наброске Н.К. Краббе предписывалось организовать для видимости программу учебного заграничного плавания. Под предлогом и «прикрытием» данной программы предполагалось вывести во внешние воды военную эскадру. Посылаемый флот, в случае начала новой войны с коалицией западноевропейских стран, должен был «нанести всевозможный вред» торговле вражеских государств[446].

Под предлогом и «прикрытием» данной программы предполагалось вывести во внешние воды военную эскадру. Посылаемый флот, в случае начала новой войны с коалицией государств Западной Европы, должен был «нанести всевозможный вред» торговле вражеских государств[447].

Прибытие русских военных судов вызвало оживленную реакцию общественного мнения среди политиков, публицистов, деятелей культуры.

Нью-йоркскую прессу как источник по истории русско-американских отношений эпохи войны Севера и Юга, в свое время рассмотрел М.М. Малкин. В частности, именно им были выявлены причины и корни появления мифа о русско-американском союзе времен гражданской войны в США, которые исследователь вывел из влияния печати[448]. Исследователь доказал, что в действительности Россия заняла позицию благожелательного нейтралитета.

Как отмечает Н.Н. Болховитинов, «New York Times» «регулярно и подробно освещала пребывание русской эскадры»[449]. Первые сообщения о прибытии русских кораблей к берегам США стали появляться на страницах газеты уже в середине

---

[446] Первоначальный набросок плана посылки эскадры в Америку (Черновая запись управляющего Морским министерством генерал-адъютанта Н. К. Краббе) / Посылка двух русских эскадр в Северную Америку // Историк-марксист. – 1936. – 3(055). – С. 101-115 (URL: https://america-xix.ru/library/efimov-squadron/ дата обращения: 12.05.2024)

[447] Там же

[448] Малкин М.М. Гражданская война в США и царская Россия / Под ред. и с пред. акад. Тарле Е.В. М.-Л., 1939. С. 278-281

[449] Болховитинов Н.Н. Русские эскадры в США в 1863-1864 гг. // Новая и новейшая история. – 1996. – № 5. – С. 201

сентября 1863 года[450]. Так, в номере за 12 сентября была напечатана заметка о прибытии за день до этого в порт Нью-Йорка первого корабля из атлантической эскадры С.С. Лесовского – парового фрегата «Ослябя». Был отмечен торжественный характер приема судна: «По прибытии на остров Говернорс он [фрегат] салютовал форту, на что получил ответ. Сейчас он стоит на якоре у Бэттери»[451].

Спустя несколько дней, 18 сентября в номере была опубликована пространная статья «Правительство города», важное место в которой занимал текст доклада мэра Нью-Йорка Д. Опдайка (1805-1880) об официальном визите к нему со стороны И.И. Бутакова и генерального консула Российской империи барона К.Р. фон дер Остен-Сакена (1828-1906), представленный Общему совету. Из самого доклада видно, что прибытие «Осляби» расценивалось, прежде всего, как благожелательный акт со стороны русского правительства.

Гостеприимство, оказанное судну империи властями северных штатов, характеризовалось как акт благодарности за благожелательный нейтралитет, занятый Россией в начале войны Севера и Юга и протест против замыслов об интервенции, планировавшейся Англией и Францией еще в 1861 году. Была особо отмечена «признательность, которую испытывает муниципальное правительство города к русской стойкости и верности международным обязательствам в отличие от курса, который некоторые другие европейские державы сочли нужным занять во время наших внутренних беспорядков»[452]. Далее приводилась выдержка из резолюции американского президента А. Линкольна (1809-1865) для Общего совета Нью-Йорка оказать фрегату должный прием, так как это даст возможность «муниципальным властям и жителям этого города в небольшой степени отплатить

[450] New York Times. September 12, 1863. P. 8
[451] New York Times. September 12, 1863. P. 5
[452] New York Times. September 18, 1863. P. 2

взаимностью за выраженное чувство дружбы, проявленное русской нацией к правительству и народу этой страны»[453].

24 сентября 1863 года на страницах издания были опубликованы первые сообщения о скором прибытии к берегам Нью-Йорка подкреплений в виде дополнительных «четырех или пяти судов» российского флота.

Тон газеты с самого начала был неизменно дружественным и почтительным. Как сообщалось в том же номере от 24 сентября, для команды «Осляби» были запланированы торжественный прием в Сити-холл и банкет в «Метрополитене». Однако мероприятия было решено отложить до прибытия остальных сил эскадры. В том же номере были приведены отзывы корреспондентов газеты, исключительно положительные и высокие, о командирах судна. Особо были отмечены познания российских офицеров в разных областях, их «джентльменская манера поведения» и всеобщее владение несколькими языками, в особенности английским[454]. Когда 29 сентября было объявлено о подготовке официального приема, «New York Times» детально описала планы: «Олдермен Фарли и мистер Бул, вернувшись в 3 часа дня, доложили, что они посетили русский флагман и после беседы с адмиралом договорились, что прием состоится в четверг»[455].

Словно смакуя прибытие русской эскадры, на следующий же день, 25 сентября, в «New York Times» была помещена новая заметка с недвусмысленным заголовком «Русский флот». Были приведены уточненные данные об остальных кораблях атлантической эскадры – двух паровых фрегатах «Александр Невский» и «Пересвет» (ошибочно названном «Гересвет»), двух корветах «Варяг» и «Витязь, клипере «Алмаз. В номере подробно освещались технические характеристики кораблей, сведения об их командирах и экипажах. Большое значение придавалось подготовке торжественных мероприятий и церемоний, с помощью которых нью-

[453] Ibid.
[454] New York Times. September 24, 1863. P. 2
[455] New York Times. September 30, 1863, P. 5

йоркские власти и общественность планировали встретить русских, отметить их прибытие[456].

Наконец, в номере «New York Times» за 26 сентября была помещена достаточно крупная статья с характерным заголовком «Наши морские гости. Русский флот в гавани». Редакторы газеты, как и ранее, не скупились на «пышные» высказывания и эпитеты. В то же время, были освещены и некоторые новые аспекты. Подчеркивалось политическая осведомленность о внутренней обстановке в Америке русских офицеров, их сочувствие делу президента А. Линкольна по сохранению и восстановлению Союза[457].

Рассматриваемый выпуск периодического издания отображает и отношение прессы северных штатов к политической подоплеке экспедиции. Например, для отображения дипломатической ситуации приводятся данные из копии депеши, продемонстрированной исполнительным офицером Бруклинской верфи лейтенант-коммандером Филлеброуном, с письмом послу Российской империи в Вашингтоне Э.А. Стеклю от министра военно-морских сил США Г. Уэллса. В номере был приведен именно тот фрагмент, о котором сам министр писал, что «эскадра русских военных судов прибыла в Нью-Йорк с целью, как предполагается, посетить этот город»[458]. Акцент именно на эту характеристику не должен удивлять, ведь именно таким образом воспринимала газета цели прибытия русского флота: как дружеский визит с целью демонстрации близких отношений между странами. Именно такая характеристика прослеживается во всех последующих выпусках «New York Times», в которых затрагивалась тема прибытия и присутствия русских кораблей.

В целом, номера «New York Times», посвященные непосредственно прибытию русских судов к атлантическому побережью США, рисуют крайне благожелательную и даже восторженную картину происходящего: они наполнены положительными отзывами, благими пожеланиями. Чувства, которые

[456] New York Times. September 25, 1863. P. 2
[457] New York Times. September 26, 1863. P. 5
[458] Ibid

выказывались при встрече флота России, могли быть выражены при встрече флотов или армий дружественных или даже союзных государств.

Анализируя подобные статьи, необходимо помнить о разнице между мнением определенных военных кругов или общественности, с одной стороны, и официальной государственной позицией, с другой. Так, А.М. Горчаков в уже рассматриваемой депеше от 10 октября 1863 г. предписывал Э.А. Стеклю следить за политическими высказываниями команд отправленных кораблей, предотвращать выражение в их речах симпатий или негатива по отношению к той или иной силе на международной арене: «Мы хотели бы быть уверены, что наши храбрые моряки… воздержатся от того, чтобы придавать своим речам характер, угрожающий какой бы то ни было державе, и чтобы тем самым давать повод к предположениям, не входящим в наши намерения и не соответствующим нынешней политике»[459].

Среди военнослужащих прибывшей в Нью-Йорк русской эскадры числился и девятнадцатилетний мичман, будущий великий композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков, чьи впечатления от этого плавания стали мостом между флотской службой и будущим музыкальным гением. Экспедиция, длившаяся два года и восемь месяцев, имела не только стратегическое значение – она стала для композитора школой жизни, подарившей ему уникальный опыт, позже воплотившийся в партитурах.

Наиболее интересной и примечательной частью упомянутой выше статьи «New York Times» за 26 сентября являются косвенные сведения о военно-технологическом сотрудничестве между двумя странами до 1863 г., позволившем произвести переворот в военном оснащении российского морского флота. Так, большое внимание уделялось воспоминаниям о русско-американских связях середины 1850-х гг.[460] Тогда, в условиях разразившейся Крымской войны,

[459] Письмо А.М.Горчакова посланнику России в США Э.А.Стеклю. 10/22 октября 1863 г. С.-Петербург // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения: сб. док. – М., 1998. С. 281

[460] New York Times. September 26, 1863. P. 5

отношения между двумя странами также были дружественными, а в царскую империю направилось большое число добровольцев, медиков и технических специалистов из далекой заокеанской республики[461]. В статье был приведен рассказ о визите в полдень на фрегат «Александр Невский» лейтенант-коммандера Филлеброуна, который многими представителями русского командования был признан «старым другом, плававшим с ними во время Крымской войны в водах европейского Севера. Будучи представленным адмиралу, мистер Филлеброун был поражен, обнаружив еще одного старого друга, который в последнее время был русским представителем в городе [Нью-Йорке], изучая ход работ по созданию наших железных крейсеров». Авторами была выделена такая черта русских коллег, как быстрое и качественное усвоение американского военно-морского опыта. К примеру, при повествовании об упомянутом русском представителем в газете писалось следующие: «Наш репортер узнал в нем того самого, кто во время пробного плавания "Монтаука" продемонстрировал глубокие познания в морской артиллерии»[462].

Подчеркивалось наличие у судов эскадры С.С. Лесовского американских образцов вооружения, в том числе новейших, не характерных для флотов других стран: «Отрадным свидетельством заслуг наших морских артиллеристов является то, что на борту этих русских кораблей установлены знаменитые орудия Дальгрена. На флагманском корабле, например, обычно используются гладкоствольные 68-фунтовые пушки, которые в течение многих лет устанавливались на главной палубе наших фрегатов; такие пушки также используются на спардеке в качестве боковых и поворотных орудий, поскольку орудия большего калибра еще не были приняты иностранными государствами. Гаубицы, которые так часто используются на наших небольших судах, также находятся на борту русских кораблей»[463].

---

[461] Пономарев В.Н. Крымская война и русско-американские отношения. – М.: ИРИ РАН, 1993. С. 86-92

[462] New York Times. September 26, 1863. P. 5

[463] Ibid.

Отдельно отмечались успехи военных преобразований императора Александра II, эволюция российского флота, который «уже некоторое время находится в процессе реконструкции, вызванной быстрым развитием военно-морского прогресса, который так сильно отличается от того, что было несколько лет назад». Для большей наглядности были перечислены все имевшиеся на тот момент у империи морские силы с конечной оценкой русского военного флота как «одного из лучших в мире»[464].

Корреспонденты отмечали, что корабли «содержатся в образцовом порядке, идеально чисты и демонстрируют высочайший уровень морской дисциплины». В частности, о фрегате «Александр Невский» писали: «Это прекрасный образец судостроения, мощный и быстроходный, вооруженный сорока двумя орудиями, в основном крупного калибра. Его экипаж насчитывает около шестисот человек, все они выглядят крепкими, здоровыми и хорошо обученными»[465]. Эти военно-технические описания (24 публикации из 83 за 1863-1864 гг., 28,92%) служили не просто констатацией фактов, а создавали образ современной, грозной и эффективной военно-морской силы, что было немаловажно для публики северных штатов, флот которых был скован блокадой побережья Конфедерации.

Также «New York Times» фиксировало и другие аспекты повседневной жизни эскадры. Публиковались сообщения о перемещениях кораблей (10 публикаций из 83, 12,05%), в частности, между Нью-Йорком, Аннаполисом и Бостоном, о визитах офицеров в Вест-Пойнт и на Ниагарский водопад. В начале 1864 года, 10 января, газет опубликовала письмо контр-адмирала Лесовского, в котором он, в частности, выражал американской делегации «чувство глубокой признательности за оказанную честь»[466]. Это письмо, будучи официальным жестом, было мастерски использовано газетой для дальнейшего доказательства впечатления о взаимной симпатии.

[464] Ibid.
[465] Ibid.
[466] New York Times. January 10, 1864, P. 6

Первоначальная реакция на присутствие русских кораблей затем поддерживалась на протяжении всего 1863 года, что отдельно подчеркивал Н.Н. Болховитинов: «Никогда ранее такого внимания к России не наблюдалось. Буквально весь город приветствовал русских моряков»[467].

Политический подтекст визита постоянно витал в воздухе и становился объектом для комментариев в номерах «New York Times» (16 публикаций из 83, 19,28%). «Россия», «Наши русские гости», «Визит на русские эскадры», «Русско-американский альянс» – такими заголовками пестрели выпуски «New York Times» в течение указанного времени. Наиболее интересен и примечателен из них последний. Выражение дружеских чувств со стороны прессы в дальнейшем дошло до утверждений в газете, что две державы действуют в едином и тесном политическом фарватере, едва ли не в рамках тайного военного союза[468]. Не случайно такой упор делался именно на технические данные русских судов: редакторы оценивали ту потенциальную поддержку, которую может оказать российский флот северным штатам в гражданской войне. «Наши нынешние посетители составляют эффективную и грозную силу, которая вполне может постоять за себя при любых обстоятельствах»[469].

Итак, в номерах рассматриваемого издания за1863 г., вместе с освещением непосредственно прибытия русских эскадр, нашла место и тема внутренней политики тогдашнего царя, проводимых им преобразований и модернизации страны. Особая роль, исходя из самой темы вышеозначенных выпусков, отводилась именно проводимой военной реформе, ее итогам и успехам в виде новейших образцов техники на вооружении российского флота. Данное обстоятельство рассматривалось, в первую очередь, как следствие обмена военно-морским опытом между двумя государствами и международного влияния самих американских

[467] Болховитинов Н.Н. Русские эскадры в США в 1863-1864 гг. // Новая и новейшая история. – 1996. – № 5. – С. 201

[468] New York Times. October 28, 1863. P. 1

[469] New York Times. September 30, 1863. P. 4

специалистов. Можно сказать, что с помощью настолько подробной характеристики редакторы газеты давали оценку потенциального союзника своего государства, анализировали его возможности и потенциал на случай прямого участия в боевых действиях на стороне северных штатов.

Как можно видеть, редакторы «New York Times» особо подчеркнули взаимосвязи между обеими странами в начале 1860-х гг. Данные утверждения имели прямую связь с заявлениями о русско-американской дружбе, дополняли общую картину двусторонней дипломатии.

Тем временем, о невозможности подобной комбинации писал Э.А. Стеклю и глава российского МИДа: «Клей не делал нам никакого предложения о союзном договоре. Мы бы, впрочем, отклонили его как беспредметное»[470].

За многочисленными торжественными лозунгами и комментариями скрывалась истинная цель визита русской эскадры к берегам Северной Америки. В связи с этим, экспедиция не рассматривалась в рамках дипломатической подоплеки в Европе. Так, прибытие русских эскадр не упоминалось в рамках польского кризиса 1863-1864 гг., ставшего одной из основных причин возможного военного конфликта. Два события – польское восстание и морская экспедиция – рассматривались либо на разных страницах, либо, чаще всего, в отдельных номерах.

При этом львиную долю материалов (33 публикаций из 83, 39,76%) занимала насыщенная светская хроника. Время пребывания русской эскадры в Нью-Йорке превратилось в череду торжеств. Приемы, балы и экскурсии, устраиваемые в честь русских офицеров нью-йоркской элитой, городскими властями и русским консульством, описывались с невероятной тщательностью.

Апогеем этой череды торжеств стал грандиозный бал в честь эскадры, состоявшийся 5 ноября 1863 года в здании Музыкальной академии. «New York

[470] Письмо А.М.Горчакова посланнику России в США Э.А.Стеклю. 10/22 октября 1863 г. С.-Петербург // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения: сб. док. – М.: Международные отношения. 1998. С. 280

Times» анонсировал его как самое «великолепное зрелище»[471]. После проведения бала газета восторженно писала: «Имперский город Запада увенчал гостеприимство, оказанное своим имперским гостям с Востока, самым достойным образом очаровательным и блестящим фестивалем, который превратил прошлую ночь в самый яркий день на Ирвинг-Плейс»[472]. Корреспондент смаковал детали: «…толпа мужчин, предположительно храбрых, и женщин, явно прекрасных, собралась, чтобы продемонстрировать изящество, красоту и силу духа»[473]. Особое внимание в публикациях уделялось манерам гостей, отмечались галантность, образованность, начитанность и широкий кругозор русских офицеров[474].

Данные светские репортажи выполняли важную функцию культурной медиации, представляя американской публике Россию и ее посланников не как представителей «огромной и загадочной» «восточной автократии», а как цивилизованную европейскую державу, чьи элиты разделяют единые с общественностью США социальные коды и ценности.

Этот стратегический и дипломатический маневр, обусловленный сложной международной обстановкой вокруг Польского восстания и напряженностью в отношениях России с Великобританией и Францией, спровоцировал кардинальный пересмотр образа России в одним из ведущих американских изданий. Под влиянием политической целесообразности (Realpolitik) и непосредственных личных впечатлений от русских команд, газета осуществила радикальную «дез-ориентализацию» образа России, перейдя от представления о ней как о «деспотичной восточной автократии» к образу «цивилизованного естественного союзника» и друга дела Союза, сопроводив этот процесс обширными репортажами и десятками конкретных цитат.

---

[471] New York Times. November 5, 1863, P. 8

[472] New York Times. November 6, 1863, P. 3

[473] Ibid.

[474] New York Times. September 24, 1863. P. 2; New York Times. November 6, 1863, P. 3

Позитивная и тщательная реконструкция образа России осуществлялась тремя путями: детальное описание военно-морской мощи и порядка, комплиментарные портреты офицеров и адмирала, а также насыщенная светская хроника совместных мероприятий.

Н.А. Римский-Корсаков также отмечал радушие, с которым были встречены американскими гражданами команды русских боевых суден: «Американцы возили на Ниагару на свой счет, в видах гостеприимства, оказываемого ими русским заатлантическим друзьям. Мы были помещены в роскошном отеле. В поездке участвовали все офицеры и гардемарины нашей эскадры, разделенные на две партии»[475]. Молодой офицер, впервые оказавшийся в центре внимания иностранной публики, выступал и как пианист: «В ниагарском отеле меня заставили играть на рояле для увеселения общества. Я, конечно, сопротивлялся, ушел в свой нумер и выставил сапоги за дверь, притворяясь спящим; но, по приказанию Лесовского, переданному мне кем-то через дверь, должен был одеться и выйти в салон. Я сел за фортепиано и сыграл, кажется, краковяк и еще что-то из “Жизни за царя”»[476].

Однако за блеском приемов скрывался тяжелый труд. Клипер «Алмаз» патрулировал Атлантику, а экипаж, включая Римского-Корсакова, боролся с цингой и штормами. В дневниках композитор отмечал контраст между роскошью Нью-Йорка и суровостью океана: «Чудные дни и чудные ночи! Дивный, темно-лазоревый днем цвет океана сменялся фантастическим фосфорическим свечением ночью. Свет ныряющего среди кучевых облаков месяца в полнолуние просто ослепителен»[477]. Эти строки можно назвать ключом к пониманию его поздних сочинений: море, увиденное глазами моряка, стало для Римского-Корсакова не просто метафорой, а живой стихией. В «Шахерезаде»

[475] Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. – СПб.: Типография Глазунова, 1909. С. 42

[476] Там же

[477] Там же. С. 46

(1888) звуки скрипки имитируют шум прибоя, а в опере «Садко» (1896) бурные аккорды словно повторяют ритм волн[478].

Экспедиция 1863-1864 гг., как итог, не только обозначила новый рубеж в истории русско-американских отношений, но и подарила миру художника, сумевшего переплавить реальность плавания в звуки. Нью-Йорк, встретивший гардемарина овациями, стал для него не точкой на карте, а символом диалога культур – диалога, который нашел продолжение в его будущих произведениях.

Интенсивность освещения темы русской эскадры была чрезвычайно высокой с сентября 1863 по март 1864 гг., но в середине весны 1864 г. наступил явный спад. Это было связано с двумя ключевыми факторами.

Во-первых, непосредственная внешнеполитическая угроза войны России с Англией и Францией из-за Польши миновала, что снизило актуальность демонстрации военно-морской солидарности.

Во-вторых, русские корабли, вопреки иногда возникавшим слухам, не принимали участия в боевых действиях Гражданской войны, выполняя роль «символической силы в резерве». Примечательно, что в тех же мемуарах Римского-Корсакова проблема войны Севера и Юга в контексте воспоминаний об экспедиции носит второстепенный, «фоновый» характер, будучи выраженной в единственной формулировке: «Во все время нашей стоянки в Соединенных Штатах американцы вели свою междоусобную войну северных и южных штатов за рабовладельческий вопрос, и мы с интересом следили за ходом событий, сами держась исключительно в северных штатах, стоявших за свободу негров, под президентством Линкольна»[479].

---

[478] Михалева В.В. Гений Н. А. Римского-Корсакова в русской музыкальной культуре (к 175-летию композитора) // Вестник Пензенского государственного университета – № 4 (28). 2019. С. 6-7

[479] Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. – СПб.: Типография Глазунова, 1909. С. 43

Бездействие эскадры и отсутствие сенсационных новостей, связанных с ее прямым военным вмешательством, привели к закономерному снижению интереса редакции. Публикации стали более краткими и протокольными, сосредоточившись, главным образом, на новостях о перемещениях кораблей.

Итак, газета «New York Times» осветила многие аспекты прибытия русской атлантической эскадры к берегам Северной Америки. Важной темой выпусков о русских эскадрах, были дружественные отношения между США и Россией. Влияние печати, бурная деятельность изданий была видна и для русских дипломатических кругов. Так, в годовом отчете имперского МИДа за 1863 г. подчеркивалось, что экспедиция «произвела большую сенсацию, которая приняла еще большие размеры в результате необыкновенно активной деятельности печати в Соединенных Штатах»[480].

Анализ корпуса из 83 материалов издания за промежуток с сентября 1863 г. по июнь 1864 г. позволяет выделить несколько главных тематических кластеров, количественное распределение которых ярко иллюстрирует приоритеты газеты. На основе изученного массива заметок, статей и колонок можно выделить следующие основные темы:

1. **Светская хроника, приемы и общественные мероприятия.**

Эта доминирующая категория включала детальные отчеты о балах, обедах, экскурсиях, обменах делегациями и визитах вежливости.

2. **Военно-морские характеристики, состояние кораблей и экипажей.**

В этих публикациях акцент делался на демонстрации мощи русского военного флота и профессионализма команд.

[480] Из годового отчета Министерства иностранных дел России за 1863 г. // Гражданская война в США и Россия. К пребыванию русских военных кораблей в США (1863-1864 гг.) // Новая и новейшая история. – 1973 – № 6. С. 96

3. **Политический комментарий, дипломатический контекст и международные отношения.**

В рамках публикаций на данные темы «New York Times» трактовала визит как политическую демонстрацию и одно из выражений «политического альянса» США и России.

4. **Информационная хроника: перемещения кораблей, визиты в другие порты.**

Эти краткие сообщения в разделах «Marine Intelligence» или «City News» фиксировали логистику пребывания эскадры.

Таким образом, проведенный расширенный и консолидированный анализ с привлечением многочисленных конкретных цитат из «New York Times» и интеграцией выводов ключевых академических исследований позволяет понять, как под влиянием принципов «Realpolitik» ведущее американское издание осуществило радикальную операцию по медийной «дезориентализации» образа Российской империи. Образ «восточного тирана» и «азиатской деспотии», доминировавший в публикациях о Польском восстании в первой половине 1863 года, был в течение нескольких недель после прибытия эскадры Лесовского трансформирован в образ цивилизованной, могущественной, благородной державы – «естественного союзника» Севера в борьбе за национальное единство.

Этот процесс осуществлялся через тщательно выстроенное повествование, которые включали восторженные светские репортажи, делавшие русских «своими» для нью-йоркской элиты, детальные описания военно-морской мощи, опровергавшие миф об отсталости России, и прямые политические аналогии, сближавшие северные штаты с царской империей. История освещения визита Атлантической эскадры контр-адмирала Лесовского в «New York Times» можно назвать классическим доказательством, то медийные репрезентации Иного или Другого могут быть не отражением объективной реальности или фиксированной культурной данностью, а продуктом информационных практик, глубоко зависимых от сиюминутной политической конъюнктуры и стратегических

интересов стран, легко трансформируемым под давлением обстоятельств и переопределяемым через призму сиюминутной целесообразности. Этот эпизод стал беспрецедентной по своему размаху и эффективности кампанией публичной дипломатии XIX века, успех которой был целиком обусловлен тактическим совпадением положения обоих государств в конкретный исторический момент.

К лету 1864 года внешнеполитическая напряженность в Европе ослабла, и необходимость в дальнейшем пребывании эскадры отпала. В июне «New York Times» начала сообщать о приготовлениях военных судов к отплытию. Комментарии газеты, сохраняя уважительный тон, однако, утратили былую торжественность. Финальной точкой стала заметка от 17 июня 1864 года под заголовком «Отплытие русского флота», сухо констатировавшая: «Сегодня российский флот покинул американские воды и направился прямиком в Кронштадт»[481]. Тон остальных июньских публикаций был уважительным, но без прежнего восторга, подводившим итог завершившемуся историческому эпизоду.

На новейшем этапе в общественно-культурном поле США факт посещения американского государства русскими судами часто предается забвению. Так, еще в 2010 г. был подготовлен обширный сборник выдержек из «New York Times» за период от основания газеты в 1851 г. до окончания эпохи Реконструкции Юга в 1877 г., составленный Г. Хольцером и К. Симондсом[482]. Тем не менее, в издании не нашла места информация о прибытии и дальнейшем пребывании в нью-йоркской гавани в 1863–1864 гг. русских кораблей. Упоминания о данном историческом факте отсутствуют как в предисловии к сборнику за авторством экс-президента США Билла Клинтона[483], так и в обширной вводной части[484]. Среди всех

[481] New York Times. June 17, 1863, P. 8

[482] New York Times: Complete Civil War, 1861-1865 / edited by Holzer H. & Symonds C., foreword by Clinton B. – New-York: Black Dog & Leventhal Publishers, 2010 – 512 p.

[483] Ibid. P. 6-7

[484] Ibid. P. 8-19

приведенных в книге выдержек сообщения об атлантической эскадре также отсутствуют.

Вместе с тем сообщения из «New York Times» позволяют выявить состояние и эволюцию русско-американское дипломатии в 1861-1863 гг., а также их влияние на позицию прессы. Их содержание и характер отобразили симпатии в адрес России со стороны американской общественности. Особо были выделены такое аспект русско-американских отношений, как сотрудничество двух стран в военно-технологической и военно-морской сферах. Также в публикациях были обозначены факторы русско-американского сотрудничества в военно-технологической и военно-морской сферах, благожелательных отношений между военными кругами обеих стран, взаимных симпатий между американской и русской общественностью.

Освещение визита эскадры в «New York Times» было чрезвычайно плотным и позитивным. Анализ корпуса из 83 публикаций за указанный период позволяет снова выделить систему взаимосвязанных редакционных механизмов:

1. **Оперативное и детализированное информирование с применением «торжественных» описаний и выражений:**

- **первые сообщения и регулярность:** «New York Times» сообщила о прибытии флагмана эскадры, фрегата «Ослябя», в Нью-Йорк в середине сентября 1863 года, описав салюты и радостный прием. В дальнейшем газета публиковала заметки о перемещениях кораблей, обменах делегациями, общественными мероприятиями и т.д.
- **акцент на технические и военные детали:** значительный блок материалов был посвящен описанию кораблей, их тактико-технических характеристик, вооружения и состояния. Это подчеркивало мощь, современность и профессионализм русского флота, создавая мнение о России как о технологически развитом партнере.

- **публикация официальных документов и речей:** «New York Times» опубликовала письмо, обращения и речи обеих сторон с благодарностями американской стороне, используя эти официальные жесты для укрепления представлений о взаимной симпатии и уважении.

2. **«Гуманизация» и создание эмоциональной связи.**

В отличие от существовавшего ранее абстрактного и часто негативного восприятия Российской империи, русские команды в отдельности описывались при помощи:

- **акцента на личные качества:** офицеры и матросы последовательно описывались как «джентльмены», «галантные», «образованные», «высокого интеллекта». Это разрушало ранее устоявшиеся стереотипы и создавало позитивный человеческий облик российских военнослужащих.
- **детальное освещение светской жизни:** большая часть публикаций была посвящена банкетам, балам, приемам, экскурсиям офицеров в Вест-Пойнт и на Ниагарский водопад. Заголовки вроде ««Наши русские гости» и «Банкет в честь русских офицеров» формировали атмосферу гостеприимства и дружеского общения.

3. **Стратегическая интерпретация и внешнеполитическое позиционирование.**

«New York Times» не ограничивалась светской хроникой, а активно интерпретировала значение визита в выгодном для Севера ключе**:**

- **упор на «союзнические» отношения между Америкой и Россией:** газета напрямую увязывала присутствие эскадры с поддержкой дела Союза, представляя царскую империю как страну, которая отказалась присоединиться к европейскому предложению посредничества и протянула руку помощи в трудный для США час.
- **демонстрация военной солидарности:** подчеркивалось, что присутствие современного русского флота в американских водах служило сдерживающим

фактором для Великобритании и Франции, потенциально ограничивая их возможности по вмешательству в конфликт на стороне южных штатов.

- **селективное игнорирование конфликтных тем:** в период наиболее интенсивного освещения визита (сентябрь 1863 – март 1864 гг.) «New York Times» значительно «урезала» освещение польского восстания и жестоких мер царских властей по его подавлению. Это было сознательное замалчивание информации, которая могла бы омрачить позитивный облик России как союзника.

Совокупность описанных механизмов привела к радикальной трансформации медийного образа России в «New York Times» посредство тех приемов, что использовались для формирования образа Российской империи в контексте визита эскадры:

1. **Создание гибридного и ситуативно-позитивного образа России.** Восприятие России, доминировавшее в номерах газеты в связи с польскими событиями (архаичная, репрессивная «тюрьма народов»), было временно замещено представлениями о ней как о современной, могущественной и дружественной стране. Это новое отображение страны сочетало в себе черты военной мощи («могучие фрегаты») и цивилизованности («джентльмены-офицеры»).
2. **Инструментальность, прагматизм и практичность в становлении облика государства:**

- **Образ на службе внутренней политики.** Позитивное восприятие России складывалось не ради ее самой, а соответствовал интересам северным штатам. Новый облик царской империи служил: 1) моральной поддержке (демонстрация, что дело Севера находит отклик за рубежом); 2) психологическому давлению на Юг и его европейских покровителей; 3) консолидации общественного мнения на Севере вокруг правительства.

- **Временный и условный характер.** Новые характеристики страны были глубоко ситуативными. Их существование и позитивность напрямую зависели от совпадения дипломатических интересов двух стран в конкретный исторический момент.

Сопоставление механизмов освещения двух ключевых тем – польского движения и визита атлантической эскадры – выявляет как общие принципы редакционной политики издания, так и кардинальные различия в подходах. Конечно, эти две проблемы представляют собой разные события: в первом случае речь идет о волнениях в одном из регионов обширной империи с целью отделения и восстановления независимости (своего рода «внутренней войне»), во втором случае – об отправке военных судов к берегам другой страны на случай масштабного внешнеполитического конфликта. Сами по себе данные сюжеты отличаются друг от друга по причинам, предпосылкам, характеру и содержанию.

В то же время, надо учитывать несколько важных обстоятельств, вызывающих необходимость сравнения презентации этих двух проблем на страницах «New York Times». Во-первых, в обоих случаях одной из главных сторон была Россия, соответственно, освещение газетой этих вопросов касалось восприятия царской империи как государства. Во-вторых, польское восстание и визит русских эскадр почти совпали хронологически, развернувшись в 1863 г. В-третьих, два события, несмотря на всю разницу, были взаимосвязаны и тесно переплетены в плане международной подоплеки. Исходя из перечисленных обстоятельств, сопоставление характера освещений обеих тем в номерах «New York Times» позволяет раскрыть подвижность газетных установок, менявшихся в зависимости от обстановки и политической выгоды.

1. **Общие черты (преемственность высших принципов) публикаций изданий, посвященных русской атлантической эскадре, с материалами газеты, освещавших польский национальный вопрос (1860-1863 гг.):**
   - **Политическая инструментализация.** В обоих случаях освещение событий в России подчинялось политической повестке. Польское

восстание использовалось для критики автократии и проведения параллелей с борьбой за единство Союза. Визит эскадры – для демонстрации международной поддержки и укрепления позиций Севера.

- **Использование бинарных оппозиций:** В основе информирования лежало упрощение до схемы «“мы” и “они”», хотя содержание этих категорий менялось: в польском сюжете – «свободолюбивые поляки (жертвы) / деспотичная Россия (агрессор)»; в сюжете об эскадре – «США и Россия (союзники) / Великобритания и Франция (потенциальные противники)».

2. **Ключевые различия (тактика и результат):**
   - **Тон и эмоциональная окраска. Польский вопрос (1860-1863 гг.):** тон – критический, обвинительный, сочувственный к жертвам. Лексика: «деспотизм», «жестокость», «мученичество», «истребление»; **русская эскадра (1863-1864):** тон – восторженный, праздничный, дружественный. Лексика: «наши гости», «наши друзья», «галантные офицеры», «могучие корабли», «братство», «союз».
   - **Точки зрения в освещении и акценты. Польский вопрос:** акцент на национальном угнетении (без конкретных примеров), репрессиях и насилии. Подача с точки зрения нарушения прав и свобод; р**усская эскадра:** акцент на техническом прогрессе, военной мощи и светском взаимодействии. Подача с позиции взаимного уважения и общих стратегических интересов.
   - **Характеристики России и ее правительства. Польский вопрос:** Россия как «тюрьма народов», «восточная деспотия» в Европе; р**усская эскадра:** Россия – модернизирующаяся великая держава, верный союзник.
   - **Отношение к противоречиям.** В **освещении польских событий** противоречие между реформаторским курсом Александра II и

репрессиями подавалось как лицемерие или слабость политического режима страны. В **освещении эскадры** это же противоречие было по большей части ликвидировано. Образ «России – душителя Польши» и образ «России-союзника» существовали, практически не пересекаясь в номерах «New York Times».

Анализ механизмов освещения визита русской атлантической эскадры в «New York Times» в 1863-1864 гг. наглядно демонстрирует, что формирование медийного образа другого государства являлось не объективным отражением реальности, а активным, прагматичным и глубоко ситуативным процессом конструирования.

Ключевым выводом является доказательство системного применения редакционных двойных стандартов. Одна и та же страна – Российская империя – и одно и то же правительство могли изображаться в диаметрально противоположном свете в зависимости от того, насколько их действия или сам факт взаимодействия с ними отвечали сиюминутным политическим интересам американского Севера, который отстаивала газета.

Итоговый образ России, сформированный в контексте визита эскадры, обладал следующими характеристиками:

1. **Ситуативно-позитивный:** его позитивность была жестко привязана к периоду совпадения внешнеполпитических интересов и физическому присутствию эскадры.
2. **Инструментальный:** он служил конкретным прагматическим целям внутренней и внешней политики.
3. **Амбивалентный и гибридный:** сочетал в себе элементы старого стереотипа («могучая, авторитарная империя») и нового конструктива («цивилизованный, технологичный союзник»).
4. **Селективный:** формировался через тщательный отбор фактов (акцент на мощь и гостеприимство) и смягчении, либо откровенном замалчивании, других (польские репрессии).

Таким образом, исследование подтверждает тезис о том, что в периодической печати XIX века, включая такую влиятельную газету, как «New York Times», образ иностранного государства являлся не объективной фиксацией реальности, а идеологическим коллажем, элементы которого вырезались и компоновались в соответствии с политической повесткой и редакционной линией. Освещение русского флота в Америке стало ярким примером того, как медиа могут осуществлять «идеологический переворот» в восприятии страны, демонстрируя предельную гибкость и подчиненность высшим, в данном случае – государственно-политическим, интересам.

В целом можно сказать, что номера газеты «New York Times» за 1863 г., посвященные прибытию русской атлантической эскадры к североамериканскому побережью, являются важным материалом для исследования и понимания исторического контекста эпохи гражданской войны. В нашей работе мы сделали попытку заполнить брешь в изучении вопросов о русско-американских отношениях, сотрудничестве и взаимовосприятии периода 1860-1864 гг. На основе анализа сообщений из «New York Times». Данный анализ может послужить основанием для дальнейших исследований.

Выводы к главе II

Проведенный анализ материалов «New York Times» за 1863-1864 гг. демонстрирует сложную динамику формирования образа России в американской прессе. Рассмотрение материалов данного периода раскрывает радикальную трансформацию облика России в американской прессе, обусловленную как интересами США в период Гражданской войны, так и внутренней логикой медийного конструирования «Другого». Исследование демонстрирует, что газета, выступая одним из инструментов пропаганды Севера, искусно манипулировала нарративами о России, создавая диаметрально противоположные представления в зависимости от текущих политических задач. Эта двойственность, однако, не была случайной: она отражала фундаментальное противоречие между идеологическим неприятием самодержавия и прагматической потребностью в международной поддержке.

Восстание в Польше 1863 года стало катализатором формирования негативного, ориенталистского восприятия России. Действия царских войск газета сравнивала с «варварством» Османской империи, создавая сложную систему отсылок, где Россия служила одновременно антагонистом и контрастным фоном для объяснения действий Союза.

В контексте польского мятежа российская политика снова репрезентировалась через ориенталистские стереотипы, на этот раз гиперболизированные: империя изображалась как репрессивная сила, подавляющая «европейские» устремления Польши. Эмоционально окрашенная лексика («деспотизм», «казачья жестокость» и т. д.), акцент на религиозном противостоянии православия и католичества, а также картина страданий гражданского населения создавали образ России как носителя азиатской деспотии. Этот подход коррелирует с саидовской концепцией «демонизации Востока», где акцент на экзотизации насилия служил укреплению морального превосходства западного наблюдателя.

Парадоксальным образом этот негативный облик государства был пересмотрен сначала во второй половине лета, а затем и осенью 1863 г., когда российская атлантическая эскадра прибыла в Нью-Йорк. Изучение материалов сентября-октября 1863 г. показывает, как «New York Times» совершила идеологический кульбит, превратив «деспотическую» Россию в «просвещенного союзника». В серии статей под заголовками «Наши русские гости» акцент сместился на технологическое превосходство российских кораблей, «джентльменские манеры» офицеров и «общие ценности» двух наций. Особенно показательно сравнение с материалами о польских событиях: если в февральско-мартовских публикациях подчеркивалась «варварская жестокость» российской армии, то в сентябрьских репортажах ее офицеры и солдаты представали в качестве благородных воинов. Такой разрыв в оценках объясняется не только политической конъюнктурой (необходимостью противодействия британско-французскому вмешательству), но и глубинными механизмами медийного мифотворчества, где факты подчинялись логике «удобной правды».

Особую роль в изменении образа России сыграла военно-техническая риторика. Описания российских кораблей в гавани Нью-Йорка акцентировали внимание как на их боевую мощь, так и на представленный ими «символический жест братства», что контрастировало с традиционным для американской прессы скепсисом в отношении иностранных флотов.

Независимо от конкретного сюжета, деятельность газеты в 1863-1864 гг. определялась набором базовых механизмов, обусловленных ее идеологической и политической ангажированностью:

1. **Политическая инструментализация.** Высшим законом редакционной политики было подчинение освещения любых внешнеполитических событий внутриамериканской политической повестке, а именно – поддержке правительства Авраама Линкольна и дела северных штатов в Гражданской войне.

Россия и ее действия рассматривались не как самостоятельный объект изучения, а как функциональный инструмент, служащий нескольким целям: 1) укреплению морального духа Севера; 2) оправданию собственных мер против Конфедерации; 3) оказанию психологического давления на европейских соперников (Великобританию и Францию).

2. **Антагонистические противопоставления.** Для адаптации сложных международных событий к восприятию массовой аудитории «New York Times» последовательно использовала прием сведения конфликта к бинарным оппозициям. Однако содержание этой схемы кардинально менялось в зависимости от сюжета.

- **В контексте польских событий:** Свободолюбивые поляки (жертвы, европейцы) / Деспотичная Россия (агрессор, варвар).
- **В контексте русской атлантической эскадры:** США и Россия (союзники, цивилизованные нации) / Великобритания и Франция (потенциальные противники, пособники рабовладельческих штатов).

3. **Освещение внутренней политики: польское восстание 1863 года.** После начала польского восстания оценки «New York Times» стали открыто обвинительными. Основными темами стали партизанские стычки, репрессии властей и действия карательных отрядов. Россия изображалась как своеобразный «турецкий деспот в европейском мундире», что позволяло создать моральный ориентир для осуждения.
4. **Освещение внешней политики: визит русской атлантической эскадры (сентябрь 1863 – июль 1864 гг.).** Механизмы освещения были радикально перестроены для конструирования образа дружественной и могущественной державы.

- **Тема «братства» и «естественного» союза.** Прибытие эскадр под командованием адмирала Лесовского было представлено как жест горячей симпатии и поддержки делу Союза со стороны России. Акцент сместился

с политики на светскую хронику и технические детали: большинство публикаций были посвящены балам, приемам и банкетам. Детально описывались корабли, подчеркивались технологические достижения России в сфере военного флота.

- **«Гуманизация» образа России.** Представления о «варварстве», «дикости» и «казачьей жестокости» русских войск были заменена образом конкретных «джентльменов-офицеров», галантных, образованных и высокоинтеллектуальных. Это разрушало стереотип о «варварских казаках», создавая позитивную эмоциональную связь с американской аудиторией.
- **Селективное замалчивание.** В период наиболее активного освещения визита русских кораблей информация о продолжавшихся в Польше событиях на страницах «New York Times» была значительно сокращена и смягчена. Газета, таким образом, осуществляла сознательное редакционное раздвоение, позволяя двум взаимоисключающим образам России сосуществовать, не пересекаясь и заменяя друг друга.

Выявление и определение механизмов формирования восприятия России в публикациях «New York Times» за февраль 1863 – июль 1864 гг. позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, национальные интересы США в конечном счете возобладали в номерах издания над идеологическими и культурными установками. Освещение событий 1863-1864 годов наглядно показало, что либеральная риторика о свободе и правах народов (в польском вопросе) мгновенно отступала перед потребностью в поддержке со стороны авторитарной империи.

Во-вторых, важной особенностью материалов «New York Times» о России стало «редакционное двоемыслие». Главным выводом является доказательство системного применения сознательных двойных стандартов. Издание не стремилось к непротиворечивому образу России. Напротив, оно мастерски

манипулировала двумя взаимоисключающими образами – «Россия-душитель» (внутренняя политика) и «Россия-союзник» (внешняя политика).

В-третьих, освещение положения и событий в России привело к становлению расщепленного, но функционального облика страны. К лету 1864 года в «New York Times» сложился специфический, даже диссоциативный, образ царской империи, обладающий следующими чертами:

1. Лишенный внутренней целостности, состоящий из контрастных, зачастую нестыкующихся черт;
2. Крайне подвижный и управляемый извне, меняющийся в зависимости от политической конъюнктуры.

Таким образом, механизмы освещения внутренней и внешней политики России в «New York Times» 1863-1864 гг. представляли собой не отражение объективной реальности, а процесс активного, осознанного и глубоко прагматичного мифотворчества. Этот процесс был всецело подчинен главной цели – обеспечению информационной поддержки политики кабинета А. Линкольна и Республиканской партии в момент перелома Гражданской войне, демонстрируя, как медийные репрезентации мощного государства могут быть радикально пересмотрены в угоду сиюминутным государственным интересам страны и властей.

Смещение интересов редакции в освещении российских событий полностью отражало это ситуативное переключение риторики. Такой двусторонний характер оценок подтверждает тезис о гибкости ориенталистских конструкций, которые адаптируются под текущие интересы государств.

Заключение

Проведенное исследование формирования образа России в прессе США первой половины 1860-х гг. на примере газеты «New York Times» позволило не только реконструировать ключевые нарративы о России в контексте эпохи, но и выявить глубинные механизмы конструирования «другого» в медийном пространстве. Анализ 352 публикаций продемонстрировал, как американская пресса эпохи Гражданской войны стала полем столкновения внешнеполитической прагматики и культурных стереотипов, где образ России одновременно служил инструментом легитимации дипломатического курса и зеркалом для национальной самоидентификации США.

Рассмотренный нами период занимает особое место в истории русско-американских отношений и взаимных представлений. Это время, полное драматических событий и решительных поступков, войн и реформ, выдающихся личностей и подъема общественной активности, стало переломным как для одной, так и для другой страны. Рассматриваемая эпоха дала прекрасный пример «мирного сосуществования» двух стран, чрезвычайно далеких друг от друга: географически, экономически, политически и культурно.

Несмотря на распространенную в Америке того периода идею об общности судеб двух великих держав, различий было гораздо больше, чем сходства, что не остановило развития и укрепления связей дипломатических, экономических и культурных связей между двумя странами. Сближение государств привело к более близкому знакомству и двух народов. Если до середины XIX столетия включительно периодическая печать лишь фрагментарно затрагивала тему России, то с конца 1850-х – начала 1860-х гг. сведения о далеком (как географически, так и культурно) друге достаточно широко распространяются среди редакторов изданий. Именно в этот период контакты между обеими странами с высокого международного дипломатического уровня распространяются на уровень общения между народами, отдельными

индивидуумами, представителями двух дружеских государств. Об этом явно свидетельствуют и рост числа публикаций о царской империи той же «New York Times» с 1860 г., и увеличение объема статей и колонок.

Проведенное исследование свидетельствует, что именно в первой половине 1860-х гг. в американской нью-йоркской прессе шло активное формирование представлений о России, складывался тот образ страны, который на многие годы определил восприятие империи американцами. Причин, обусловивших подобную активность, было много, как внешне-, так и внутриполитических. Редакции республиканских газет Нью-Йорка, часто являясь членами партии и сторонниками администрации президента А. Линкольна, использовали пример России для обоснования, скрытого и явного, политики северных штатов.

Развитие средств массовой информации сыграло одну из ключевых ролей в деле конструирования представлений американцев о других странах. Газета становилась неотъемлемой частью жизни американцев всех слоев. Именно она, сильно подешевевшая в эти годы, увеличившаяся в объеме и тиражах, становится для большинства американцев главным поставщиком информации, в частности и о внешнем мире.

Одним из наиболее активных периодических изданий Севера, как мы неоднократно отмечали в нашей работе, была «New York Times». Временной промежуток становления образа России в прессе США практически совпал с периодом формирования, распространения и «возвышения» газеты. Эволюция «New York Times» во второй половине 1850-х – первой половине 1860-х гг. имела свои характерные черты, среди которых следует выделить следующие:

1. **В номерах газеты печатались сведения обо всех основных политических событиях 1850-х – первой половины 1860-х гг.**

В объективе ее внимания были самые значимые стороны жизни США – курс правительства, борьба между разными фракциями, политические дебаты и дискуссии, выборы на государственные должности и посты и т.д.;

2. **Большое, если не определяющее, значение в деле формирования газеты, ее широкого распространения и становления как авторитетного издания имела личность ее основателя – Генри Джарвиса Рэймонда.**

Будучи личностью с твердой гражданской и политической позицией, человеком образованным и проницательным, а также активным журналистом, Рэймонд всегда находился в гуще событий. Он умел устанавливать и налаживать связи с нужными людьми, а также стремился, чтобы созданная им газета следовало по «горячим следам» государственной жизни, в кратчайшие сроки и на высоком уровне освещала новости в сфере политики;

3. **При освещении новостей издание имело ярко выраженную республиканскую и про-линкольновскую направленность.**

В период, когда абсолютное большинство газет имели ту или иную партийную направленность, «New York Times», несмотря на свою взвешенность в освещении событий, не была исключением. Редакция поддержала самую популярную политическую силу Севера – республиканцев, чьи лозунги и программа вызывали соответствовали чаяниям многих слоев населения США;

4. **Переломным моментом в истории «New York Times» стала президентская кампания США в 1860 году.**

Поддержка кандидатуры А. Линкольна и приветствие его победы на выборах позволили Рэймонду сблизиться с новоизбранным главой страны и начать с ним личную переписку, в которой обсуждались разные стороны политического развития;

5. **Газета имела широкое распространение, пользовалась спросом в обществе и популярностью в государственных верхах.**

Данное достижение можно следствием всего предшествующего развития «New York Times». Качественный стиль повествования, обращение к темам, по-настоящему беспокоившим граждан, разные оценки приводившихся фактов, использование всех имевшихся на тот момент достижений журналистики и, в конечном счете, связи с образованным в 1860-1861 гг. кабинетом правительства

позволили изданию приобрести статус газеты государственной значимости. Можно сказать, что «New York Times» играла одну из ключевых ролей в формировании общественного мнения рассматриваемой эпохи.

Издатель газеты Рэймонд жил во время, когда мышление и взгляды основной массы американцев складывались с помощью газет. На неспособность большинства граждан самостоятельно выработать собственную позицию указывали многие деятели середины XIX века. Издание предприняло попытку несколько изменить ситуацию: озвучивая разные оценки проблемы, используя различные мнения при подходе к вопросу, внедряя плюрализм суждений, «New York Times» как будто предлагала читателю самому обдумать тему, приглашала его к своеобразному диалогу. Эта особенность во многом определила положение данной газеты как одной из движущих сил общественно-политической жизни страны. В течение своей последующей истории «New York Times» поменяла политическую ориентацию, перейдя к поддержке Демократической партии, однако традиции, заложенные ее основателем Рэймондом накануне войны Севера и Юга, она пронесла через многие десятилетия. Большинство популярных нью-йоркских изданий той поры, включая «New York Herald» или «New York Tribune», прекратили свое существование в XX столетии. И лишь «New York Times» не только сохранилась до наших дней, но и вышла на лидирующие позиции, став рупором американской журналистики.

Совершенные анализ и характеристика материалов издания, выходивших во временной промежуток 1860-1864 гг., позволяет сформулировать ключевые закономерности восприятия России, которые были обусловлены идеологической амбивалентностью и внешнеполитическим прагматизмом редакционной политики газеты:

1. **Миф о «царе-реформаторе» / реальность имперской политики**

Образ Александра II как «освободителя» крестьян (1861 г.) стал краеугольным камнем пророссийских оценок, используемого для укрепления имиджа России как «прогрессивной державы». Однако этот миф существовал в

отрыве от освещения событий в Царстве Польском, где действия империи – от разгонов манифестаций (1860-1861гг.) до подавления восстания 1863 г. – последовательно клеймились как «варварские» и «реакционные». Двойственность достигала абсурда: в одном месяце «New York Times» могла восхвалять царя за отмену крепостного права и одновременно обличать российскую власть как тиранию, подавляющую свободу других народов (апрель 1861 г.).

2. **Польский вопрос: от морального осуждения к молчаливому компромиссу**

Если до июля 1863 г.«New York Times» открыто поддерживала польское восстание, противопоставляя «благородный порыв к свободе» «эгоистичному сепаратизму Юга», то после битвы при Геттисберге тон резко сменился. Осознание ценности России как потенциального союзника против Англии и Франции заставил газету сначала смягчить тон в отношение репрессий, а затем и вовсе замолчать их. Этот разрыв между риторикой и реальностью раскрыл приоритет политической целесообразности над принципами: свобода Польши была принесена в жертву интересам Севера.

3. **Визит эскадры контра-адмирала С.С. Лесовского: триумф пропаганды**

Прибытие русских кораблей в Нью-Йорк в 1863 г. и их атлантическая экспедиция в целом стали кульминацией мифотворчества. «New York Times» изображала эскадру как «символ русско-американского братства», замалчивая, что ее цель – давление на Британию в ответ на поддержку Польши. Восторженные репортажи о «галантных офицерах» и «мощных фрегатах» создавали образ России как «технологически продвинутой» державы, маскируя ее репрессивную сущность. Это позволило газете разделить образ империи: «варвар» в Варшаве / «союзник» в Нью-Йорке.

4. **Двойные стандарты как система**

Критика России никогда не ставила под сомнение стратегическое партнерство. Этот подход позволял сохранять лояльность к Александру II, списывая репрессии на «консервативное», «реакционное окружение».

5. **Идеология / реальная политика**

Позиция «New York Times» во многом и определялась внутриамериканским контекстом: до лета 1863 г. моральная поддержка газетой Польши укрепляла моральный статус Севера, противопоставляя «справедливый» и «несправедливый» сепаратизм. После перелома в войне Севера и Юга акцент постепенно начал смещаться на прагматизм: смягчение оценок стало своеобразной платой за дипломатическую поддержку от Британии и Франции. Реформы Александра II и экспедиция русского флота использовались для оправдания союза с «деспотией» через популистский лозунг о «близости свободных наций», с одной стороны, и «морском братстве» – с другой.

На страницах «New York Times» сложился гибридный образ России, в рамках которого империя представала одновременно как «тюрьма народов» и «носитель прогресса». Это противоречие отражало не только двойственность самой Российской империи, но и идеологическую гибкость американской прессы, готовой жертвовать принципами ради политических целей. Польское восстание и визит эскадры С.С. Лесовского обнажили главное: в условиях тотальной войны даже либеральные издания становятся одним из инструментов пропаганды, где правда определяется не моралью, а интересами момента.

Основные нарративные стратегии

Анализ материалов «New York Times» выявил три взаимосвязанных образа России, последовательно выстраивавшихся редакцией:

1. «**Восточная автократия**» – облик России как отсталого государства восточного типа, упор на тиранический характер русской власти.

2. «**Прогрессивная страна**» – акцент на реформах Александра II и отмене крепостного права, которое подавались как аналог американской борьбы за «свободу и равенство».
3. «**Естественный союзник**» – риторика о «русско-американской дружбе», подкрепленная визитом русских эскадр в 1863–1864 гг. Репортажи о торжественных приемах в Нью-Йорке создавали образ «братства по оружию», хотя реальной военной коалиции не существовало.

Так, в ходе исследования было выявлено амбивалентное восприятие России редакцией «New York Times» как уникального синтеза «восточной тирании» и «европейской модернизации». Этот парадоксальный образ, сочетавший элементы ориенталистские стереотипы и восхищения реформами, отражал не только противоречивость самой российской действительности, но и идеологические потребности американского общества, искавшего в России одновременно «другого» и «союзника».

Газета последовательно подчеркивала двусторонность российской идентичности, представляя империю как пространство, где «азиатская отсталость» соседствует с «прогрессивными устремлениями». Данная характеристика позволяла «New York Times» сохранять критическую дистанцию, не отказываясь от мифа о «прогрессивном царе», и наоборот – давать высокую оценку Александру IIкак просвещенного правителя, не отрекаясь от образа «восточной тирании».

Ориенталистские клише проявлялись в описаниях российского общества как архаичного и стагнирующего: дворянское сословие погрязло в крепостничестве и костных традициях, а крестьяне безмолвны и безынициативны. Однако параллельно «New York Times» создавала контрнарратив о европеизации, акцентируя успехи реформ. Эта двойственность позволяла газете манипулировать образом в зависимости от контекста: в моменты кризиса (например, во время польского восстания) активировались

утверждения о «восточном деспотизме», а в периоды дипломатического сближения (визит эскадр) – риторика о «модернизирующемся союзнике».

Политический смысл гибридизации заключался в создании образа России как «удобного Другого»: достаточно близкого, чтобы служить примером модернизации, но достаточно далекого, чтобы не составлять конкуренции американской исключительности. Эта двойственность особенно ярко проявилась в освещении отмены крепостного права: если американская эмансипация подавалась как триумф демократии, то русская – как «подарок сверху», подчеркивающий патернализм правящего монарха.

Одним из элементов конструирования образа России в «New York Times» стало формирование культа личности Александра II, представленного в двойственном восприятии императора как «прогрессивного реформатора» и «самодержавного деспота». Это противоречивое восприятие, ставшее смысловым ядром многих публикаций, отражало не только трансформации в самой Российской империи, но и идеологические потребности американского общества, искавшего в фигуре царя символическое отражение собственных ценностей и противоречий.

Культ реформатора поддерживался через освещение крестьянской реформы. Данные публикации, часто основанные на официальных российских и европейских источниках, создавали образ монарха-модернизатора, ведущего страну по пути, проложенному Западом.

Концепция «просвещенного деспота», применявшаяся к Александру II, позволяла газете совместить восхищение реформами с критикой российской системы. Такой подход не только оправдывал авторитаризм как «необходимую плату за прогресс», но и косвенно обосновывал патерналистские тенденции в политике самого Севера, где федеральная власть активно расширяла полномочия в ходе Гражданской войны.

Итоговый образ Александра II в «New York Times» стал символом парадоксального восприятия России: монарх одновременно воплощал надежды

на модернизацию и подтверждал стереотипы о «восточной тирании». Этот дуализм отражал не столько реальные противоречия царской политики, сколько идеологические потребности американского общества, которое, переживая собственный кризис идентичности, искало в фигуре русского императора одновременно зеркало и антипод своей борьбы за свободу.

Освещение отмены крепостного права в Российской империи стало одним из ключевых элементов конструирования образа России в «New York Times», позволив газете провести символические параллели между реформами Александра II и борьбой Севера за единство страны и отмену рабства. Это событие, представленное как «величайший акт милосердия», не только формировало позитивный имидж России, но и служило инструментом внутренней пропаганды, подкрепляя моральный авторитет администрации Линкольна.

Тезис о «царе-освободителе» активно эксплуатировался для создания образа Александра II как «прогрессивного монарха». В материалах за март-апрель 1861 г. с подробным разбором манифеста об отмене крепостного права подчеркивалось, что «только воля самодержца смогла сломить сопротивление консерваторов», тогда как роль общественных движений и разных группировок дворянства полностью замалчивалась. Этот подход позволял «New York Times» представить реформу как исключительную заслугу царя, усиливая параллели с Линкольном, который, по мнению республиканской прессы, единолично выступал против рабовладельческих верхов Юга.

Символическое значение крестьянской реформы в медийном пространстве «New York Times» выходило за рамки констатации факта. Она стала метафорой потенциальной эволюции самодержавия, доказывающей, по мнению газеты, что даже «восточные деспотии» способны на прогресс под руководством мудрого лидера. Эта характеристика царской империи служила косвенной критикой южных рабовладельцев, уподобленных российским крепостникам, сопротивлявшимся неизбежной «воле истории».

В контексте гибридного образа России освещение реформы 1861 года стало важным элементом мифологизации. Газета представляла ее как доказательство «европейского выбора» империи, противопоставляя «прогрессивного» Александра II «азиатской» косности помещиков. Такая трактовка не только упрощала сложную социальную динамику, но и проецировала на Россию внутренний конфликт США, где Север ассоциировался с модернизацией, а Юг – с архаикой.

Резкий контраст в сравнении с колонками и статьями «New York Times» о крестьянской реформе прослеживается в публикациях издания, посвященных польскому вопросу. Анализ материалов «New York Times» за 1860–1862 гг. в очередной раз демонстрирует дуалистичность восприятия политики Российской империи: если реформы Александра II и его образ как «царя-освободителя» получали безусловную поддержку, то действия властей в Царстве Польском вызывали у газеты нарастающую критику.

Восприятие данной темы в период, предшествовавший восстанию 1863–1864 гг., отражает сложное взаимодействие внешнеполитических интересов, идеологических установок и внутриамериканской повестки. Редакция газеты стремилась, с одной стороны, поддерживать миф о России как дипломатическим партнере, с другой – не могла полностью игнорировать репрессивные меры Петербурга, противоречившие американским идеалам свободы.

До конца 1850-х гг. польская тема возникала в «New York Times» эпизодически, чаще всего в контексте европейской политики. После начала Великих реформ в России газета связала польский вопрос с либеральными преобразованиями. В материале за первой половину 1861 г. намерение предоставить автономию Царству Польскому подавалось как логичный шаг в рамках общего курса на преобразования.

Уже в 1860 г., на фоне начавшихся в Варшаве манифестаций, «New York Times» начала осторожно выражать озабоченность сложившейся обстановкой. Ключевым моментом стали прямые столкновения манифестантов с царскими

войсками, закрытие «Земледельческого общества» и свертывание курса реформ в регионе весной 1861 г. Материалы последующих номеров п большинстве своем осуждали аресты, ссылки, казни и другие вид репрессий, предпринятых правительством.

С появлением в феврале 1863 г. первых материалов о начавшемся в Польше широкомасштабном восстании тон газеты стал откровенно пропольским. Редакция не только осуждала репрессии, но и открыто поддерживала право поляков на независимость, категорически отвергая параллели с сецессией Юга. Это противопоставление стало ключевым одним из ключевых элементов пропаганды Севера в сфере внешней политики: если Конфедерация, по мнению «New York Times», отстаивала «право на угнетение», то Польша – «право на самоопределение, данное Богом и природой».

Этот идеологический разворот раскрывает ключевой парадокс: «New York Times», выступавшая за универсальные ценности свободы, пожертвовала ими ради политической целесообразности. Если до лета 1863 г. поддержка Польши служила инструментом морального обоснования войны Севера, то после перелома польская тема стала помехой в сложной дипломатической игре.

Итак, именно на примере освещения газетой развития польского вопроса в наибольшей степени проявляется негативная, противоположная, относительно информации о реформах, оценка «New York Times» России и ее политики. В рамках описания событий в Польше раннего периода царствования императора Александра IIярче всего прослеживается тезис характере власти в России как типично модели азиатского, восточного правления со всеми вытекающими особенностями – тиранией, репрессиями, подавлением свобод. В то же время, издание следило за международными тенденциям, течение которых побуждало их менять риторику для соответствия интересам собственного государства. На этом примере видно, что передаваемые изданием формулировки образовывались при помощи не только идеологии американских ценностей или ориенталистских установок, но и текущих реалий международных отношений.

Новая смена риторики в отношении царской империи дала о себе знать на рубеже сентября-октября 1863 г., когда гавани Нью-Йорка встретили корабли русской военной эскадры под руководством контр-адмирала С.С. Лесовского.

Именно это событие стало ключевым аспектом, использованным газетой для конструирования мифа о «братстве двух держав». Несмотря на одновременную критику репрессий в Польше, газета представила визит как символ стратегического союза, подчеркивая технологическую мощь России и «цивилизованность» ее экипажа. Этот восторженный тон контрастировал с публикациями о польских событиях: если в Польше Россия изображалась «душителем свобод», то в Нью-Йорке ее флот представал как инструмент «защиты мирового порядка» от британского и французского вмешательства.

Редакция создавала образ русских моряков как «европейцев в мундирах», подчеркивая их образованность и галантность. Репортажи о балах в честь эскадры описывали офицеров как «джентльменов, говорящих на трех языках», а матросов – как «простодушных гигантов, покоривших Атлантику». Этот акцент на «цивилизованности» служил двум целям:

1. Оправдать союз с Россией в глазах американской публики, для которой страна оставалась «варварской деспотией»;
2. Поддержать миф о том, что Александр II, несмотря на польские репрессии, ведет империю по пути модернизации.

Таким образом, визит эскадры Лесовского и последующая атлантическая экспедиция стали кульминацией пропагандисткой кампании по сближению с Россией. «New York Times», осуждавшая репрессии в Польше, одновременно воспевала русский флот как «щит свободы», демонстрируя, что внешнеполитический прагматизм способен перевесить даже моральные принципы. Этот парадокс завершил формирование образа России как «гибридного союзника» – деспотии, чьи корабли защищают демократию, а военнослужащие одновременно подавляют восстания и покоряют лучшие салоны Нью-Йорка.

Миф о «русско-американском союзе» 1863–1864 годов, сформированный на страницах газеты, оказал глубокое и многоплановое влияние на формирование общественного мнения США в последующие десятилетия. Он способствовал закреплению в массовом сознании образа России как страны, способной к союзничеству с демократическими государствами. Этот стереотип не только создал прецедент восприятия российской военной мощи как силы, способной уравновешивать влияние европейских держав, но и сформировал традицию рассматривать действия России через призму потенциальной союзнической поддержки.

Влияние мифа прослеживается в различных сферах. В дипломатии он способствовал формированию особой риторики в официальных документах, где подчеркивалась «историческая дружба» двух стран. Это создало устойчивое представление о «стратегическом партнерстве» в деле противостояния европейским державам, что учитывалось американскими дипломатами при выстраивании отношений с Россией. В массовой культуре появились произведения и художественные образы, романтизирующие визит русской эскадры и представляющие русских моряков как «галантных защитников демократии».

Экономические последствия выразились в усилении торговых связей и создании благоприятной атмосферы для американских инвестиций в российскую экономику. В кризисные периоды американцы часто обращались к образу «дружественной России», используя исторический прецедент для обоснования союзнических отношений. Долгосрочное воздействие мифа также проявилось в укреплении личных связей между американскими и российскими деятелями культуры, развитии обменов в научной и образовательной сферах и формировании особой культуры восприятия России в американском обществе.

Таким образом, миф о русско-американском союзе 1863–1864 годов также послужил созданию паттернов восприятия России, которые сохранялись на

протяжении десятилетий, оказывая влияние на различные аспекты американо-российских отношений.

Можно утверждать, что смешанный образ России в «New York Times» стал инструментом символического размежевания между «подлинной» западной модернизацией и «имитационным» преобразованием империи. Облик государства, однако, не был статичным: в периоды кризиса акцент смещался в сторону «восточной деспотии», тогда как в моменты сотрудничества и дипломатической близости доминировала тема «европеизации».

Одним из ключевых аспектов исследования стал анализ стратегий, использовавшихся газетой для конструирования образа России. Центральное место заняло мнение о «прогрессивном монархе», которое опиралось на освещение реформ Александра II. Статьи об отмене крепостного права подавались как доказательство «цивилизаторской миссии» русского царя, проводившего параллели с борьбой за отмену рабства. Решение Александра II именовалось «освобождением двадцати миллионов крестьян», а его действия сравнивались с потенциальными возможностями эмансипации со стороны федерального правительства. Такой подход не только легитимировал политику Севера, представляя его как часть глобального движения за свободу, но и создавал иллюзию общности целей, игнорируя принципиальные различия между двумя странами: если в США речь шла о демонтаже всей рабовладельческой системы, то в России – о модернизации самодержавного режима без радикального изменения его природы.

Одновременно важное значение в работе имел анализ визита русских военных кораблей в США, ставшего кульминацией медийной кампании по мифологизации российско-американских отношений. Внутренние документы морского министерства Российской империи и мемуары участника экспедиции, будущего русского композитор Н.А. Римского-Корсакова, служившего на клипере «Алмаз», рисуют картину, одновременно дополняющую и радикально опровергающую газетные репортажи. Так, если «New York Times» описывала

визит как «триумф дружбы», то будущий великий композитор в «Летописи моей музыкальной жизни» отмечал напряженность, вызванную слухами о возможной войне с Великобританией, и строгие запреты на обсуждение польской темы. Сравнение этих источников выявило, как редакция «New York Times» исключала скрытый подтекст экспедиции, превращая ее в военную демонстрацию и знак союзнической близости между государствами.

Газета, выступая как «агент мягкой силы», создала мифологизированный образ России, который служил, в том числе, целям сполчения американского общества в период Гражданской войны. Этот образ, сочетавший восхищение «прогрессивным царем» и ориенталистские стереотипы о «варварском Востоке», заложил основы восприятия России в американской массовой культуре, сохраняющиеся в адаптированном виде до наших дней. Амбивалентность этого образа – сочетание прагматического союзничества и культурного отчуждения – предвосхитила двойственность сотрудничества и конфронтации, определившую российско-американские отношения последующих десятилетий.

Опираясь на изложенный в работе материал, мы делаем вывод, что даже в эпоху перед возникновением глобальных медиа, пресса играла ключевую роль в формировании международных образов. Периодическая печать выступала вовсе не пассивным регистратором событий, а значимым творцом политической реальности. В этом контексте материалы «New York Times» 1860-х годов могут рассматриваться как ранний пример информационной войны, где факты подчинялись задачам пропаганды, а журналистика становилась продолжением идеологии, культуры и политики.

Список использованных источников и литературы

Источники

Корпус 352 публикаций газеты «New York Times» за период с января 1860 по июль 1864 гг.

The New York Times. 1860-1864 [Электронный ресурс] // New York Times Article Archive – Режим доступа: https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/ref/membercenter/nytarchive.html дата обращения: 5.12.2022

Официальные законодательные акты

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XXXVI. Отделение 1. – СПБ.: Типография Второго отделения Собственной Его императорского Величества Канцелярии, 1861. – 1057 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XXXIX. Отделение 1. – СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его императорского Величества Канцелярии, 1867. – 976 с.

Свод законов Российской империи. Тома I-XV. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – 1474 с.

Declaration of Independence [Электронный ресурс] // История США: материалы к курсу – Режим доступа: https://ushistory.ru дата обращения: 5.12.2022

Emancipation Proclamation Text [Электронный ресурс] // University of Michigan Library Digital Collection – Режим доступа: 5.12.2022

Homestead Act [Электронный ресурс] // Wikisource URL: https://en.wikisource.org/wiki/Homestead_Act – Режим доступа: 5.12.2022

Preliminary Emancipation Proclamation // Collected Works of Abraham Lincoln. Volume 5. – New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1953. – P. 433-436 [Электронный ресурс] // HistoryNet – Режим доступа: https://www.historynet.com/emancipation-proclamation-text/ дата обращения: 5.12.2022

The Constitution of the United States // Soul of America. Documenting Our Past / by Baron R.C. Vol. I: 1492-1870. Golden: NorthAmericanPress. 1994. P. 87-98

Международные договоры

Договор между Россией и США о торговле и мореплавании (13 статей и 1 отдельная статья). С.-Петербург. 6/18 декабря 1832 г. [Электронный ресурс] // Интернет-сайт «Русская Америка. История, культура, дипломатия» – Режим доступа:https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-123-1 дата обращения: 5.12.2022

Американская ратификационная грамота договора между Россией и США о торговле и мореплавании от 6/18 декабря 1832 г. [Электронный ресурс] // Интернет-сайт «Русская Америка. История, культура, дипломатия» – Режим доступа: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-124 дата обращения 5.12.2022

Конвенция о морском нейтралитете (4 статьи). Вашингтон.10/22 июля 1854 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://rus-amerika.mid.ru/docs/diplomaticheskie-otnosheniya-rossii-i-ssha.php#obrazgallery-125-1 дата обращения: 5.12.2022

Источники личного происхождения

Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860–1862 / Под ред. и с пред. д.и.н., проф. Захаровой Л.Г. – М.: Студия ТРИТЭ, РИО «Российский Архив», 1999. – 558 с.

Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. – СПб.: Типография Глазунова, 1909. – 368 с.

Тейлор Б. Путешествие в Грецию и Россию, а также поездка на Крит: фрагменты книги / Б. Тейлор; пер. с англ. и вступ. Лапиной Г. // Иностранная литература: ежемесячный литературно-художественный журнал. – 2006. – №6. – С. 229-264

[Электронный ресурс] URL: https://magazines.gorky.media/inostran/2006/6/puteshestvie-v-grecziyu-i-rossiyu-a-takzhe-poezdka-na-krit.html дата обращения: 27.01.2023

Edwards S. H. Sir William White. For six years ambassador at Constantinople. His life and corresondance. – London: J. Murray, 1902. – 284 p.

Сборники и публикации документов

Взгляд в историю – взгляд в будущее. Русские и советские писатели, ученые, деятели культуры о США / сост., авт. послесл. и коммент. А.Н. Николюкин – М.: Прогресс, 1987 – 712 с.

Внешняя политика США. История и современность / Сост. Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2021. – 2134 с.

Гражданская война в США и Россия. К пребыванию русских военных кораблей в США (1863–1864 гг.) // Новая и новейшая история. - 1973. - № 6. - С. 85-96

К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США // Красный архив: исторический журнал. - 1939, Т. 3 (94) – С. 97-153

Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения: сб. док. – М.: Международные отношения, 1998. – 406 с.

Первое издание материалов Редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости.Первыйпериод. – СПб., 1859.– 772 с.

Первое издание материалов Редакционных комиссий для составления Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Первый и второй периоды, часть X. – СПб., 1860. – 388 с.

Первое издание материалов Редакционных комиссий для составления Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Третий период, часть X. – СПб., 1860. – 498 с.

Посылка двух русских эскадр в Северную Америку // Историк-марксист. – 1936. – 3(055). – С. 101-115

Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX век: Сост. при содействии и участии учен. Литераторов – Санкт-Петербург: М. Михайлов, 1873. – 422 с.

Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян за 1857-1875 гг.: В 22 ч.: С портр. ... Александра II и... Александра III. – Санкт-Петербург: Д.В. Чичинадзе, 1885. – 1546 с.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / под ред. Е. А. Адамова; сост. И. В. Козьменко. – Москва: Госполитиздат, 1952. – 462 с.

Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия // Красный архив. – 1930. – 1(38). – С. 148-163

Электронные ресурсы:

Интернет-сайт «Северная Америка». Век девятнадцатый» – Режим доступа: https://america-xix.ru/ дата обращения: 5.12.2022

Интернет-сайт «Русская Америка: История, культура, дипломатия» – Режим доступа: https://rus-amerika.mid.ru/ дата обращения: 5.12.2022

Официальный сайт ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина» – Режим доступа: https://www.prlib.ru/ дата обращения: 27.01.2023

Digital Public Library of America (DPLA) [Электронный ресурс] URL: https://dp.la/ дата обращения: 9.12.2022

Hathi Trust Digital Library – Режим доступа: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=chi.15545134&view=1up&seq=351 дата обращения: 13.01.2025

Internet Archive: Digital Library – Режим доступа: https://archive.org/ дата обращения: 27.01.2023

Library of Congress – Режим доступа: https://www.loc.gov/ дата обращения: 27.01.2023

Office of the historian – Режим доступа: https://history.state.gov/дата обращения: 5.12.2023

University of Michigan Library –режим доступа: https://www.lib.umich.edu/ дата обращения: 9.12.2022

Литература

1. Алентьева Т.В. Проблемы протекционизма в освещении газеты «Нью-Йорк Трибюн» (50-е годы XIX в.) // Из истории политических движений и общественной мысли. Межвузовский сборник научных статей / отв. ред. Дубовицкий Г.А. – Самара: Изд-во Самарского госуниверситета, 1991. – С. 21-43
2. Алентьева Т.В. Сецессия Юга как отражение менталитета южан // США: становление и развитие национальной традиции и национального характера. Материалы VI научной конференции ассоциации изучения США. Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, 27-28 января 1999 г. / Под ред. А.С. Манькина, Ю.Н. Рогулева, Е.Ф. Язькова. М., 1999. С. 298-311
3. Алентьева Т.В. Сецессия Юга и общественное мнение на Севере: от иллюзий консенсуса к гражданской войне // Americana: Сборник статей по истории и культуре стран Американского континента. Вып. 6. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2002. – С. 39-53
4. Алентьева Т.В. «Политические игры» или манипулирование общественным мнением во время президентских кампаний в США в XIX веке // Феномен игры в культуре и образовании: Материалы Четвертой региональной зимней культурно – антропологической школы молодых ученых «Культура –

Образование – Человек» / под ред. Е.А. Репринцевой. – Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 48–61

5. Алентьева Т.В. Образ Линкольна на Юге // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 12 / под ред. С.Ф. Блуменау. – Брянск: Изд-во БГУ, 2003. – С. 64–76. [Электронный доступ] URL: https://america-xix.ru/library/alentieva-lincoln-south/ дата обращения: 5.12.2022
6. Алентьева Т.В. США накануне Гражданской войны: время и люди. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2003. – 454 с.
7. Алентьева Т.В. Надвигающийся кризис Союза и борьба мнений в США в 1859–1861 гг. – Курск: Изд-во РОСИ, 2004. – 314 с.
8. Алентьева Т.В. Общественное мнение и назревание «неотвратимого конфликта» в США в отражении «New York Tribune» (1841–1861 гг.). – Курск: Изд-во РОСИ, 2005. – 255 с.
9. Алентьева Т.В. Общественное мнение в США в период назревания Гражданской войны: 1828-1861: диссертация доктора исторических наук: 07.00.03 – Курск: Курский государственный университет, 2006. – 600 с.
10. Алентьева Т.В. Роль общественного мнения в канун Гражданской войны в США (1850–1861 гг.). – Курск: Изд-во Курского гос. университета, 2008. – 235 с.
11. Алентьева Т.В. Из истории американской прессы. «Daily National Intelligencer» и ее редакторы // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3: к юбилею Т.В. Алентьевой / под ред. Белевцевой С.Н., Филимоновой М.А. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2011. – С. 86-102
12. Алентьева Т.В., Филимонова М.А. Реформаторы, нонконформисты, диссиденты в США: от Войны за независимость до гражданской войны. – Курск: Изд-во КГУ, 2012. – 356 с.

13. Алентьева Т.В. Наследие просвещения, свобода печати и феномен «penny press» в США // Вопросы литературы и журналистики в контексте сохранения гуманистических ценностей / Под ред. Загидуллиной М.В., Симаковой С.И. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2019. – С. 110-126
14. Алентьева Т.В. Общественное мнение США в преддверии Гражданской войны (1850-1861). – М.: ИНФРА-М, 2020. – 257 с.
15. Алентьева Т.В. Из истории американской журналистики. Феномен «New York Tribune» и общественное мнение в США. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 296 с.
16. Алентьева Т.В. Визуальная пропаганда в американской Гражданской войне 1861–1865 годов // Вестн. ВолГУ. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 2. С. 21–31
17. Алентьева Т.В. «New York Times» – новое явление среди дешевой прессы Нью-Йорка XIX столетия // Медийная регионалистика: история и современность. Материалы первой региональной научно-практической конференции и круглого стола, посвященного журналистскому и научному наследию профессора А.В. Осташевского. Краснодар: Краснодарский ЦНТИ, 2023. С. 22-25
18. Алентьева Т.В. Русско-американские отношения и продажа Аляски в отображении американских карикатуристов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. №3(67). 2023. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4966
19. Алентьева Т.В. Образ России в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в американском еженедельнике «Харперс Викли» // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. №2(66). 2023. С. 61-72.
20. Алентьева Т.В. Золотой век американской журналистики: монография. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 358 с.

21. Алентьева Т.В., Филимонова М.А. Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке. – СПб.: Алетейя, 2021. – 518 с.
22. Алентьева Т.В., Филимонова М.А. Реформаторы, нонконформисты, диссиденты в США (XVII - XIX вв.). – М.: ИНФРА-М, 2025. – 317 с.
23. Адамов Е.А. Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия // Красный архив. – 1930. Т. 1(38). - С. 148–164
24. Аггеева И.А. VII коллоквиум историков СССР и США // Американский ежегодник. 1990. – М.: Наука, 1991. – С. 216-220
25. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи 1801–1914 гг. М.: Европа, 2006. – 672 с.
26. Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. Айрапетов О.Р., Мирослав Йованович, Колеров М.А., Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том XV. – М.: Модест Колеров, 2013. – С. 7-138
27. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 томах. – Т. 3. Внешняя политика императора Александра II и Александра III. 1855–1894. М.: Кучково поле, 2018. – 904 с.
28. Айрапетов О.Р. Поляки или студенты? Пожары весны и лета 1862 года // Польское восстание 1863–1864 годов в общественно-политической и конфессиональной мысли славянских народов – 2023. – С. 26-39
29. Айрапетов О.Р. Польша в 1861–1862 годах: несостоявшийся Ausgleich. На пути к войнам и революциям // Русский сборник. Исследования по истории России. – 2023. – Т. 30 – С. 4-33
30. Айрапетов О.Р. Польское восстание 1863-1864 гг. в политике Империи. Предпосылки, ход, последствия. – М.: Издательский дом «Тион», 2026. – 320 с.
31. Алепко А.В. Американский капитал в экономике российского дальнего востока во второй половине XIX – начале XX века: влияние на развитие

региона // Americana: Сборник статей по истории и культуре стран Американского континента. Вып. 2. Материалы международной научной конференции «Россия и страны Америки: Опыт исторического взаимодействия». – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2000. – С. 59-79

32. Американистика: актуальные подходы и современные исследования: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / Редколлегия: Алентьева Т.В., Белевцева С.Н., Филимонова М.А. – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2008. – 194 с.
33. Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений (1775–1815). – М.: Наука, 1966. – 639 с.
34. Болховитинов Н.Н. Некоторые итоги и задачи изучения новой истории США в Советском Сою Болховитинов Н.Н. Война США за независимость и современная американская историография // Вопросы истории. – 1969. – № 12 – С. 73–88
35. Болховитинов Н.Н. Современная американская историография: новые течения и проблемы // Новая и новейшая история. – 1969. № 6. С. 116–129зе // Новая и новейшая история. – 1969. – № 2. – С. 39–54
36. Болховитинов Н.Н. О механизме действия «предохранительного клапана» в истории США // Новая и новейшая история. – 1970. – № 4. – С. 23–35
37. Болховитинов Н.Н. Некоторые проблемы генезиса американского капитализма (XVII в. – первая половина XIX в.) // Проблемы генезиса капитализма. К международному конгрессу экономической истории в Ленинграде в 1970 г. – М., 1970. – С. 128-199
38. Болховитинов Н.Н. США: Проблемы истории и современная историография. М.: Наука, 1980. – 408 с.
39. Болховитинов Н.Н., Слезкин Л.Ю., Фурсенко А.А. и др. История США: В 4-х т. Т. 1: История США, 1607-1877 гг. / редкол.: Болховитинов Н.Н. и др. – М.: Наука, 1983. – 687 с.

40. Болховитинов Н.Н. Россия и США: архивные документы и исторические исследования. – М.: Наука, 1984. – 105 с.
41. Болховитинов Н.Н. О «белых» и «черных» пятнах в изучении истории США и путях их ликвидации // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М.: Наука, 1989. Вып. 2. – С. 60-80
42. Болховитинов Н.Н. Об основных тенденциях в развитии историографии США // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. – М.: Наука, 1989. – С. 60-80
43. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834-1867. – М.: Наука, 1990. – 368 с.
44. Болховитинов Н.Н. Историки в поисках истины: визит русского флота в США в 1863–1864 гг. // Американский ежегодник. 1994. – М.: Наука, 1994 – С. 194-207
45. Болховитинов Н.Н. Объяснимый парадокс: Гражданская война и Реконструкция в американской и русской историографии // Исторический образ Америки: Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию программы Фонда Фулрабайта на историческом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова / Под ред. Языкова Е.Ф. и Маныкина А.С. – М.: Ладомир, 1994. – С. 170-179
46. Болховитинов Н.Н. Отклики в США на отмену крепостного права в России // Вопросы истории. 1995. № 8. – С. 126–132
47. Болховитинов Н.Н. Россия и начало Гражданской войны в США. По архивным материалам // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 30–42
48. Болховитинов Н.Н. Миссия Клея в Россию, 1861-1862 // Американский ежегодник, 1995. – М. 1996. – С. 130-146
49. Болховитинов Н.Н. Русские эскадры в США в 1863-1864 гг. // Новая и новейшая история. 1996. №5 – С. 195-216

50. Болховитинов Н.Н. Становление и развитие русско-американских отношений, 1732-1867 гг. (некоторые итоги) // Americana: Сборник статей по истории и культуре стран Американского континента. Вып. 2. Материалы международной научной конференции «Россия и страны Америки: Опыт исторического взаимодействия». – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998 – С. 7-30
51. Беломор А. Вторая Тихоокеанская эскадра // Морской сборник, 1914. № 8. – С. 35-52
52. Беляева К.Б., Буранок С.О. «Демонический образ» России в публикациях «New York Times» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – Т. 22, № 71. – 2020. – С. 53-57
53. Борисенок Ю.А. Польское Январское восстание 1863–1864 гг. на литовско-белорусских землях: самосознание повстанческих верхов в свете новых архивных поисков // Славянский альманах. 2024. № 3-4. С. 482-499
54. Буйнова М.А. Миссия Густава Ваза Фокса в России как кульминация американо-российских отношений // Запад и Восток: история и перспективы развития. Сборник статей 30-ой Юбилейной Международной научно-практической конференции. Под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. 2019. С. 246-251
55. Бурин С.Н. На полях сражений гражданской войны в США. – М.: Изд-во «Наука», 1988. – 176 с.
56. Воронин В.Е. Первые манифесты эпохи реформ: окончание Крымской войны и преобразовательные замыслы Александра II (1856) // Власть. – 2025. – С. 279-282
57. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / Георгиев В.А., отв. ред. Киняпина Н.С. и др. – М.: «Наука», 1978 – 433 с.

58. Гладышев А.В. Пришедшие с холода: восприятие «казака» населением Франции по время кампании 1814 года // История и историческая память. – 2023. – С. 28-55
59. Гончаров В. Американская экспедиция русского флота в 1863–1865 гг.: (К пяти десятилетней годовщине) // Морской сборник. 1913. Август. № 8. С. 25-57
60. Гражданская война в США и Россия. К пребыванию русских военных кораблей в США (1863–1864 гг.) / Пред. Повальникова С.И. // Новая и новейшая история. – 1973. – №6 – С. 85-96
61. Губанова М.И. Медиатизация реальности: теоретический аспект // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 2 – № 2(35) – С. 84-91
62. Гуреева А.Н., Кузнецова В.С. (2021) Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы // «Вопросы теории и практики журналистики». – 2021. – Т. 10, № 1 – С. 191-205
63. Дударев В.С. Стала ли Венская система международных отношений системой? // Преподаватель XXI век. 2024. № 4. Часть 2. С. 355-357
64. Дюков А.Р. «Кто против польского правительства, тому огонь и виселица». Повстанческий террор 1863-1864 гг. в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи // Белорусский исторический обзор. – 2021, № 2(5). – С. 19-38
65. Ефимов А.В. К истории капитализма в США. – М.: Соцэкгиз. 1934 – 317 с.
66. Ефимов А.В. Новая книга о русско-американских отношениях // Историк-марксист. 1936. № 3. С. 144–159
67. Ефимов А.В. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны / Издание 2-е – М.: Учпедгиз, 1958. – 430 с.
68. Ефимов А.В. Народный подъем и общественное мнение США в критический период гражданской войны // К столетию гражданской войны в США: Сб. ст. / Под ред. Ефимова А.В., Зубока Л.И. – М.: Соцэкгиз, 1961. – С. 110-129

69. Ефимов А.В. США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). – М.: Наука, 1969 – 695 с.
70. Журавлева В.И. Русский «Другой» в американской политической карикатуристике: от века XIX к веку XXI // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2012. – С. 67-96
71. Журавлева В.И. Русистика/советология в США, американистика в России: опыт взаимных репрезентаций // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – № 7 (87). – С. 287-297
72. Журавлева В.И. Мифы о России в американской политической карикатуристике: история и современность // СССР и США в XX веке: восприятие «Другого» / Под ред. Физелер Б, Магнусдоттир Р. – М.: РОСПЭН, 2017. – С. 187-213
73. Журавлева В.И. Русский революционный «Другой» в американской русистике // Революции и революционный дискурс в США: сборник статей. – М.: Издательство РГГУ. – 2017 – С. 158-176
74. Журавлевой В.И. История взаимоотношений США с Российской империей / СССР / постсоветской Россией как академический проект XXI в. // Американский ежегодник. – 2021. – С. 195-219
75. Журавлева В.И. Образы России в американском ориенталистском дискурсе // Колониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: pro et contra». – М.: РГГУ, 2023. – С. 175-196
76. Журавлева В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика – 2024 – № 15(1) – С. 20-45
77. Завьялова О.О. «Революция по всех сердцах: развитие кризиса в русско-польских отношениях накануне польского восстания 1863-1864 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 4 (24) – С. 31-38

78. Завьялова О.О. «Усмирить подвластный нам край»: взгляды И. А. Арсеньева на польский вопрос в начале 1860-х годов в контексте национальной политики Российской империи // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2019. Т. 19, вып. 4 – С. 417-423
79. Запад и Россия: история противостояния – СПб.: Алетейя, 2023. – 505 с.
80. Заславский Д.И. Гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки (1861-1865). – Л.: Прибой, 1926. – 159 с.
81. Засурский Я.Н. Печать и литература Соединенных Штатов Америки в годы гражданской войны // К столетию гражданской войны в США: Сб. ст. / Под ред. Ефимова А.В., Зубока Л.И. – М.: Соцэкгиз, 1961. – С. 481-512
82. Захарова Л.Г. Александр II и Авраам Линкольн: реформы и внешняя политика / Л. Г. Захарова // Царь и президент. Александр II и Авраам Линкольн. Освободитель и эмансипатор. – М.: Индрик, 2011.(Министерство культуры РФ. Федеральное архивное агентство). – С. 99-118
83. Иванов Р.Ф. Проблемы истории гражданской войны в США 1861-1865 гг. в трудах советских историков // От Аляски до Огненной Земли: история и этнография стран Америки. – М.: Наука, 1967. – С. 169-178
84. Иванов Р.Ф., Левитас И.Я. Н.Г. Чернышевский о рабстве негров в США и проблеме гражданских свобод / Р. Ф. Иванов, И. Я. Левитас // Американский ежегодник. 1980 / Отв. ред. Севостьянов Г.Н. – М.: Наука, 1980. - С. 118-138
85. Иванов Р.Ф. Дипломатия Авраама Линкольна. – М.: Международные отношения, 1987 – 304 с.
86. Иванов Р.Ф. Авраам Линкольн и Гражданская война в США. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.
87. Иванян Э.А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша: Белый дом и пресса. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
88. История внешней политики и дипломатии США. 1775-1877 // под ред. Болховитинова Н.Н. М., 1994. – 384 с.

89. История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / Под ред. Игнатьевой А.В., Киняпиой Н.С., Субботиной Ю.Ф., Хевролиной В.М. – М.: Международные отношения, 1999. – 384 с.
90. История внешней политики России: В 5 т. Том IV. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / отв. ред. Сахаров А.Н. – М.: Академический проект; Парадигма, 2018. – 385 с.
91. История дипломатии. Том первый / Под ред. Потемкина В.П. – М.: Соцэкгиз, 1941 – 566 с.
92. История дипломатии в пяти томах. Том. I. / под ред. Зорина В.А. и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Госполитиздат, 1959 – 896 с.
93. История США: В 4-х т. Т. 1: История США, 1607-1877 гг. / редкол.: Болховитинов Н.Н. и др. – М.: Наука, 1983. – 687 с.
94. История внешней политики и дипломатии США. 1775-1877 // под ред. Болховитинова Н.Н. М., 1994. – 384 с.
95. История Русской Америки (1732–1867): Т. 1. Основание Русской Америки, 1732–1799. – М., 1997 – 479 с.; Т. 2. Деятельность Российско-американской компании, 1799–1825. – М., 1999 – 470 с.; Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867. – М., 1999 – 558 с.
96. История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / Под ред. Игнатьевой А.В., Киняпиой Н.С., Субботиной Ю.Ф., Хевролиной В.М. – М.: Международные отношения, 1999. – 384 с.
97. Исэров А.А. Доктрина Монро, или Власть слова // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 6 (124). С. 37–45
98. Казакевич Л.И. Изучение истории внешней и внутренней политики США в Томском университете (1976-1982) // Американский ежегодник. 1983. – М.: Наука, 1983 – С. 299-303

99. Казакевич Л.И. Обсуждение проблем историографии внешней политики США на конференции в Томском университете // Американский ежегодник. 1983. – М.: Наука, 1983 – С. 304-307

100. Казакова О.Ю. Американская демократия и гражданская война: взгляд из России: (По материалам русской прессы 1861-1865 гг.) // Демократия и общественные движения: история и общественная мысль. - Волгоград, 1998. – С. 57-61

101. Казакова О.Ю. «Русские американцы» – литературные персонажи эпохи великих реформ (1860-е гг.) // Американский ежегодник. 2002 – С. 209-226

102. Казакова О.Ю. Американская тема в газетной периодике пореформенной России (1850-1860-е гг.): от информации к образу // Americana. № 8. Волгоград, 2008. С. 58–95

103. Казакова О.Ю. Американская тема на страницах провинциальных прессы России эпохи Великих реформ // Американистика: актуальные подходы и современные исследования: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / Редколлегия: Алентьева Т.В., Белевцева С.Н., Филимонова М.А. – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2008. С. 47-65

104. Каллистов Н.Д. А Американская экспедиция русского флота в 1863-64 гг. // Военная энциклопедия / Под ред. Ген. штаба полк. Новицкого В.Ф., воен. инж. подполк. Шварца А.В. фон [и др.]. [Т. 2]. – С. 384-388

105. Кара-Мурза С.Г. Русофобия Запада / С.Г. Кара-Мурза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. № 8(1). – С. 6-14

106. Катлер В., Ярыгин А.А. Политика вето президентов Джексона, Полка и Джонсона и джексоновская концепция развития экономики США. // Политика и культура стран Европы и Америки. Ч. 2. – Йошкар-Ола, 1996. – С. 15-29

107. Киняпина Н.С. Россия и гражданская война в США // Вестник МГУ. Сер. 8: История. – 1980. № 2. – С. 40-52

108. Клепикова Л.В. Понятие «европейский Восток» в философско-историческом дискурсе: истоки и интерпретации // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 127-139

109. Комзолова А.А. История правительственной политики в Северо-Западном крае в XIX - начале XX в. (Анализ новых публикаций архивных источников) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2021. – № 4. С. 27-43

110. Комзолова А.А, Польское восстание 1863-1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 68-74

111. Копировский А.М. Дореволюционные трезвеннические общества и братства в России. Три парадокса // Вестник Свято-Филаретовского института. Основные направления деятельности православных братств. – 2017 – С. 67-75

112. Крашенинников П.В. Время Великих реформ. Золотой век российского государства и права. – М.: «Эксмо», 2023. – 352 с.

113. Кретов В.А. Польский вопрос в Российской империи в последних изданиях серии Historia Rossica // Славянский альманах. 2024. № 1-2. С. 427-453

114. Курилла И.И. «Войти в круг великих держав...»: Дэниел Уэбстер и внешняя политика США в середине XIX века. Волгоград: Издательство ВолГУ, 1997. – 192 с.

115. Курилла И.И. Американские дипломаты 1840-х годов о Российской империи // США. Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – № 3. – С. 72-86

116. Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 488 с.

117. Курилла И.И. Образ России в США в 1840-1850-е гг. // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование / Под ред. Чубарьяна А.О. и Рубла Б.А. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2007. – С. 22-36

118. Курилла И.И. Российско-американские отношения в эпоху Гражданской войны в США // Americana: Сборник статей по истории и культуре стран Американского континента. Вып. 12 Сборник научных трудов, посвященный 150-летию начала Гражданской войны в Северной Америке. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2011. – С. 125-143

119. Курилла И. И. Российско-американские отношения в эпоху Авраама Линкольна и Александра II (Каталог выставки). // Царь и президент. Александр II и Авраам Линкольн. Освободитель и эмансипатор. – М.: Индрик, 2011. (Министерство культуры РФ. Федеральное архивное агентство). – С. 31-48

120. Курилла И.И. Рабство, крепостное право и взаимные образы России и США // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 6 (142). – С. 425-440

121. Курилла И.И. Заклятые друзья: История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 424 с.

122. Курилла И.И. Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США / И.И. Курилла. – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 320 с.

123. Куропятник Г.П. Вторая американская революция. – М.: Учпедгиз, 1961 – 260 с.

124. Куропятник Г.П. Война Юга и Севера: Мнения, оценки, опасения и надежды северян // Американский ежегодник 1999 / Отв. ред. Болховитинов Н.Н. – М.: Наука, 1999. - С. 49-71

125. Лан В.И. Классы и партии в США. Очерки по экономической и политической истории США. 2-е дополненное и переработанное издание. – М.: Соцэкгиз. 1937 – 635 с.

126. Левитас И.Я. Дело «Трента» и русская общественная мысль // Ученые записки Горьковского государственного университета. – 1959. – Вып. 51. – С. 81-96

127. Левитас И.Я. Гражданская война в США и русские революционные демократы / И. Я. Левитас // Преподавание истории в школе. – 1962. - № 6. - С. 26-32

128. Левитас И.Я. Русские эскадры в Америке // История СССР. – 1968. - № 5. – С. 135-141

129. Левитас И.Я. Отмена рабства в США и отклики в России // Актуальные проблемы американистики: материалы международной научной конференции. Нижний Новгород, 1996. С. 135–140

130. Летняков Д.Э. Дворянство в Российской империи: между престолом и оппозицией. / Д.Э. Летняков // Знание. Понимание. Умение – 2011. № 3 – С. 128-133

131. Липатов С.И. О разработке истории и историографии США в Одесском университете // Американский ежегодник. 1983. – М.: Наука, 1983 – С. 296-298

132. Лященко Л.М. Царь-освободитель. Жизнь и деяния Александра II. – М.: Владос, 1994. – 240 с.

133. Максимов А.И. Трансформация политики Российской империи в отношении Царства польского и Российской империи / А.И. Максимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №7 (6). С. 111-114

134. Малкин М.М. Гражданская война в США и царская Россия / Под ред. и с пред. акад. Тарле Е.В. М.-Л.: Соцэкгиз, 1939 – 332 с.

135. Малкин М.М. К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США // Красный архив : исторический журнал. - 1939, Т. 3 (94) – С. 97-153

136. Малкин М.М. Чернышевский и Заатлантическая республика (США) // Н.Г. Чернышевский: (1889-1939): [Сб. ст.]: Тр. науч. сессии к 50-летию со дня смерти / ЛГУ; Отв. ред. Евгсньев-Максимов В.Е., Вознесенский А.А., Ганелин Ш.И. – Л., 1941 – С. 319-337

137. Маркина Ю.В. Газета «New York Times»: эволюция типа издания: дисс. канд. фил. наук. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет. – 2004 – 167 с.

138. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том XV. Издание 2-е. – М.: Госполитиздат, 1959. – 795 с.

139. Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война: история русофобии от Карла Великого до украинского кризиса / пер. с фр Аннинской М.Л, Булгаковой С. – М: Паулсен, 2016. – 464 с.

140. Монина Н.П. Идеология русофобии: духовно-исторические истоки формирования / Н.П. Монина // Общество: философия, история, культура – 2018. – С. 70-73

141. Монина Н.П. Зарождение ориенталистского дискурса русофобии / Н.П. Монина // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право – 2024. Т. 49, №2. – С. 348-356

142. Монина Н.П. Россия как другой: историко-культурологические основания ориенталистского дискурса польской русофобии (XV-XIXвв.) / Н.П. Монина // KANT: Social science&Humanities – 2024. №1(17). – С. 19–26

143. Монина Н.П. Формирование базовых концептов идеологии сарматизма в контексте отношений Свой – Чужой: истоки польской русофобии/ Н.П. Монина // Журнал «Гуманитарий Юга России». – 2024. – С. 189-198

144. Мордовин П.А. Русское военное судостроение в течение последних 25-ти лет, 1855-1880 гг. – СПб., 1881. – 233 с.

145. Мордовин П.А. Исторические соприкосновения России и Северной Америки по военно-морским вопросам. – СПб., 1885. – 35 с.

146. Неверова Е.Д., Ягудина О.В. Восстания в Царстве Польском в XIX веке // Шаг в науку. – 2025. – № 2. – С. 66-70

147. Новгородова А.И. The New York Times: уникальный опыт семейного бизнеса // Меди@льманах. 2020. №2-3. – С. 92–104

148. Носков В.В. Американские дипломаты в Санкт-Петербурге в период Гражданской войны в США // Americana: Сборник статей по истории и культуре стран Американского континента. Вып. 12 Сборник научных трудов, посвященный 150-летию начала Гражданской войны в Северной Америке. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2011. – С. 143-158

149. Носков В.В. «Новгородское Общество изъявило желание приветствовать...»: прием миссии Фокса на станции Чудово // Новгородский исторический сборник. – 2015. № 15 (25) – С. 240-244

150. Окунь С.Б. Российско-американская компания. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1939. – 259 с.

151. Павловская А.В. Формирование образа России в США, 1850-1880-е годы: Проблемы взаимодействия культур: дис. д-ра ист. наук. – М., 1999. – 483 с.

152. Павловская А.В. Россия и Запад: догнать и перегнать? / А.В. Павловская // Россия и Запад: диалог культур. – 2012, №1.[Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-zapad-dognat-i-peregnat дата обращения: 14.01.2025

153. Петров А.Ю. Академик РАН Болховитинов // Вестник МГИО Университета. – 2014. – № 2(35). – С. 317-324

154. Пономарев В.Н. Крымская война и русско-американские отношения – М.: ИРИ РАН, 1993 – 231 с.

155. Рашковский Е.Б. «Постколониальный дискурс»: глобальные контексты // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 9, ч. 2. С. 176-189

156. Россия. Министерство иностранных дел. Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802-1902. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1902 – 206, 34 с., 26 л. ил.

157. Рыхтик М.И. Американская культура и национальная стратегия // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского: История, социология, политология. Нижний Новгород. – 1996. – С. 61-68.

158. Рыхтик М.И. Концептуальное осмысление национальной безопасности США: республиканский подход и его воздействие на процесс государственной внешнеполитической стратегии (исторические аспекты проблемы) // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: история. – 2003. – Вып. 1. – С. 70-83

159. Рыхтик М.И. Внешнеполитическая традиция республиканской партии США: Исторические аспекты // Российская внешняя политика и международные отношения в XIX-XX вв. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 290-300

160. Рыхтик М.И. Безопасность Соединенных Штатов Америки: история, теория и политическая практика: монография. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2004. – 311 с.

161. Рыхтик М.И. Безопасность Соединенных Штатов Америки: история, теория и политическая практика. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2004. – 311 с.

162. Рыхтик М.И. Партийный фактор во внешней политике США // Американский ежегодник. – 2022. – С. 102-116

163. Рязанов В.Т. Реформа 1861 года в России: причины и исторические уроки / В.Т. Рязанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Сер. 5. – Вып. 2, 2011. – С. 3-17

164. Саид Э.В. Ориентализм / науч. ред. Исханов А.Р. – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 560 с.

165. «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях Запада и России. – СПб.: Алетейя, 2019. – 498 с.

166. «Свои» / «Другие» /«Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. – СПб.: Алетейя, 2020. – 595 с.

167. «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. – СПб.: Алетейя, 2021. – 469 с.

168. Селиверстова Н.П. Политический язык консервативного дворянства // Общество: философия, история, культура – 2024. № 6. – С. 221-226

169. Сиротинская М.М. Женское движение в США, 1840-1850-е гг. (по материалам американских периодических изданий) // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII-XX вв. М.: ИВИ РАН, 2008. – Т. 1. – С. 137-188

170. Сиротинская М.М. «Молодая Америка» и доктрина «вмешательства» в оценке прессы США начала 1850-х гг. // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII-XX вв. – Том II: «Молодая Америка» и доктрина вмешательства в оценке прессы США, начало 1850-х годов. – 2009. Т. 2 – 92-151

171. Сиротинская М.М. «Вы хотите встать под защиту американского флага? Тогда вы получите ее!»: «Дело Кошты» в освещении газеты «The New York Times» // Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. Регионоведение. – 2012. № 7 (87) – С. 97-107

172. Сиротинская М.М. «Дело Кошты может быть текстовым полем, в котором… державы намереваются осуществлять взаимодействие»: капитан Инграхем, “Молодая Америка”, пресса США и российский посланник в

Вашингтоне Александр Бодиско // Американский ежегодник. – 2012. – С. 105–121

173. Сиротинская М.М. Россия в восприятии «Молодой Америки», 1851-1852 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / Отв. ред. Голубев А.В. – Вып. 6 (I). – М.: ИРИ РАН, 2012. – С. 98-104

174. Сиротинская М.М. Взаимодействие США с неевропейским Другим в репрезентации американцев середины XIX столетия в контексте постколониального подхода // Колониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: pro et contra. – М.: РГГУ, 2023. – С. 150-160

175. Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. – М.: Наука, 1989. – 506 с.

176. Согрин В.В. Гражданская война и Реконструкция в США. Современное прочтение // Новая и новейшая история. – 2010. – № 1 – С. 21-42

177. Согрин В.В. Историческая роль Демократической партии США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2010. № 1 – С. 103-113

178. Согрин В.В. Исторический опыт США. – М.: Наука, 2010. – 581 с.; Понять Россию. Понять Америку // Знание – сила. – 2010. – № 3 – С. 73-81 Демократия в США: от колониальной эры до XXI в. – М.: Весь Мир, 2011. – 368 с.

179. Согрин В.В. Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США // Новая и новейшая история. – 2012. – № 1 – С. 25-43

180. Согрин В.В. Равенство возможностей как фактор американской цивилизации // США и Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2012. – № 1 – С. 3-18

181. Согрин В.В. Прошлое, настоящее и будущее американской демократии // США и Канада. Экономика. Политика. Культура. 2012. № 8 – С. 3-22

182. Согрин В.В. Центральные проблемы истории США. – М.: Весь Мир, 2013. – 352 с.

183. Согрин В.В. Состояние и перспективы российской американистики // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3 – С. 156-176
184. Согрин В.В. США как либерально-демократическая империя // США и Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2015. – № 1 – С. 3-20
185. Согрин В.В. Американская империя как исторический и современный феномен // Новая и новейшая история. – 2016. – № 3 – С. 91-109
186. Согрин В.В. Английское влияние на американскую цивилизацию // Новая и новейшая история. – 2019. – № 1 – С. 3-24
187. Согрин В.В. Социальные конфликты в США. Участники и этапы // Новая и новейшая история. – 2019. – № 4 – С. 5-26
188. Согрин В.В. Американская цивилизация. – М.: Весь Мир, 2020. – 256 с.
189. Согрин В.В. Права человека в США. Эволюция. Этапы. Современность // Новая и новейшая история. – 2022 – №1 – С. 206-226
190. Согрин В.В. Американская двухпартийность. От Джорджа Вашингтона до Джо Байдена. – М.: Весь Мир, 2022. – 192 с.
191. Согрин В.В. Американская империя. Происхождение. Этапы. Современность. – М., Международные отношения. 2022. – 176 с.
192. Согрин В.В. Американские идеологии XVII–XXI веков. – М.: Издательство «Весь Мир», 2024. – 136 с.
193. Согрин В.В., Уманский П.Б. О современном марксизме и критике буржуазной историографии США // Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки. В 2-х т. – М.: ИВИ РАН, 1985. – Том I. – 274 с.
194. Сол Н.Э. Представления русских об Америке (1820-1860) // VII коллоквиум историков СССР и США // Американский ежегодник. 1990. – М.: Наука, 1991. – С. 166-190
195. Спартак С.А. Исторические корни политического образа России в США – М.: Проспект, 2022. – 192 с.

196. Старикова Е.В. Польское восстание 1863-1864 гг. и повстанцы глазами русских военных и чиновников // Исторический журнал. – 2023. – №2. С. 154-168

197. Степанова Е.Е. Историко-правовое значение управления российским государством северо-западными территориями Северной Америки // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 3 (98) – 2021 – С. 41-49

198. Супоницкая И.С. Россия и Америка: опыт сравнения социальных систем // Americana: Сборник статей по истории и культуре стран Американского континента. Вып. 2. Материалы международной научной конференции «Россия и страны Америки: Опыт исторического взаимодействия». – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998 – С. 222-234

199. Тайгильдин А.В. Изучение вопроса о рабстве накануне Гражданской войны в США в отечественной историографии // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2018. – Т. 4. № 2. – С. 52-62

200. Тайгильдин А.В. Промышленный переворот в США и его влияние на взаимоотношения Севера и Юга // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 6. – С. 86-98

201. Тайгильдин А.В. Нэшвильский конвент 1850 года как этап развития южного сецессионизма накануне Гражданской войны в США // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. – Т. 6. № 1. – С. 52-58

202. Тайгильдин А.В. Национализм и вопрос о нации на Юге США (первая половина XIX в. – 1861 г.) // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. – 2022. – С. 95-112

203. Тарсаидзе А.Г. Цари и президенты: история забытой дружбы. – М.: Международные отношения, 2025. – 504 с.

204. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Том I. – СПб.: Издание Суворина А.С., 1903. – 554 с.

205. Ушаков В.А., Чернышова Н.А. Начальный этап Гражданской войны в США в отражении газеты «Санктпетербургские ведомости» (весна 1861 г.) // Чтения по военной истории: сборник статей. СПб., 2005. С. 79–84

206. Филимонова М.А. Пресса становится властью. Политические дискуссии на страницах периодической печати США в конце XVIII века. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 203 с.

207. Филимонова М.А. Колониальный и антиколониальный дискурс в повседневности Массачусетса (1765–1775) // Колониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: pro et contra. – М.: РГГУ, 2023. – С. 101-112

208. Фоглесонг Д. Истоки первого американского крестового похода за «Свободную Россию»: торжество «миссионерского» мышления над русофилией, 1885–1905 гг. // Россия XXI. – 2002. № 5. – С. 100-133

209. Фурсенко А.А., Плешков В.И. Изучение истории США ленинградскими учеными (1977-1982) // Американский ежегодник. 1983. – М.: Наука, 1983 – С. 291-296

210. Царь и президент. Александр II и Авраам Линкольн. Освободитель и эмансипатор. (Каталог выставки). – М.: Индрик, 2011. (Министерство культуры РФ. Федеральное архивное агентство). – 208 с.

211. Чепасов А.А. Политика американского правительства в отношении рабства и ее влияние на внешнеполитический курс США в период гражданской войны // Политическое развитие Великобритании и США в XVII - XIX вв. – Л., 1985. – С. 79-89

212. Черевык К.А. Вмешательство великих держав в польское восстание 1863 г. и позиция России // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2019. – Том 12. Выпуск 6. – С. 84-89

213. Чернышева Н.А. США накануне гражданской войны / Н.А. Чернышева // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. Вып. 1. – 2009. С. 204-205

214. Чиркова Е.А. Американцы в России и русские в Америке: поездка по русской провинции Г.В. Фокса и путешествия великого князя Алексея Александровича по Северо-Американским Штатам // Царь и президент. Александр II и Авраам Линкольн. Освободитель и эмансипатор. – М.: Индрик, 2011. (Министерство культуры РФ. Федеральное архивное агентство). – С. 119-131

215. Чисталев М. С. Переосмысление «Ориентализма» Э. Сайда в современном западном и отечественном научном дискурсе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 1352-1364

216. Ширинянц А.А., Мырикова А.В. «Внутренняя» русофобия и «Польский вопрос» в России XIX века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – Выпуск 1.–С. 15-27

217. Шнейдер К.И. «Либерал во дворянстве»: аристократическое начало в раннем русском либерализме // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 43. – 2011 № 1 (216) – С. 33-38

218. Шнейдер К.И. Политическая программа русских либералов середины XIX в. // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2011. № 2 (16). – С. 33-38

219. Энгерман Д. Модернизация с того берега. Американские интеллектуалы и романтика российского развития / Пер. Петренко М. – М.: Библиороссика, 2023. – 630 с.

220. Эткинд А. Имперский опыт России / пер. с англ. Макарова В. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.

221. Ярыгин А.А. Роль и значение международных обменов // Российско-американское сотрудничество. Образование и перспективы развития.

Материалы I Российско-американской региональной конференции 9-11 декабря 1997. – Йошкар-Ола, 1997. – С. 3-7

222. Ярыгин А.А. Актуальные проблемы «джексоновской» демократии в США в первой половине XIX века // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе. I Арсентьевские чтения. – Чебоксары, 2008. – С. 428–436

223. Ярыгин А.А. Образ России в преподавании истории в американских университетах. // Полиэтничность России контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. III Арсентьевские чтения. – Чебоксары, 2010. – С. 20-29

224. Archer J. The Russians and the Americans. – N.Y.: Hawthorn Books. 1975. – 220 p.

225. Bailey T.A. America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Day. – Ithaca: Cornell University Press, 1950 – 375 p.

226. Bielousova G. The Making of Savage Europe: Religious Difference and The Idea of Eastern Europe: Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate Program in Religion in the Graduate School of Duke University. – 2022 – 257 p.

227. Berger M. The Story of the New York Times. – New York: Simon and Schuster, 1951. – 589 p.

228. Brown F. Raymond of the Times. – N.Y.: W. W. Norton & Company, 1951. – 351 p.

229. Callahan J.V. Rosso-American Relations During the American Civil War. – Morgentown: Department of History and Political Science, West Virginia University, 1908. – 81 p.

230. Davis E.H. History of the New York Times. 1851-1921. – New York: New York Times, 1921 – 434 p.

231. Dulles F. R. The Road to Teheran. The story of Russia and America, 1781–1943. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1944. – 279 p.

232. Dunlap D.W. 150th Anniversary: 1851-2000: Six Buildings That Share One Story // The New York Times. November 14, 2001, P. 55 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2001/11/14/news/150th-anniversary-1851-2001-six-buildings-that-share-one-story.html (дата обращения: 1.11.2024)

233. Dunlap D.W. A Happy 200th to The Times's First Publisher, Whom Boss Tweed Couldn't Buy or Kill // The New York Times. August 16, 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.nytimes.com/cityroom.blogs.nytimes.com/2011/08/16/a-happy-200th-to-the-timess-first-publisher-whom-boss-tweed-couldnt-buy-or-kill/ (дата обращения: 1.11.2024)

234. Fermer D.G James Gordon Bennet and «The New York Herald». A study of Editorial Opnion in the Civil War Era, 1854-1867. – N.Y., 1986. – 385 p.

235. Foglesong D.S. The American Mission and the "Evil Empire": The Crusade for a "Free Russia" since 1881. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 352 p.

236. Golder F.A. The Russian Fleet and the Civil War / F. A. Golder // The American Historical Review. – 1915. – Vol. 20, № 4. – P. 801-812

237. Golder F.A. Guide to Materials for American History in Russian Archives. – N.-Y.: Carnegie Institution, 1917 – 177 p.

238. Golder F.A. The American Civil War Through the Eyes of A Russian Diploma // The American Historical Review. – 1921. – Vol. 26, № 3. – P. 454-463

239. Josiah Warren (1798-1874): reformer, inventor, musician, writer. [Электронный ресурс] URL: https://faculty.evansville.edu/ck6/bstud/warren.html дата обращения: 12.01.2023

240. Kobre S. Foundations of American Journalism. – Westport: Florida State University, 1970 – 362 p.

241. Kushner H.I. The Russian Fleet and the American Civil War: Another View // The Historian. – 1972. August. Vol. 34, № 4 – P. 633-649

242. Laserson M.M. The American impact on Russia. Diplomatic and Ideological. 1784–1917. – N.Y.: The Macmillan Co., 1950. – 441 p.

243. Pease T.C. Collections of the Illinois state historical library, vol. XVIII. [Statistical series, vol. I]. – Springfield, IL: The Trustees of the Illinois state historical library, 1923. – P. 260-434.

244. Riasanovsky N.V. «Oriental Despotism» and Russia // Slavic Review. – Vol. 22, No. 4 (Dec., 1963). – P. 644-649

245. Saul N.E. Distant Friends: The United States and Russia, 1763-1867. – Lawrence: University pf Press, 1991. – 448 p.

246. Stoessinger J.G. Nations in Darkness: China, Russia, and America. 3rd ed. – N.Y.: Random House, 1981. – 263 p.

247. Tompkins P. American-Russian Relations in the Far East. – N.Y.: Harper Collins, 1982. – 274 p.

248. Tsygankov A.P. Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012 – 317 p.

249. Widmer T. Lincoln and Henry Raymond of The Times // New York Times. March 19, 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.nytimes.com/opinionator.blogs.nytimes.com/2011/03/19/a-very-mad-man/ (дата обращения: 29.11.2024)

250. Williams W.A. American-Russian Relations, 1781–1947. – N.Y.: Rinehart, 1952. – 367 p.

251. Wittfogel K.A. Russia and the East: A Comparison and Contrast // Slavic Review. – Vol. 22, No. 4 (Dec., 1963). – P. 627-643

252. Woldman A.A. Lincoln and the Russians. – Cleveland, N.Y.: The World Publishing Company, 1952 – 311 p.

253. Yarigin A.A. The Russian-American Center at Mari State University // Alrtacts. Western Social Sciense Association. 39 Annual Conference. April 23-26, 1997. – Altuguergue, 1997. – P. 132-135